

А. А. ФОРМОЗОВ

ПУШКИН
И
ДРЕВНОСТИ

НАБЛЮДЕНИЯ АРХЕОЛОГА

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

А. А. ФОРМОЗОВ

ПУШКИН
И
ДРЕВНОСТИ
НАБЛЮДЕНИЯ АРХЕОЛОГА

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

МОСКВА

1979

Автор рассматривает все дошедшие до нас высказывания Пушкина о древностях и их исследователях, сопоставляет их с тем, что мы знаем об археологии XIX в., и с современными представлениями о прошлом. Такой подход позволяет увидеть в произведениях Пушкина новые детали, затронуть вопрос о различии путей познания поэта и ученого.

Ответственный редактор

Л. В. АЛЕКСЕЕВ

© Издательство «Наука», 1979 г.

Ф $\frac{10602-352}{042(02)-79}$ 187-79-0507000000

ВВЕДЕНИЕ

Заглавие этой книги вызовет, вероятно, недоумение. Что общего между Пушкиным и археологией? Раскрыв «Словарь языка Пушкина», мы без труда убедимся, что за всю свою жизнь он ни разу не употребил этот термин. Значит, прежде всего автор должен объяснить читателям, почему и зачем он написал эти очерки.

Область наших интересов определяется, как правило, очень рано. Так было и со мной. Мне исполнилось восемь лет, когда торжественно отмечался пушкинский юбилей 1937 г. Помню, как отец подарил мне однотомник, выпущенный к юбилею Детиздатом. Пушкин у нас дома был, конечно, и раньше, но только эта книга, богато иллюстрированная, нарядная по тем временам, помогла мне почувствовать — разумеется, в самом далеком первом приближении — дух пушкинской поэзии и его эпохи. Помню открытие выставки в Историческом музее, переехавшей позже в Эрмитаж, а затем — в здание Царскосельского лицея. Мальчишку, привыкшего к тому, что все старое обречено на уничтожение, поразило, что сохранились перо поэта, его чернильница, перстень, сотни портретов, книг, вещей. Благодаря им начало XIX в., отделенное от нас уже столетием, становилось зримым, осязаемым. Так еще в школьные годы у меня возник интерес к прошлому нашей культуры, было решено, что моя будущая специальность — изучение Пушкина, декабристов, истории русской литературы и общественной мысли.

Действительно, я поступил на Исторический факультет Московского университета, но тогда — в конце 40-х годов — я предпочел заняться глубокой древностью, первобытной археологией. Я вел раскопки в Крыму и на Кавказе, опубликовал ряд работ по каменному и бронзовому веку. Но первое увлечение не прошло

бесследно. Между делом я собирал материал о науке минувшего столетия, напечатал несколько заметок по этой теме.

На страницах старых археологических изданий я встречал имена, знакомые мне по произведениям Пушкина, по его письмам или воспоминаниям о нем. Это В. Г. Анастасевич, И. П. Бларамберг, Е. А. Болховитинов, К. М. Бороздин, С. М. Броневский, А. Ф. Вельтман, Г. Г. Гагарин, А. Г. Глаголев, Ф. Н. Глинка, А. С. Грейг, В. В. Григорьев, И. А. Гульянов, П. А. Дюбрюкс, К. Ф. Калайдович, В. Н. Каразин, М. Т. Каченовский, Е. Е. Кёлер, П. И. Кёппен, Н. Ф. Кошанский, А. И. Левшин, А. Ф. Леопольдов, И. П. Липранди, М. Н. Макаров, М. А. Максимович, А. Ф. Малиновский, И. И. Мартынов, Н. Н. Муравьев (Карсский), И. М. Муравьев-Апостол, Н. И. Надеждин, С. Д. Нечаев, А. С. Норов, А. Н. Оленин, М. П. Погодин, И. П. Сахаров, П. П. Свинын, Ф. Г. Солнцев, И. М. Снегирев, Г. И. Спасский, И. А. Стемповский, С. Г. Строганов, П. М. Строев, В. Г. Тепляков, А. А. Турчанинова, С. С. Уваров, П. Н. Фусс, З. Я. Ходаковский, А. Д. Чертков¹. Более 40 человек! Иными словами, за исключением двух-трех киевских археологов, Пушкин знал всех исследователей древности, живших в России одновременно с ним.

Другой вопрос, вправе ли мы сделать из этого факта какие-либо далеко идущие выводы. Круг дворянской интеллигенции в 1820—1830-х годах был крайне узок. Все всех знали. Чуть ли не все со всеми считались родством. Должно было пройти полвека, прежде чем стало возможным, чтобы Достоевский и Лев Толстой, живя рядом, мучительно думая над одними и теми же проблемами, так никогда и не встретились.

Простое знакомство еще мало о чем говорит. Вот, например, Александр Дмитриевич Чертков. Личность, безусловно, незаурядная. Он был создателем русской нумизматики — науки о древних монетах, первым провел раскопки подмосковных курганов, принадлежавших племени вятичей, собрал замечательную библиотеку, ставшую после его смерти общедоступной. Сейчас на основе Чертковского книгохранилища выросла одна из лучших библиотек столицы — Историческая. Как же относился к нему Пушкин? 11 и 14 мая 1836 г. он писал жене: «Недавно сказывают мне, что приехал ко мне

Чертков. От роду мы друг к другу не езжали. Но при сей верной оказии вспомнил он, что жена его мне родня, и потому привез мне экземпляр своего „Путешествия в Сицилию“. Не побранить ли мне его en bon parent [по-родственному]?» «На днях звал меня обедать Чертков, приезжаю — а у него жена выкинула. Это нам не помешало отобедать очень скучно и очень дурно» (XVI, 114, 116) *. Нет сомнений, что для Пушкина Чертков — лишь случайное светское знакомство, скорее докучное, чем интересное.

Другой пример — крупнейший русский археолог первой трети XIX в. Алексей Николаевич Оленин. Пушкин знал его лет 20, бывал у него и дома, и в загородном имении Приютино, сватался к его дочери, в юности благодарил за «любезную благосклонность», выразившуюся в изыщном оформлении издания «Руслана и Людмилы» (XIII, 28), после ссылки с раздражением назвал его в черновиках к «Евгению Онегину» «пролаз, нулек на ножках» (VI, 514). Но при всем том остается неясным, проявлял ли когда-нибудь поэт любопытство к изысканиям президента Академии художеств в области античных и средневековых древностей, использовал ли хоть раз какие-либо результаты его работы ².

То, что на протяжении своей жизни Пушкин встречался со многими археологами, позволяет рассчитывать только на мелкие уточнения к его биографии с помощью литературы об этих его современниках, их архивов и т. д. Кое-что из таких наблюдений я опубликовал раньше, кое-что читатель найдет ниже.

Но есть другой аспект темы, гораздо более широкий и интересный. 1820—1830-е годы — это период, когда в России начались раскопки славянских городищ и курганов, некрополей античных колоний в Северном Причерноморье, древних городов Киева и Херсонеса, возникли первые археологические музеи, были сделаны выдающиеся открытия (курган Куль-оба под Керчью, клад древнерусских ювелирных изделий в Старой Рязани). Все это вызывало определенный общественный резонанс.

* Все ссылки на произведения Пушкина даны в тексте по большому академическому «Полному собранию сочинений» (тома I—XVI 1937—1949). Латинская цифра обозначает том, арабская — страницу.

В декабристской «Полярной звезде» Александр Бестужев писал: «К чести нашего века надобно сказать, что русские стали ревностно заниматься археологиею и критикой исторической — сими основными камнями истории»³. Пушкин внимательно читал бестужевские обзоры отечественной словесности и подробно разбирал их в письмах к автору (XIII, 177—179).

Сложение археологии как самостоятельной науки — не частность, важная лишь для специалистов, а факт истории русской культуры. Неужели же всеоткликающийся Пушкин никак на него не отозвался? Нет, мы точно знаем, что он осматривал памятники древности в Крыму, в Молдавии, на Кавказе, интересовался трудами египтолога Гульянова и первого исследователя славянских городищ и могильников Ходаковского. Очевидно, тема нашей книги, при всей ее периферийности для изучения творчества Пушкина, имеет право на существование.

А отсюда и следующий шаг: не ограничиваться комментариями археолога к отдельным произведениям Пушкина, но постараться сравнить его подход к далекому прошлому с подходом современных ему ученых и с нашими сегодняшними оценками. Проблема: два пути познания, «физики и лирики» — волнует сейчас интеллигенцию и у нас, и за рубежом. «Сопряжение далековатых идей» (по выражению Ломоносова, часто применявшемуся нашими литературоведами 1920-х годов)⁴, таких как археология и творчество Пушкина, может привести к неожиданным и бесполезным выводам. Книга не претендует на то, чтобы исчерпать тему. Это лишь очерки, намечающие некоторые направления дальнейших исследований.

КАК СКЛАДЫВАЛАСЬ АРХЕОЛОГИЯ В РОССИИ И ЧТО ЗНАЛ ОБ ЭТОМ ПУШКИН

Сведения о курганах, городищах, горных разработках — «чудских копиях», наскальных изображениях, кладах, каменных изваяниях можно найти еще в русских письменных источниках XII—XVII вв. Но научный подход к этим остаткам далекой старины возник лишь в Петровскую эпоху. Тогда начались и планомерные розыски древностей для созданного царем музея западноевропейского образца — кунсткамеры, и раскопки курганов с чисто исследовательскими, а не кладоискательскими целями, и немыслимые в предшествующий период реставрационные работы на средневековом мусульманском комплексе в Болгаре. Стремясь поднять культуру России на европейский уровень, Петр не только отправлял недорослей учиться за рубеж, издавал переводные книги и приглашал в Петербург немецких профессоров, но и пытался наладить собирание, изучение и охрану памятников прошлого в нашей стране.

Пушкин обо всем этом знал. В подготовительные материалы 1831—1836 гг. к «Истории Петра» вошли многочисленные факты, связанные с этой стороной деятельности царя. Отмечено, что во время поездок за границу он осматривал кунсткамеры и минц-кабинеты в Амстердаме, Дрездене, Копенгагене; покупал там коллекции для своего музея, основанного в 1714 г.; желая привлечь в него посетителей, велел выставлять им специальное угощение; опубликовал указы о присылке редкостей для кунсткамеры (X, 36, 40, 222, 227, 231, 282). Пушкин справедливо видел в этом нечто новое в русской жизни, явления, небезразличные для судеб нашей культуры.

В то же время внимание Петра к подобным вопросам в разгар таких событий, как следствие над царевичем Алексеем, удивляло поэта. Он писал о 1718 г.: «15 марта казнены Досифей, Глебов, Кикин казначей и Вяземский. Баклановский и несколько монахинь высечены кнутом. Царевна Мария заключена в Шлиссельбург. Царица высечена и отвезена в Новую Ладугу... Государственные дела шли между тем своим порядком. 31 ген-

варя Петр строго подтвердил свои прежние указы о нерубке лесов. 1 февраля запретил чеканить мелкие серебряные деньги. 6 февраля подновил указ о монстрах, указав приносить рождающихся уродов к комендантам городов, назнача плату за человеческие — по 10 р., за скотской — по 5, за птичий — по 3 (за мертвые), за живых же: за человек. — по 100, за звер. — по 15, за птиц. по 7 руб. и проч. Смотри указ. Сам он был странный монарх!» (X, 241).

Пушкин не заметил, что в цитированном им документе речь шла не просто об уродах, способных вызвать праздное любопытство толпы, а о сборе научных материалов как анатомических, так и палеонтологических и археологических. Вот строки, наиболее важные для нас: «Ежели кто найдет в земле или в воде какие старые вещи, а именно камня необыкновенные, кости человеческие или скотские, рыбы или птичьи, не такие, какие у нас ныне есть, или и такие, да зело велики или малы перед обыкновенным, также какие старые надписи на камнях, железе или меди, или какое старое необыкновенное ружье [т. е. оружие], посуду и прочее все, что зело старо и необыкновенно, — тако ж бы приносили, за что будет довольная дача»¹. По хранящейся теперь в Эрмитаже «сибирской коллекции Петра I», состоящей примерно из 200 металлических украшений VII в. до н. э. — II в. н. э., выполненных в зверином стиле², поцелевшим в архиве Академии наук рисункам вещей, погибших при пожаре Кунсткамеры в 1747 г.³, мы знаем, что указ 1718 г. принес определенную пользу, сберег для науки интересные памятники прошлого, найденные 250 лет назад, положил начало собиранию их в России.

Но это не единственное распоряжение Петра I об охране остатков старины. Кроме него известно еще несколько: более ранний указ сибирскому губернатору М. П. Гагарину о присылке древностей в Петербург; дополнение к указу 1718 г. с уточнением размера вознаграждений за находки и предложением привезти целиком одну гробницу с костями, а с других — делать чертежи; разъяснение 1721 г. о доставке «куриозных вещей» в Берг- и Мануфактур-коллегии.

Эту сторону деятельности Петра Пушкин по достоинству не оценил. Можно вспомнить в этой же связи и его юношескую шуточную поэму «Царь Никита», где о кунст-

камере говорится как о выставке смешных и нелепых предметов: «две ехидны, два скелета» и т. д. (II, 254).

Но в «Истории Петра» мы встретим и иное — единственную у Пушкина ссылку на музейный экспонат: «Граф Растрелли вылил статую Бухвостова (из потешных, в то время майора артиллерии). Хранится в Академии наук в кунсткамере» (X, 219). Очевидно, Пушкин бывал в этом музее, осматривал его экспозицию. В библиотеке поэта была книга Осипа Беляева «Кабинет Петра Великого» в трех частях — описание и каталог кунсткамеры, путеводитель по ней⁴.

Выделены в «Истории Петра» и два других момента, существенных для развития археологии в России: 1719 год — отправка в Сибирь научной экспедиции во главе с приглашенным из Данцига доктором Дайнилом Готлибом Мессершмидтом (X, 453). Он-то и приступил через три года к исследовательским раскопкам курганов на Енисее. 1722 год — «Петр велел поправить болгарские развалины» (X, 261). Это первое в нашей стране распоряжение об охране и реставрации памятников старины было сделано царем на пути в персидский поход после посещения разрушенной столицы волжских болгар недалеко от Казани. В книге академика Я. Штелина, имеющейся в библиотеке Пушкина, об этом сказано так: император, «приметивши притом, что сии памятники столь славных некогда болгар уже повреждены были временем и впоследствии... совсем могут истребиться... прислал из Астрахани казанскому губернатору повеление отправить немедленно к остаткам разоренного города Булгара несколько каменщиков с довольным количеством извести для починки поврежденных и грозящих упадком строений и монументов, пещись о сохранении оных и на сей конец всякий год посылать туда когонибудь осматривать для предупреждения дальнейшего вреда»⁵.

Пушкин по дороге в Оренбург останавливался в Казани и мог там слышать рассказы о Болгаре, но побывать на самом городище не успел или не захотел.

Середину XVIII в. в истории русской археологии можно назвать «академическим периодом». Из года в год созданная по замыслу Петра Академия наук посылала экспедиции «по разным провинциям Российской империи». Исследования велись в Поволжье и При-

уралье, на Кавказе и на европейском Севере, но особенное внимание привлекала Сибирь. Богатейшие материалы о древностях этой области собрали Г. Ф. Миллер и И. Г. Гмелин с сотрудниками в 1733—1743 гг. Позднее успешно работал в Сибири П. С. Паллас. Пушкин был знаком с основными публикациями проведенных в XVIII в. экспедиций. В его библиотеке мы находим книгу Ф. Страленберга — спутника Мессершмидта, «Описание Сибирского царства» Г. Ф. Миллера, труды академиков И. И. Лепехина, П. С. Палласа, Н. Я. Озерецковского, И. И. Фалька, адъюнкта Н. П. Рычкова⁶. В «Истории Пугачева» сочувственно цитируются слова А. И. Левшина о «Миллере, известном своими изысканиями и сведениями в истории нашей» (IX, 88). В других произведениях Пушкина Миллер назван еще семь раз. Незадолго до своей гибели поэт конспектировал «Описание земли Камчатки» С. П. Крашенинникова — одного из участников Большой Сибирской экспедиции Академии наук.

В последние десятилетия XVIII в. центр интересов ученых переместился из Сибири в Причерноморье. В состав России вошли Крым, низовья Днепра и Днестра — районы, где сосредоточено множество памятников античной культуры. В 1793—1794 гг. П. С. Паллас уже описывал достопримечательности Крыма и Тамани по той же программе, что и сибирские курганы и уральские рудники. Все чаще путешественники предпочитали Тавриду просторам Азии. Это понятно. Загадочные «чудские изделия» могли интриговать узкий кружок сотрудников Академии. Древности греков и римлян воспринимались всем просвещенным обществом, воспитанным на искусстве и литературе классицизма, как что-то свое, почти родственное. И изучение Сибири постепенно замарало. Крупных экспедиций после Палласа здесь не было чуть ли не сто лет.

Традиции XVIII в. некоторое время поддерживал еще горный инженер Григорий Иванович Спасский, издававший в 1818—1825 гг. «Сибирский вестник», а в 1825—1827 гг. — «Азиатский вестник». Он печатал тут извлечения из летописей, статьи о рисунках на скалах, древних горных разработках и погребальных сооружениях. А потом и Спасский перебрался в Одессу и погрузился в занятия археологией Причерноморья.

Пушкин просил в 1825 г. брата Льва прислать ему в Михайловское «Сибирской вестник весь» (XIII, 163). В библиотеке поэта есть комплекты этого журнала за 1818—1822 и 1824 гг.⁷ С самим Спасским Пушкин был знаком с 1818 г., хотя и не близко. Летом 1833 г. Пушкин обратился к нему за разрешением использовать для работы принадлежащую историку рукопись П. И. Рычкова об осаде Оренбурга Пугачевым (XV, 68). Просьба была выполнена: в примечаниях к «Истории Пугачева» упомянут «список „Журнала осаде“, доставленный г. Спасским» (IX, 101).

Исследования в Причерноморье вели уже не столько члены Академии наук, сколько представители местной администрации. Пушкин знал их едва ли не всех. В Одессе он встречался с И. А. Стемповским — автором серьезных работ по античной нумизматике и эпиграфике, возглавившим впоследствии, в бытность керченским градоначальником, раскопки городов и некрополей Боспорского царства, и с И. П. Бларамбергом, также видным знатоком памятников нашего Юга, первым директором Одесского музея древностей. В Керчи Пушкин, возможно, виделся с П. А. Дюбрюксом, в Петербурге в последние годы жизни общался с академиком-антиковедом Е. Е. Кёлером. В Одессе, в доме М. С. Воронцова, считавшего себя покровителем наук во вверенном ему крае, поэт, несомненно, слышал разговоры о новых археологических находках, о коллекциях ольвийских или херсонесских монет. Строка «где древних городов под пеплом дремлют мощи» (III, 191) в стихотворении 1829 г. об Италии «Поедем, я готов...» показывает, что Пушкин имел представление и об открытиях при раскопках Помпей и Геркуланума.

Специфика развития археологии в России по сравнению с Западной Европой заключалась в том, что за рубежом изучение античности началось раньше всего, еще во времена Ренессанса, и к XIX в. обособилось в самостоятельную дисциплину. У нас же эта область знания сложилась относительно поздно — когда уже зародился интерес к русским средневековым древностям.

В эпоху Пушкина наследие античной культуры занимало в жизни образованного общества неизмеримо большее место, чем сейчас. Были живы традиции классицизма, культ римских гражданских добродетелей и респуб-

ликанских идеалов, характерный для периода Французской революции. «Мы страстно любили древних,— вспоминал декабрист И. Д. Якушкин.— Плутарх, Тит Ливий, Цицерон, Тацит и другие были у каждого из нас почти настольными книгами»⁸. Не только наше поколение, но наши отцы и деды не могли бы сказать этого о себе.

Но именно в первой трети XIX в. наметился перелом: античным идеалам всюду стремились противопоставить образы национального прошлого. Предчувствуя движение романтизма, Луи Давид пророчествовал на салоне 1808 г.: «Через десять лет изучение античности будет заброшено... Все эти боги, герои будут заменены рыцарями, трубадурами, распевающими под окнами своих дам у подножия старинного донжона»⁹. Гете говорил в 1824 г. И. П. Эккерману: «Римская история в сущности уже не отвечает нашему времени... Точно так же греческая история мало плодотворна для нас»¹⁰.

Примерно то же происходило и в России. Подъем патриотизма в годы борьбы с Наполеоном, огромный успех «Истории» Карамзина заставили дворянскую интеллигенцию пересмотреть обычные для XVIII в. пренебрежительные оценки допетровской эпохи. По словам Пушкина, «появление Истории государства Российского... наделало много шуму и произвело сильное впечатление. 3000 экземпляров разошлись в один месяц, чего не ожидал и сам Карамзин. Светские люди бросились читать историю своего отечества. Она была для них новым открытием. Древняя Россия, казалось, найдена Карамзиным, как Америка Колумбом. Несколько времени нигде ни о чем ином не говорили» (XI, 57).

Декабрист В. Ф. Раевский призывал Пушкина избавиться от античных реминисценций, ввести в поэзию сюжеты и героев славянской мифологии, воспеть дни новгородской вольности¹¹.

Литературоведы отмечают резкое уменьшение античных мотивов в творчестве Лермонтова по сравнению с поэзией Пушкина¹². Порою стихи Пушкина воспринимаются нами как перенасыщенные полузабытыми классическими образами. Даже шутивное послание «К Языкову» 1826 г. содержит их чуть ли не в каждой строке:

*Нет, не кастильской водой
Ты воспойл свою Камену;*

Да, образование Пушкина было классическим. В Лицее у него «Сенека, Тацит на столе» (I, 59). Он знал важнейшие произведения античных поэтов, а также многих историков, ораторов, философов. Но ведь не случайны слова «латынь из моды вышла ныне» (VI, 7). Не случайно в записке «О народном воспитании» в 1826 г. Пушкин спрашивал: «К чему латинский или греческий? Позволительна ли роскошь там, где чувствителен недостаток необходимого?» (XI, 46), а в «Опровержениях на критики» признавался: «...с тех пор, как вышел из Лицея, я не раскрывал латинской книги и совершенно забыл латинский язык. Жизнь коротка; перечитывать некогда» (XI, 149, 150). Поворот к национальной тематике и отход от наследия древнего мира намечался и в творчестве Пушкина. В его зрелых произведениях античных мотивов меньше, чем в юношеских¹³.

Для того чтобы увидеть, как этот перелом в развитии русской культуры проявлялся в науке, приглядимся к фигуре близкого знакомого Пушкина, одного из ведущих наших археологов начала XIX в., президента Академии художеств Алексея Николаевича Оленина (1763—1843). Сделать это нужно и потому, что значение его деятельности литературоведы представляют себе плохо. Оленин возглавлял кружок петербургской интеллигенции, идеи которого удачно охарактеризовал академик Л. Н. Майков: «Героическое, возвышающее душу, присущее не одному классическому — греческому и римскому — миру; оно должно быть извлечено и из преданий русской древности и возведено искусством в классический идеал»¹⁴. Сам Оленин был верен этой установке. Его перу принадлежат исследования как об оружии гладиаторов и находках в Пантикапее, так и о найденном в 1808 г. шлеме князя Ярослава Всеволодовича, брошенном им на месте Липецкой битвы в 1216 г., и о рязанском кладе украшений XII—XIII вв.

Оленин называл себя археологом, но понимал эту профессию не так, как ее понимают сейчас в широкой публике. Он был не полевым исследователем, раскапывающим курганы и городища, а кабинетным специали-

стом, знатоком материальной культуры далекого прошлого. В экспедиции он никогда не ездил, и поэт К. Н. Батюшков, побывав в 1818 г. в Ольвии, пенял ему, как это он — поклонник античности — не удосужился посмотреть древнегреческие города на нашем Юге¹⁵. Зато Оленин великолепно знал и письменные исторические источники, и иностранную научную литературу, и старинные вещи из музеев и частных собраний. В его книге «Опыт об одежде, оружии, нравах, обычаях и степени просвещения словен от времен Траяна до нашествия татар» (СПб., 1832) мы найдем ссылки на русские летописи, византийца Льва Дьякона, араба Ибн-Фадлана, на миниатюры Изборника Святослава, фрески Старой Ладуги, на изображения на колонне Траяна и на ковре XI в. из города Байе, вытканном якобы женой Вильгельма-завоевателя Матильдой, на этнографические данные об украинцах и белорусах, словаках и болгарях. Он слышал и о шелковых чулках, обнаруженных на острове аббата Ингона, умершего в 1025 г., и об обычае грузин пить вино из рога. В других работах говорится о находках в Египте, Геркулануме, Помпеях, о трудах Б. Монфокона, О. Миллена, Х. Гейне и других авторитетнейших антиквариев. Оленин переписывался со знаменитым египтологом Ж. Шампольоном.

Приведенные слова Л. Н. Майкова не означают, что наш археолог старался поднять национальное прошлое на греческие котурны. Напротив, для Оленина характерен очень трезвый подход к старине. Любимым его выражением была фраза из крыловской басни: «А ларчик просто открывался». Он поставил ее эпитафией к одному из своих исследований. Древнегреческие музыкальные инструменты Оленин спокойно сравнивал с крестьянскими сопелками из Рязанской губернии¹⁶.

На военной службе во время шведской и польской кампаний 1789, 1790 и 1794 гг. в драгунских эскадронах Псковского полка Оленин учился стрелять из лука у начальника башкирского отряда Акчур-Пай Кочулпанова и у лезгина Лачинова. В Петербурге он изучал луки из коллекций русских мореплавателей И. Ф. Крузенштерна, В. М. Головина, П. И. Рикорда, Ю. Ф. Лисянского, Ф. Ф. Беллинсгаузена, О. Е. Коцебу, используя помимо собственных впечатлений сообщения Г. Деберга об этом оружии у индейцев Бразилии. За 35 лет он соб-

рал коллекцию более чем из ста луков — кавказских, татарских, башкирских, распиливал некоторые из них, чтобы выяснить, как изготовляли их греки или славяне¹⁷.

Став выдающимся знатоком древностей, Оленин, как и положено специалистам, крайне не любил дилетантов. Вот что писал он в 1830 г. своему сотруднику художнику Ф. Г. Солнцеву (Пушкин с ним встречался): «Мнимые детские латы великого князя Дмитрия Донского прошу не срисовывать. Я их очень знаю и могу Вас уверить, что они ему никогда не принадлежали, ибо в том веке не только в России, но нигде, ни в Азии, ни в Европе, такого рода лат не употребляли... П. С. Валуев, некогда начальствующий над Московской мастерской оружейной палатой, имел страсть приписывать сии предметы в принадлежность знаменитым людям в истории русской. Он делал это без всякого основания и без доказательств, а единственно по пустым преданиям или по собственному изобретению»¹⁸.

Можно наметить три основных направления в деятельности А. Н. Оленина. 1) Составление реального комментария к произведениям классиков античной литературы. Н. И. Гнедич работал над переводом «Илиады». У него постоянно возникали вопросы, как понимать тот или иной гомеровский термин. И консультации с Олениным были всегда незаменимы. Встретилось, скажем, слово «пóножи». Что это такое? Оленин умел разыскать эту часть доспеха среди изображений на древних вазах или мраморных рельефах, а то и среди вещей, найденных при раскопках. Впоследствии его ученые письма к Гнедичу были опубликованы. 2) Советы тем, кто вел раскопки античных могильников в Причерноморье. Коекому из них, по выражению Пушкина, «недоставало сведений» (XIII, 18) — т. е. глубоких знаний в области культуры древнего мира. Поэтому и они посылали всяческие запросы президенту Академии художеств. 3) Описание и классификация памятников русской старины. Оленин был инициатором нескольких важных предприятий: организовал поездку по России К. М. Бороздина (мы еще будем о ней говорить), разработал план монументального издания «Древности Российского государства», увидевшего свет уже после его смерти, в 1846—1853 гг.

Какое влияние мог оказать Оленин как археолог на часто посещавшего его дом Пушкина, решить непросто¹⁹. Кое о чем будет сказано ниже. Здесь же рискнем выдвинуть предположение, что благодаря ему Пушкин получил некоторое представление о старинном оружии. Фигурирующие в его стихах щит, меч, шлем — обычные слова из поэтического лексикона, но уже шпашак (I, 260; III, 94), броню (II, 243; III, 94), бердыш (III, 311) мог упомянуть лишь человек, несколько знакомый со средневековым доспехом и оружием.

Преувеличивать осведомленность Пушкина в этой сфере не приходится. В «Руслане и Людмиле» шлемы называются то «медными», то «стальными», то «чугунными» и неизменно «пернатыми», «оперенными», кольчуги — тоже «медными», а такими ни те, ни другие в Восточной Европе никогда не были (мы сейчас воспринимаем эту поэму через призму книжных иллюстраций и декораций и костюмов к опере Глинки, выполненных уже с учетом современных знаний о Киевской Руси). Конечно, «Руслан и Людмила» — не научный трактат, а изящная сказка с элементами фантастики. Антикварной точности от нее требовать смешно. И все же мы не сомневаемся, что древнее оружие поэт видел в подлинниках или в хороших воспроизведениях (о том, что он им интересовался, вспоминал П. В. Нащокин)²⁰. Вероятно, это могло быть у Оленина, но не исключено, что и гораздо раньше, — не в Петербурге, в доме президента Академии художеств, а еще в детские годы, в Москве. Дело в том, что давний знакомый семьи Пушкиных Алексей Федорович Малиновский — брат первого директора Лицея и дядя однокашника поэта — ведал одно время Оружейной палатой в Кремле и составил ее описание²¹. Быть может, мальчиком, еще в долицейский период, Пушкин бывал в царской сокровищнице, превращенной в 1806 г. в открытый для публики музей, и слушал объяснения такого знатока русской старины, как Малиновский.

Уже в 1830-х годах, приезжая в Москву, Пушкин прибегал к помощи Малиновского в архивных изысканиях (XV, 32; XVI, 114). В Московском архиве Коллегии иностранных дел Малиновский служил с 1780 г., еще при Г. Ф. Миллере, свободно ориентировался в собранных там документах и постоянно снабжал необходимы-

ми справками Н. М. Карамзина, готовившего свою «Историю», Н. П. Румянцева и других. В статье про Слово о полку Игореве Пушкин включил А. Ф. Малиновского в число «истинных ученых» (XII, 387).

Рассказав о некоторых личных контактах Пушкина с людьми, занимавшимися античными и русскими памятниками, посмотрим теперь, какие книги по этой тематике он читал или хотя бы проглядывал. «Отцом археологии» принято называть немецкого искусствоведа Иоахима Винкельмана. Это не совсем точно. Поиски статуй, ваз, монет путем раскопок начались в Риме задолго до его рождения. О памятниках прошлого немало было напечатано и до его «Истории искусства древности» (1763). Но именно эта книга вызвала широкий интерес к культуре античного мира, на многие годы определила главные пути в ее изучении. В России этот труд хорошо знали. Его штудировал К. Н. Батюшков²². «Русским Винкельманом» именовали Оленина. Ссылался на Винкельмана в статье «О критике» и Пушкин (XI, 139). «История искусства древности» была в его библиотеке во французском переводе²³.

Книга Винкельмана написана доступно, но это все же научное исследование, требующее от читателя известной подготовки. Иной характер носило другое популярное в ту эпоху сочинение об античности — «Путешествие Анахарсиса младшего по Греции» Жан-Жака Бартеlemi (1788). Анахарсис — один из семи легендарных мудрецов древности, скиф по происхождению, приезжавший будто бы в Элладу во времена Солона. Автор выбрал другой период — IV столетие до н. э. — и провел младшего Анахарсиса через все основные города, святилища, достопримечательности Греции, заставляя увидеть их глазами чуждого цивилизации «естественного человека» — героя, характерного для Руссо, Вольтера и их эпигонов. В начале XIX в. в Москве и Петербурге вышло сразу два перевода этого многотомного сочинения²⁴. Московское издание субсидировал сам Александр I. Карамзин, прибыв в Париж, поспешил представиться Бартеlemi и выразить ему восхищение русских читателей²⁵. Пушкин упомянул о петербургской публикации книги Бартеlemi в статье «Российская Академия» (XII, 43), а в стихотворении «К вельможе» уподобил Н. Б. Юсупова, странствовавшего по Европе

накануне Французской революции, «любопытному ски-фу» — Анахарсису (III, 218). В библиотеке поэта сохранился атлас к французскому изданию произведений Бартеlemi²⁶.

Интересно, что в начале XIX в. появились подражания книге Бартеlemi, построенные уже не на античном, а на своем средневековом материале: «Тристан-путешественник, или Франция в XIV веке» Л. Маршанжи (1825), «История французов разных сословий» А. Монтейля (1828)²⁷. Декабрист Ф. Н. Глинка — близкий знакомый Пушкина — в 1816 г. предлагал создать «Русского Анахарсиса»²⁸. Проект остался неосуществленным — наши памятники прошлого были в ту пору еще толком не выявлены, не изучены и не осмыслены. Но показательна для эпохи сама тенденция выдвинуть на первый план не античное, а национальное наследие.

Ниже мы еще будем говорить про другие книги о древностях, которые читал Пушкин (С. Сестренцевич-Богуш, И. М. Муравьев-Апостол, Д. Кантемир, Я. Потоцкий). Сейчас же попробуем выяснить, знал ли он какие-либо труды по русской археологии. В его библиотеке была книга профессора Харьковского университета Г. П. Успенского «Опыт повествования о древностях русских». Это не столько описание старинных вещей, сколько выборка сведений из разных письменных источников о частном и гражданском быте средневековой Руси. Книга пользовалась успехом. Первое издание ее вышло в 1818 г. тиражом 600 экземпляров и тотчас разошлось по предварительной подписке. Столько же заказов удовлетворить не удалось. Потребовалось второе издание²⁹. Александр Бестужев ссылается на этот труд как на один из источников своей повести «Роман и Ольга»³⁰.

В 1821 г. в «Вестнике Европы» были напечатаны статьи о Куликовской битве. Они принадлежали перу директора училищ Тульской губернии, члена Общества истории и древностей российских, участника декабристского Союза Благоденствия Степана Дмитриевича Нечаева (1792—1860). Одна статья сопровождалась рисунками металлических вещей, найденных на Куликовом поле: бердыша, наконечника стрелы, крестиков. Пушкин был знаком с Нечаевым (XV, 109; XVI, 88) и несомненно держал в руках эти номера «Вестника Европы» с

первой в нашей литературе публикацией памятников древнерусской материальной культуры³¹.

В 1822 г. в запустелой Старой Рязани был обнаружен клад ювелирных изделий, зарытый жителями города перед разгромом его монголо-татарами. Это был, пожалуй, первый большой комплекс вещей домонгольской эпохи, попавший в руки ученых. Он вызвал неминуемые споры и породил целую литературу. После кратких информаций в журнале П. П. Свинына «Отечественные записки»³² в Москве в 1823 г. вышла брошюра К. Ф. Калайдовича «Письма к Алексею Федоровичу Малиновскому об археологических исследованиях в Рязанской губернии с рисунками найденных там в 1822 году древностей». Это отчет о поездке на место находки, описание Старой Рязани, соображения о назначении городищ, к которым тогда же привлек внимание З. Ходаковский. Через восемь лет, в 1831 г., была опубликована книга А. Н. Оленина «Рязанские русские древности». Вряд ли Пушкин, знавший и Калайдовича, и Малиновского, и Оленина, просматривавший «Отечественные записки» (комплект за 1822 г. у него был), интересовавшийся идеями Ходаковского, не видел эти издания.

В заглавии книги Калайдовича есть слово «археология». Остановимся поэтому на истории этого термина и объясним, почему же его нет в «Словаре языка Пушкина». Термин этот придумал еще в IV в. до нашей эры знаменитый философ Платон (диалог «Гиппий Большой»). От Дионисия Галикарнасского усвоили это слово и в Московской Руси (анонимное сочинение «Историческое учение», составленное в царствование Федора Алексеевича). Однако с римской эпохи и до конца XVIII в. господствовало другое название научной дисциплины — латинское *antiquitates* (древности) и его эквиваленты в современных языках. Только после того как в 1767 г. профессор Христиан Готлиб Гейне прочел в Геттингенском университете курс «Археология искусства древности, преимущественно греков и римлян», старое название возродилось.

У нас первым употребил его, кажется, в 1804 г. журнал «Северный вестник», издававшийся переводчиком античных авторов И. И. Мартыновым. Пушкин его знал — к нему адресовано самое раннее из дошедших до нас писем поэта (XIII, 1). С его сыном он учился в Ли-

це. «Северный вестник» занимает заметное место в литературе русского просветительства. Здесь в годы александровского либерализма были перепечатаны даже отрывки из изъятых и запрещенных «Путешествия из Петербурга в Москву» А. Н. Радищева. Сотрудничал в журнале и выдающийся библиограф, автор ряда статей на исторические темы В. Г. Анастасевич. Возможно, интересующий нас отдел журнала вел он, а не Мартынов. Об Анастасевиче Пушкин говорит в стихотворении «Тень Фонвизина» (I, 159).

Лицейский профессор Н. Ф. Кошанский перевел в 1807—1819 гг. две зарубежные сводки: «Руководство к познанию древностей» Обена Луи Миллена и «Ручная книга древней классической словесности, содержащая археологию..., древности греческие и римские...» Иоганна Эшенбурга³³. Пушкин, несомненно, читал учебник Эшенбурга, переработанный и дополненный Кошанским как раз в те годы, когда он был преподавателем Пушкина в Лицее³⁴.

Даже в заглавиях книг Калайдовича и Эшенбурга термины «древности» и «археология» применяются параллельно. Широко вошло в русский язык слово «археология» уже в 1820-х годах (напомню цитированное во «Введении» высказывание А. А. Бестужева)³⁵. Пушкин остался верен старому наименованию. Для него Ходаковский — не археолог, а «любитель» или «изыскатель древностей» (V, 100, 418). Впрочем, и сам Ходаковский археологом себя не называл. Из наших классиков первым писал об «археологических открытиях» Лермонтов в очерке «Кавказец» в 1841 г.³⁶

Исследования античных и древнерусских памятников были главными направлениями в археологии пушкинской поры, но уже тогда возникли и два других ее раздела, связанных с изучением Востока и первобытной эпохи. Знакомый Пушкина — Николай Николаевич Муравьев (в будущем Карсский) — во время военно-дипломатической поездки в Хиву осмотрел и описал несколько среднеазиатских городищ, а на одном из них даже провел раскопки. Книга «Путешествие в Туркмению и Хиву в 1819 и 1820 годах гвардейского генерального штаба капитана Николая Муравьева» была в библиотеке Пушкина во французском переводе³⁷. По примеру наполеоновской экспедиции в Египте наши военные

включали в состав своих подразделений определенное число специалистов, изучавших вновь приобретаемые территории на Кавказе и в Средней Азии. Об интересе Пушкина к археологии Востока мы еще будем говорить.

Проблема начального этапа человеческой истории — каменного века — была поставлена в первой половине XIX столетия французской наукой. Основоположники археологии палеолита Буше де Перт (1798—1868) и Эдуард Ларте (1801—1871) — ровесники Пушкина. В России эта дисциплина сложилась позднее, чем в Западной Европе. Публикации, входившие в противоречия с Библией, вызывали беспокойство цензуры и правительства. Все же кое-что просачивалось в печать и в пушкинскую эпоху.

В 1816 г. около Луганска был найден клад кремневых орудий неолитического времени. О нем сообщил горный инженер Г. Г. Гесс де Кальве, известный также как деятель музыкальной культуры на Украине³⁸. Доклад его «Опыт исторического исследования об образовании человеческих способностей, в особенности по части минералогии» был прочтен 23 февраля 1820 г. в Вольном обществе любителей российской словесности в Петербурге. Пушкина на заседании не было, но там присутствовали А. А. Дельвиг, В. К. Кюхельбекер, П. А. Плетнев, З. Ходаковский³⁹.

В сочинениях самого Пушкина есть незамеченный отклик на открытия в области палеолита. Он содержится в рецензии 1836 г. на «Фракийские элегии. Стихотворения Виктора Теплякова». В этом весьма благожелательном отзыве цитируется как «лучшая из всех» элегия «Гебеджинские развалины», и там мы находим строки:

*Мамонта могуч и страшен
На битву равную охотник вызывал!*

XII, 87

Литературоведы не обратили на них внимания: кто же не знает, что первобытные люди охотились на мамонта? Но в том-то и дело, что ни в 1829 г. (когда В. Г. Тепляков ездил в Болгарию и писал свои элегии), ни в 1836 г. этого не знал почти никто. К работам на Сомме Буше де Перт приступил в 1832 г., а к выводу

об одновременном существовании человека и ископаемых животных пришел уже в 1840-х годах. Основной его труд «О кельтических и допотопных древностях» вышел в трех томах в 1847—1864 гг. В изучении каменного века у Буше де Перта были предшественники — Турналь, начавший свои изыскания в 1826 г. и поместивший две статьи в «Annales des sciences naturelles» в 1828 и 1834 гг., и Ф. Шмерлинг, обнаруживший кости мамонта вместе с кремневыми орудиями около Льежа. Его сообщения увидели свет в 1833 и 1834 гг.⁴⁰ В примечаниях к элегии Теплякова эти имена не названы. Ссылается он, правда в иной связи, на знаменитого палеонтолога Ж. Кювье. Но великий биолог, как известно, не верил, что человек жил одновременно с мамонтом. В прочтенном Тепляковым и имевшемся в библиотеке Пушкина «Рассуждении о переворотах на поверхности земного шара» Кювье заявлял, что «ископаемых человеческих костей не существует»⁴¹. Источником сведений Теплякова был, следовательно, кто-то другой.

Виктор Григорьевич Тепляков (1804—1842) — фигура незаурядная и малооцененная. Он формировался в декабристских кругах, подвергся аресту, а после освобождения жил на юге России, увлекаясь историей и археологией. Во время русско-турецкой войны 1829 г. он был командирован в Болгарию, чтобы собрать для Одесского музея древностей монеты, камни с надписями, сосуды и статуи. Плодом этой поездки были и «Фракийские элегии» и прозаические «Письма из Болгарии» (1833). В этой книге описаны некоторые археологические находки и сделан ряд выводов, в дальнейшем подтвержденных наукой. В очерке о поисках гробницы Овидия мы к этому вернемся. «Гебеджинские развалины» показывают, что помимо античности Тепляков интересовался и более ранней эпохой. Его наблюдения перешли на страницы пушкинской рецензии.

Вот сколько неожиданных пересечений между творчеством Пушкина и историей археологии удастся отметить даже при беглом обзоре.

В заключение подчеркнем, что в начале XIX в. наука была обособлена от жизни общества меньше, чем теперь. Учреждения, где в тиши кабинетов работают кастовые специалисты, делящиеся результатами своих исследований лишь с коллегами на закрытых заседаниях, возник-

ли в основном позднее. Гуманитарными науками занимались светские люди. Расшифровка египетских иероглифов, раскопки в Куль-обе или Херсонесе обсуждались в гостиных, на балах и раутах.

То же касается и коллекций древностей. Кроме Кунсткамеры и Оружейной палаты, государственных музеев не было. Зато во многих домах демонстрировались частные собрания редкостей. В юсуповском Архангельском под Москвой, где не раз бывал Пушкин, и сейчас можно осмотреть такой «зал антиков». Предметы искусства и старины собирали не только богачи вроде Н. Б. Юсупова. Даже в сравнительно бедной семье А. Ф. Бестужева — отца декабристов — «в шкафах за стеклами и на высоких этажерках были расположены минералы, граненые камни, редкости из Геркуланума и Помпеи»⁴². Мы знаем, что в 1833 г. А. И. Тургенев прислал Пушкину в подарок из Рима мраморную античную вазу, найденную при раскопках Тускулума⁴³.

Частные коллекции не отличались, конечно, ни полнотой, ни систематичностью современных музеев, дающих исчерпывающее представление обо всех этапах культуры, о различных сторонах древнего быта. Но эти малые собрания обладали и определенными преимуществами — любой предмет желающие могли взять в руки, пощупать, повертеть. Внимание посетителей не рассеивалось на тысячи экспонатов, а сосредоточивалось на отдельных вещах. Таков был еще один путь проникновения археологии в жизнь просвещенного общества.

ПУШКИН И АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ПАМЯТНИКИ ЮГА РОССИИ

Следы далекого прошлого сохранились в любом уголке нашей страны. Даже сейчас — после многовековой распашки, после интенсивных строительных работ, зримо изменивших ландшафт, — то тут, то там можно заметить оплывшие валы городищ на высоких мысах по берегам

рек, насыпи курганов на водоразделах. В начале XIX в. поверхность земли была затронута деятельностью человека меньше, чем теперь, и остатки старины выделялись четче, встречались чаще. Иное дело, как их воспринимали люди, жившие рядом или проезжавшие мимо.

В детские годы Пушкин жил летом в подмосковном селе Захарово.

*(Мое Захарово; оно
С заборами в реке волнистой
С мостом и рощею тенистой
Зерцалом вод отражено.)*

I, 168

Около села возвышался большой курган¹. Вероятно, он был насыпан во времена древней Руси, когда здесь обитали летописные вятичи. Мальчик, конечно, видел курган, но понимал ли, что это такое, неизвестно. В окрестностях Михайловского, куда Пушкин попал впервые в 1817 г., после окончания Лицея, есть несколько древнерусских селищ. На Савкиной горке раскопки обнаружили недавно культурный слой IX—X вв., а на городище Воронич — мощные отложения, накапливавшиеся с XII—XIII до XVII—XVIII вв.² Мы знаем начальный вариант названия «Бориса Годунова», сочиненного в Михайловском в 1825 г.: «Комедия о настоящей беде Московскому государству, о царе Борисе и о Гришке Отрепьеве. Писал раб божий Александр сын Сергеев Пушкин в лето 7333 на городище Ворониче» (VII, 290; XIII, 188). Воронич у Тригорского предпочтен Михайловскому безусловно для того, чтобы придать заглавию исторический колорит. Значит, Пушкин воспринимал городище правильно: как свидетеля былых веков, как современника положенных в основу драмы событий.

Но первыми археологическими памятниками, обратившими на себя внимание Пушкина, были, бесспорно, южнорусские курганы. Прежде чем ссыльный поэт прибыл в Кишинев к своему новому начальнику генералу И. Н. Инзову, он совершил длительное путешествие по Поднепровью, Приазовью, Предкавказью, степному Крыму, Северо-Западному Причерноморью. Выехав с семьей генерала Н. Н. Раевского в середине мая 1820 г. из Екатеринослава, к 1 июня Пушкин добрался до Но-

вочеркасса, дальше по Прикубанью направился в район Кавказских минеральных вод, проведя там почти два месяца, 5 августа повернул в обратный путь, к 12 августа был в Темрюке, затем прожил три недели в Крыму, 12 сентября миновал Перекоп и только к 20 сентября приехал в Кишинев³. Вся эта область усеяна большими и малыми курганами, насыщенными главным образом в бронзовом веке и в скифо-сарматское время, а отчасти уже в средние века — печенегами, торками, половцами. Не заметить эти памятники прошлого невозможно даже сегодня, когда рядом выросли крупные города, промышленные комплексы Донбасса, когда распахана вся степь. Полтора столетия назад кроме курганов тут по сути дела ничего примечательного не было, и неудивительно, что о них говорится и в южных поэмах Пушкина — «Кавказском пленнике», «Братьях разбойниках» (IV, 373), «Цыганах», и в стихотворении тех же лет «Песнь о вешем Олеге» (II, 245). Позже, возвращаясь к сюжетам, связанным с Молдавией, Пушкин вновь вспоминал о курганах в «Кирджали» (VIII, 259), в «Записках бригадира Моро де Бразе (касающихся до Турецкого похода 1711 года)» (X, 308, 318), в заметках к Слову о полку Игореве.

Раскроем, например, «Цыган»:

*Отец мой,— дева говорит,—
Веду я гостя; за курганом
Его в пустыне я нашла
И в табор на ночь зазвала*

IV, 180

Свидание с молодым цыганом Земфира назначает «там за курганом над могилой» (IV, 197). Алеко ищет ее:

*Чуть по росе приметный след
Ведет за дальние курганы.
.....
Могила на краю дороги
Вдали белее перед ним.
.....
И близкий шопот слышит он
Над обесславленной могилой.*

IV, 198

Все это, разумеется, не более чем фон действия, романтический *couleur locale*. Должно было пройти еще четверть столетия до того, как Алексей Константинович Толстой написал хрестоматийные стихи о самом кургане:

*В степи на равнине открытой
Курган одинокий стоит.
Под ним богатырь знаменитый
В минувшие веки зарыт.*

(Известно, между прочим, что А. К. Толстой пробовал раскапывать древние могильники близ своего имения «Красный рог» между Брянском и Почепом ⁴.)

В беглых упоминаниях курганов у Пушкина взгляд археолога улавливает отпечаток представлений эпохи об этих памятниках. Теперь все знают, что это насыпи над древними захоронениями. Не так было в начале XIX в. Знакомый Пушкина видный историк Ю. И. Венелин писал в 1830 г., что это «мнимые могилы», скорее всего остатки жилищ кочевых народов — татар и угров ⁵. Другой знакомый поэта академик П. И. Кёппен в тот же период приводил и разбирает мнение, распространенное на юге России, что курганы — это сторожевые вышки, искусственные холмы, с которых караулы следили за передвижениями татар и казаков ⁶.

Если в «Цыганах» или в «Путевых записках 1829 года» (VIII, 1033) курган — синоним могилы, то в «Кавказском пленнике» мы видим иное:

*На курганах возвышенных,
Склонясь на копья, казаки
Глядят на темный бег реки.*

IV, 101

. . . . .
*И окликались на курганах
Сторожевые казаки.*

IV, 112

Но это может быть лишь бытовой зарисовкой: на насыпях над прахом древних обитателей степи как на наиболее высоких точках, удобных для обзора, часто располагались посты кубанских казаков. В той же поэме автор говорит про свою музу, что она

*Любила бранные станицы,
Тревоги смелых казаков,
Курганы, тихие гробницы.*

IV, 113

Зато в совершенно другом смысле применен тот же термин в заметках к Слову о полку Игореве: «Чрез всю Бессарабию проходит ряд курганов, памятник римских укреплений, известный под названием Троянова вала» (XII, 151). Здесь уже явно речь идет о земляных сооружениях оборонительного назначения. В Поднестровье до сих пор сохранились два траяновых вала — нижний и верхний. Построены они в первые века нашей эры¹. Во время поездки по Молдавии в 1821 г. И. П. Липранди показывал Пушкину верхний траянов вал у с. Леова на Пруте². Отсюда он тянется к Днестру в район Бендер на 138 км.

Итак, в произведениях Пушкина отразилась некоторая неотчетливость представлений о курганах, существовавшая в науке начала XIX в. Только широкие массовые раскопки в середине этого столетия позволили утверждать, что округлые насыпи — это всегда надгробия, а длинные валы — фортификационные сооружения, совсем другая категория древностей.

Кладбища кочевников-степняков Пушкин видел только мельком, из окна повозки. Более внимательно осматривал он археологические памятники в Крыму. Источником наших сведений об этом служат два письма поэта. Первое отправлено брату Льву 24 сентября 1820 г. из Кишинева, т. е. вскоре после посещения Тамани, Керчи, Феодосии. Второе адресовано А. А. Дельвигу и относится к декабрю 1824 или к 1825 г. Это отклик на вышедшую в 1823 г. книгу Ивана Матвеевича Муравьева-Апостола «Путешествие по Тавриде в 1820 году». Пушкина поразила резкая разница в его собственном восприятии Крыма и одновременно побывавшего там Муравьева-Апостола, и он вспоминает о своих впечатлениях, сравнивая их с рассказом Муравьева-Апостола — человека старшего поколения, поклонника античности, писателя-классика. Судьба этого текста своеобразна. Хотя Пушкин специально просил это письмо никому не читать, он сам способствовал тому, что оно почти целиком вскоре же было опубликовано в «Северных цветах

на 1826 год», а затем при жизни автора перепечатывалось еще несколько раз. Теперь оно включается в собрания сочинений вместе с отрывком из книги Муравьева-Апостола как приложение к «Бахчисарайскому фонтану» (XIII, 487).

Рассмотрим последовательно дошедшие до нас записи Пушкина о крымских достопримечательностях, сопровождая его слова необходимыми комментариями.

«С полуострова Таманя, древнего Тмутараканского княжества, открылись мне берега Крыма» (XIII, 18). Что летописная Тмутаракань находилась на Тамани, было установлено незадолго до поездки Пушкина. Авторы XVII в. помещали ее в Астрахани, В. Н. Татищев и И. Н. Болтин — в районе Рязани, Феофан Прокопович — в Литве, Г. Байер — в Темрюке⁹. Только находка на Таманском городище в 1792 г. мраморной плиты с русской надписью 1068—1069 гг. с упоминанием Тмутаракани помогла определить местоположение древнего поселения. В 1806 г. А. Н. Оленин опубликовал книгу «Письмо к графу Алексею Ивановичу Мусину-Пушкину о камне Тмутараканском». Возможно, поэт видел ее, но не менее вероятно, что о Тмутараканском княжестве он узнал из «Истории» Карамзина, которую цитировал в этой связи в «Кавказском пленнике» (IV, 117). В Фанагорийской крепости Пушкин мог видеть тмутараканский камень. В 1803 г. при поездке по Крыму и Тамани талантливый архитектор и писатель Н. А. Львов устроил в местной церкви нечто вроде музейной экспозиции, расставив в виде скульптурной группы тмутараканский камень, куски мраморных плит с древнегреческими надписями и обломки античных статуй, найденные около Фанагории. Как выглядела эта композиция, характерная для эпохи, стремившейся объединить, увязать античные и русские памятники, мы знаем по гравюре в книге А. Н. Оленина. В 1820 г. эту экспозицию в церкви еще берегли. Ее осмотрел и описал путешествовавший одновременно с семьей Раевских и Пушкиным третьестепенный литератор Г. В. Гераков¹⁰. Лет через десять все древности из церкви выкинули. Тмутараканский камень в 1835 г. перевезли в Керченский музей, а уже оттуда в 1854 г. — в Эрмитаж.

15 августа 1820 г. Пушкин провел в Керчи. Письмо к брату: «Морем приехали мы в Керчь. Здесь увижу я

развалины Митридатова гроба, здесь увижу я следы Пантикапеи, думал я — на ближней горе посреди кладбища увидел я груды камней, утесов, грубо высеченных — заметил несколько ступеней, дело рук человеческих. Гроб ли это, древнее ли основание башни — не знаю. За несколько верст остановились мы на Золотом холме. Ряды камней, ров, почти сравнившийся с землей — вот все, что осталось от города Пантикапеи. Нет сомнения, что много драгоценного скрывается под землей, насыпанной веками; какой-то француз прислан из Петербурга для разысканий — но ему недостает ни денег, ни сведений, как у нас обыкновенно водится» (XIII, 18). Письмо к А. А. Дельвигу: «Из Азии переехали мы в Европу на корабле. Я тотчас отправился на так называемую Митридадову гробницу (развалины какой-то башни); там сорвал цветок для памяти и на другой день потерял без всякого сожаления. Развалины Пантикапеи не сильнее подействовали на мое воображение. Я видел следы улиц, полузаросший ров, старые кирпичи — и только (IV, 175; XIII, 250, 251).

Пушкин упоминает два археологических объекта — руины античного города Пантикапея и Золотой курган неподалеку от него. Над Керченским портом поднимается гора Митридат. На ней-то и располагается основанный переселенцами из Милета в VI в. до нашей эры Пантикапей. Название горы возникло уже после присоединения Крыма к России. Царь Понта — государства в Малой Азии — Митридат (родился около 132 г. до нашей эры, погиб в 63 г. до нашей эры) был яростным соперником Римской державы. Он достиг того, что под его властью оказались и Кавказ, и Северное Причерноморье, и Греция, и острова Эгейского моря. И все же в борьбе с Римом Митридат потерпел поражение. Утратив завоеванные области, он покончил с собой в Пантикапее, где его сын Фарнак готов был выдать отца римлянам.

Этот яркий эпизод из прошлого Тавриды, рассказанный греческим историком Аппианом⁴¹, русское общество знало лучше, чем какие-либо другие связанные с Крымом события. Сведения о Митридате черпались при этом обычно из посвященной ему трагедии Расина, а не из первоисточников. Понтийскому царю приписывали все развалины, уцелевшие к тому времени в Керчи.

Так же воспринимал достопримечательности Крыма и Пушкин: «Онегин посещает Тавриду:

*Воображенью край священный:
С Атридом спорил там Пилад,
Там закололся Митридат».*

VI, 199

Или в черновиках неоконченного стихотворения: «И зрит пловец — могила Митридата» (II, 190). Как и большинство его современников, поэт ошибался. Такой гробницы в Пантикапее никогда не было. Фарнак отослал тело отца его врагу Помпею, а тот благородно повелел похоронить царя с подобающими почестями на родовом кладбище в Синопе.

На территории городища Пушкин осмотрел какую-то башню, фундаменты жилищ. Сейчас ни того, ни другого мы уже не найдем. По мере того как росла русская Керчь, ее жители растаскивали для своих домов камни из древних построек.

Впечатления Пушкина от античного городища примерно такие же, как у любого рядового посетителя. Ждут чего-то значительного, выразительного, ясную и цельную картину ушедшей жизни, а видят всего-навсего обрывки кладок, разбитые кирпичи, черепки. Ведь археологи, как правило, имеют дело лишь с жалкими остатками зданий, со следами древнего быта, порой даже со «следами следов». Такое же разочарование испытал ездивший по Крыму за год до Пушкина поэт предшествовавшего поколения В. В. Капнист. В 1819 г. он отправился на юг ни более ни менее как за тем, чтобы отыскать свидетельства о странствиях Одиссея, скитавшегося, по мнению В. В. Капниста, именно по Черному, а не по Средиземному морю¹². Вместе с семьей В. В. Капнист приехал в Херсонес, но, как писала позднее его дочь, «кроме камней и разрушенных стен мы ничего не видели»¹³.

Но если Капнист, Муравьев-Апостол и другие путешественники по Тавриде не шли дальше признания, что Пантикапей или Херсонес в натуре не так интересны, как думалось, то Пушкин сделал определенный шаг вперед. Он понял, что «много драгоценного скрывается под землею» и надо вести раскопки. На это его могли на-

толкнуть разговоры с А. Н. Олениным в Петербурге, с С. М. Броневским — в Феодосии, возможно, и с П. А. Дюбрюксом в Керчи.

Дюбрюкс — это и есть упомянутый в письме к брату «француз». Неясно, встречался ли с ним Пушкин. Пребывание поэта в Керчи было кратковременным, а Дюбрюкс в этот момент мог находиться за городом, на раскопках. Во всяком случае относящиеся к нему слова Пушкина неточны, что могло случиться и при мимолетном знакомстве и быстрой экскурсии с ним по Пантикапею. Поль Дюбрюкс (1774—1835) вовсе не был «прислан из Петербурга для разысканий», а занялся ими по собственному почину. История его такова: он был заброшен в Россию в числе многих дворян-роялистов, бежавших от Французской революции. Но в то время как его более богатых, более знатных и образованных соотечественников, вроде герцога А. Ришелье, графа А. Ланжерона, О. де Рибаса (чьи имена до сих пор звучат в названиях одесских улиц), ждали в России видные государственные посты, судьба рядового эмигранта сложилась нелегко. Поступив 19 лет на военную службу, Дюбрюкс не имел по сути дела никакого образования. Правда, это не помешало ему несколько лет быть учителем где-то в Польше, но в Керчи, куда он перебрался в 1809 г., на эту роль он уже не претендовал.

Ныне крупный портовый город, Керчь была тогда захолустным поселком с 600 жителей. Дюбрюкс, пристроившийся на таможне, бедствовал и питался одной соленой рыбой. В 1817 г. его назначили начальником соляных озер, но и эта должность приносила ему мало дохода. Не слишком обремененный служебными обязанностями, француз бродил по окрестностям и собирал древние монеты, расписные сосуды, нередко попадавшиеся в пантикапейской земле. С 1811 г. он начал вести небольшие раскопки. Есть данные о том, что сперва Дюбрюкс рассчитывал всего лишь пополнить свой бюджет, продавая найденные вещи коллекционерам. Но постепенно он увлекся археологией, стал читать древних авторов, записывать свои наблюдения, делать зарисовки и чертежи. Как справедливо заметил Пушкин, для раскопок нужны солидные средства, чтобы оплачивать тяжелый труд землекопов. Учреждений, ведавших археологическими исследованиями, в России тогда еще не было.

Дюбрюкс обращался в Академию наук, искал меценатов-покровителей. Какую-то сумму на раскопки раздобыл для него А. Ф. Ланжерон, что-то дали великие князья Николай и Михаил Павловичи. В 1818 г. Керчь посетил «кочующий деспот» — Александр I. Дюбрюкс преподнес императору свою коллекцию древностей, а тот «подарил» ее ему же. С тех пор археологическая деятельность смотрителя соляных озер получила уже официальный характер, почему Пушкин и решил, что «француз прислан из Петербурга для разысканий». Но средств не было по-прежнему. Незадолго до смерти Дюбрюкс говорил, что выходит на археологические разведки на целый день лишь с ломтем хлеба в кармане и только изредка позволяет себе купить солдатского табаку.

Улучшилось его положение в одном отношении. В 1829 г. в Керчь прибыл новый градоначальник И. А. Стемпковский — серьезный знаток античности, некогда общавшийся с членами Парижской Академии надписей. В 1826 г. возник Керченский музей древностей. После открытия кургана Куль-оба с его золотыми произведениями искусства правительство уже не скупилось на финансовую поддержку раскопок, и они разворачивались все шире и шире. Недавний краевед-одиночка дожид до начала этого нового этапа и смог несколько лет поработать с более квалифицированными антиковедами¹⁴.

Отзыв Пушкина совпадает с характеристиками, данными зачинателю керченской археологии другими современниками. Сопровождавший Александра I при поездке по Крыму генерал и военный историк А. И. Михайловский-Данилевский (Пушкин его знал) писал: «Что человек сей не учен, то доказывает самое короткое с ним свидание, он по-латыни не знает, об успехах, сделанных в филологии в новейшие времена, и не слышал, и даже по-французски говорит дурно, мало учился, ... вступил в военную службу во Франции и потом сочинил книжку под заглавием „Essai sur la cavalerie legère“. Всякий видит, что переход от легкой конницы до глубокой древности немного труден»¹⁵. Ниже, однако, Михайловский-Данилевский отметил, что Дюбрюкс читал Геродота и Страбона. А. Н. Оленин также утверждал, что «от трудов господина Дюбрюкса не может быть решительно никакой пользы», подчеркивая в заключении о его сообще-

ниях, что он «неграмотен на своем французском языке»¹⁶. Личная встреча с Дюбрюксом, приезжавшим в Петербург в апреле-мае 1820 г., не изменила отрицательное мнение о нем президента Академии художеств. Пушкину оно могло быть известно.

Его пренебрежительный взгляд на «француза» уже в наши дни пытался обосновать Б. В. Томашевский. Для него это «археолог-дилетант, беспорядочно копавший керченскую землю и составивший коллекцию древних предметов, историческое значение которых он сам не мог оценить»¹⁷. Никто из нас — археологов — не согласится с этим приговором. О систематических исследованиях Пантикапея в начале XIX в. и речи быть не могло. Не было средств на раскопки. Не было коллектива квалифицированных специалистов, необходимого для любой крупной экспедиции. Дюбрюкс сосредоточил свои усилия на единственно возможном и нужном деле: осматривал окрестности города, отмечал, где есть древние памятники, следил за земляными работами и разборкой камня, нарушавшими культурные слои и могильники, иными словами, вел то, что сейчас называют археологическим надзором. И самое главное — он добросовестно и бесхитростно записывал все, что видел. По дневникам и зарисовкам Дюбрюкса через полтора столетия мы без труда определим, к какому времени относятся расчищенные им могилы или вынутые из них сосуды, несомненно, обреченные на исчезновение без следа, если бы он их сразу же не зафиксировал. Скромному начальнику керченских соляных озер по праву принадлежит почетное место в истории русской археологии.

Помимо руин Пантикапея Пушкин посетил Золотой курган в 4 км к западу от Керчи. Это традиционный экскурсионный объект, привлекавший всех путешественников по Тавриде. Вокруг Пантикапея располагались кладбища. Некоторые богатые могилы находились под высокими насыпями в подземных склепах. Склепы античного времени были открыты в 1832 г. при раскопках Д. В. Карейши и в Золотом кургане, но существует мнение, что возведен он был еще до начала греческой колонизации Крыма древнейшим из известных по имени народов нашей страны — киммерийцами¹⁸. Насыпь кургана опоясана каменным кольцом диаметром 67—83 м, состоящим из огромных монолитов, что характерно

не для античных, а для первобытных мегалитических сооружений. Высота этой циклопической кладки даже сейчас достигает 4,5 м, Дюбрюкс же успел замерить еще не разобранные местными жителями стены высотой до 11,5 м.

Можно вспомнить восторженные отзывы Ги де Мопассана о менгирах Бретани и Генри Джеймса — о знаменитом Стоунхендже в Англии¹⁹. Действительно, в грубых мегалитических постройках есть своя поэзия. Глядя на них, представляешь себе толпы первобытных людей, голыми руками или с самыми примитивными приспособлениями ворочающих гигантские куски скал, думаешь о тысячелетиях, прошедших после этого и не сокрушивших древние гробницы. Но Пушкина Золотой холм оставил равнодушным.

Из Керчи Раевские и Пушкин направились в Феодосию, где пробыли 16 и 17 августа 1820 г. В письме к брату Пушкин говорит: «Из Керчи приехали мы в Кефу, остановились у Броневского, человека почтенного по непорочной службе и по бедности. Теперь он под судом — и, подобно Старикау Виргилия, разводит сад на берегу моря, недалеко от города. Виноград и миндаль составляют его доход. Он не умный человек, но имеет большие сведения об Крыме, стороне важной и запущенной» (XIII, 18, 19). Судя по этим словам, путешественники провели два дня не в самой Феодосии, а около нее, на даче С. М. Броневского. Пушкин приводит генуэзское название города — Кефа (точнее Кафа), но не упоминает никаких сохранившихся в нем памятников старины. А их немало. Стены и башни средневековой крепости и сейчас очень эффектны.

Рассказ о Семене Михайловиче Броневском (1763—1830) надо немного дополнить. Широко образованный дворянин, начавший свое поприще при Екатерине II, бывавший за рубежом, служивший на Кавказе, он в течение шести лет (1810—1816) был феодосийским градоначальником. По проискам каких-то местных деятелей он потерял этот пост и оказался под судом. Следствие длилось до 1824 г. и окончилось оправданием Броневского, но он так и умер в бедности, не у дел, занимаясь только садоводством. Броневский написал серьезный труд о Кавказе, знакомый Пушкину и входивший в библиотеку поэта²⁰. Но главная его заслуга перед нашей

культурой — создание феодосийского музея. Он был открыт 13 мая 1811 г. в здании бывшей мечети. Музеи в русской провинции возникали и раньше. Первый, о котором мы знаем, был организован в 1728 г. при Иркутской школе и фигурирует в источниках до 1805 г.²¹ И в Причерноморье еще в 1806 г. особый музей древностей учредил при Николаевской штурманской роте адмирал И. И. Траверсе. Но все провинциальные собрания были недолговечны и рано или поздно исчезали неизвестно куда. Феодосийский музей существует поныне. На устройство его была выделена тысяча рублей из средств городской думы. Как-то поддерживался он и в дальнейшем, а в 1871 г., благодаря заботам известного художника И. К. Айвазовского, переехал из мечети в специально построенное экспозиционное помещение²².

Мы с благодарностью должны помнить имя феодосийского градоначальника, но современники не оценили по достоинству его инициативу. Осматривавшие музей в 1810—1820-х годах А. И. Михайловский-Данилевский, И. М. Муравьев-Апостол писали о нем, как о складе малоинтересных случайных вещей²³. Повторялось то же, что и при посещении древних городов: рассчитывали увидеть сокровища, а видели какие-то глиняные горшки, медные монеты, обломки плит с обрывками нечитающихся надписей. Только теперь мы понимаем, какое большое дело собирания и сохранения остатков старины начал свыше полутора веков назад С. М. Броневский. Вряд ли он не демонстрировал свое детище Н. Н. Раевскому и его спутникам, но поскольку Пушкин об этом не упомянул, можно думать, что и ему музей не показался заслуживающим внимания.

Из Феодосии путешественники отправились морем в Гурзуф. Там, на даче Раевских, Пушкин прожил более двух недель — с 18 августа по 5 сентября. Б. В. Томашевский считает, что в черновиках элегии «Кто видел край...» говорится о господствующей и теперь над приморским поселком средневековой Гурзуфской крепости²⁴.

*Пойду бродить на берегу морском
И созерцать в забвеньи горделивом
Развалины, поникшие челом.
Старик Сатурн в полете молчаливом
Снедает их . . . . .*

*И волны бьют вокруг валов обгорелых,
Вкруг ветхих стен и башен опустелых.*

II, 669

Возможно, Б. В. Томашевский прав, хотя тут же сказано «и зрит пловец — могила Митридата», т. е. речь идет уже о Керчи. Наверное, точнее будет сказать, что Пушкин думал о Гурзуфской крепости, когда писал элегию, рисующую Крым в целом, а не только этот его уголок. Древние Горзувиты возникли в V в. нашей эры, но сохранившиеся сейчас укрепления относятся к XII—XV вв.²⁵

После отдыха в Гурзуфе Н. Н. Раевский-старший, Н. Н. Раевский-младший и Пушкин поехали верхом на запад, вдоль южного берега Крыма, а потом повернули на север — к Бахчисараю и Симферополю. Уже оттуда поэт двинулся к месту своей ссылки, через Перекоп и Одессу в Кишинев.

Из памятников, осмотренных в сентябре 1820 г., в письме к Дельвигу назван один: «Георгиевский монастырь и его крутая лестница к морю оставили во мне сильное впечатление. Тут же видел я и баснословные развалины храма Дианы. Видно, мифологические предания счастливее для меня воспоминаний исторических, по крайней мере тут посетили меня рифмы» (IV, 176; XIII; 252). Далее цитируется стихотворение «К Чаадаеву»:

*К чему холодные сомненья?
Я верю: здесь был грозный храм,
Где крови жаждущим богам
Дымилась жертвоприношенья.*

II, 364

Малодоступный и потому почти забытый в наши дни Георгиевский монастырь, основанный в IX в., некогда пользовался широкой известностью. Во-первых, очень эффектно его местоположение — на отвесной скале над морем. Во-вторых, именно с этим пунктом в XVIII—XIX вв. связывали античную легенду об Ифигении. Это очень древний миф, созданный еще до начала греческой колонизации Северного Причерноморья, быть может, даже во II тысячелетии до н. э. Ифигения — дочь микенского царя Агамемнона — была перенесена богиней

Артемидой в Тавриду, где стала жрицей в святилище тавров. Действительно, коренные обитатели горного Крыма — тавры — поклонялись богине Деве и иногда приносили ей даже человеческие жертвы, сталкивая обреченных с высокой скалы. Культ Девы был позднее усвоен переселенцами-греками, жителями Херсонеса, слившись с культом богини-охотницы Артемиды (римской Дианы). В 100 стадиях к востоку от Херсонеса находилось главное святилище Девы. Об этом писали Геродот, Страбон, Овидий, Лукиан ²⁶.

Для просвещенного общества XVIII—XIX вв., как и в случае с Митридатом, основным источником сведений об Ифигении и храме Девы служили не античные тексты, а французские трагедии Вобертрана, Гимон де ля Туша, обработки мифа Гете, опера К. Глюка. В 1768 г. в России на трех языках шла драма Марка Колтеллини «Ифигения в Тавриде», поставленная и при дворе в день рождения Екатерины II ²⁷.

После поездки П. С. Палласа по Крыму сложилось представление о том, что мыс Партенион со святилищем Девы можно отождествить с мысом Ая-бурун, или Фиолент, в полутора километрах от Георгиевского монастыря. Какие-то древние развалины на этой скале были тогда заметны. Мнение Палласа разделяли автор «Путешествия по полуденной России» В. В. Измайлов и составитель «Истории Тавриды» С. Сестренцевич-Богуш. Эту книгу Пушкин читал во французском издании (XIII, 36). Оспаривал соображения Палласа И. М. Муравьев-Апостол ²⁸. Его-то «холодные сомнения» и имел в виду Пушкин, из чего следует, в частности, что эти строки написаны не в Георгиевском монастыре в 1820 г., а лишь по прочтении книги Муравьева в Михайловском — в 1824 г. Об этом уже говорил Б. В. Томашевский ²⁹.

Отметим еще одну деталь: в начале XIX в. Георгиевский монастырь взял под особую опеку известный реакционер министр народного просвещения и обер-прокурор Святейшего Синода А. Н. Голицын. В 1816 г. он затеял перестройку обители, приказав разобрать древнюю церковь и заложить новый храм. К 1820 г. храм был уже готов. Впоследствии Голицына в нем и похоронили ³⁰. Таким образом, Пушкин не застал в монастыре памятников средневековой архитектуры, разрушенных сановным святошей.

Этим, как будто, и ограничилось знакомство Пушкина с древностями Крыма. В заключение нужно сказать о том, чего он не видел. Ни один путешественник по югу не миновал Севастополя. В ту пору это был небольшой город (главным русским черноморским портом оставался Николаев), но рядом с Севастополем расположены руины Херсонеса. Все хотели там побывать. Известно, что после включения Крыма в состав России Екатерина II добавила к императорской титулатуре «царица Херсонеса Таврического». Пушкин проехал мимо Севастополя, Херсонеса, Инкермана. Его дорога с южного берега к Бахчисараю шла около Мангупа — опустевшего города IV — XVI вв., столицы феодального княжества Феодоро, но нет никаких указаний на то, что Раевские и их спутник туда завернули.

Самое поразительное, что и в Бахчисарае они видели очень мало. Все приехавшие в этот городок после осмотра ханского дворца поднимаются километра три вверх по речке Чурук-су к средневековой крепости Чуфуткале с десятками вырубленных в скалах помещений, с гробницей дочери Тохтамыша Джанике-ханым. Но Пушкин дальше ханского дворца не пошел, не взглянув даже на примыкающий извне к его стене мавзолей невольницы хана Керим-гирея Диляры-бикеч, превращенной легендой в графиню Потоцкую. Дельвигу Пушкин признался, что был тогда болен («лихорадка меня мучила»), но все же перед нами явное свидетельство его равнодушия к традиционному набору крымских достопримечательностей. Это обстоятельство уже давно вызывало недоумение биографов и комментаторов. С удивлением говорили они об очень поверхностных впечатлениях поэта от путешествия по Тавриде, о его невнимании ко многим любопытнейшим памятникам старины, к богатой крымской этнографии. Высказывалось мнение, что после чтения книги Муравьева-Апостола у Пушкина, наконец, открылись глаза, и письмо к Дельвигу — это «покаянная исповедь» человека, понявшего задним числом, сколько важного он упустил при своей поездке. Напечатан отрывок из этого сугубо интимного послания якобы против воли автора. Это утверждали не только наивные симферопольские краеведы, но и такой крупный историк, как академик С. Ф. Платонов³¹. Очевидно, над этим вопросом стоит задуматься.

Не нужно забывать, что наши источники крайне скудны: всего два письма. В них вошло, конечно, отнюдь не все из увиденного и перечувствованного Пушкиным в Крыму. Показательно, что брату он не рассказал ни о Георгиевском монастыре, ни о Бахчисарае, кратко охарактеризованных в письме к Дельвигу, где зато нет ни слова о Феодосии. Были, наверное, и другие впечатления, не отраженные в дошедших до нас текстах. Далее: Пушкин попал в Крым неожиданно — он ехал в Кишинев, и маршрут его резко изменился благодаря счастливой встрече с Раевским. К их плану он немедленно приспособлялся. Нельзя поэтому сопоставлять его беглые заметки с толстой книгой Муравьева-Апостола, два года тщательно готовившегося к своему путешествию, читая древних авторов и труды современных исследователей Крыма. Вспомним еще, что Пушкину едва исполнился 21 год. Это гениальный юноша, а не тот мудрый зрелый мастер, каким он вернулся в Москву после ссылки в Михайловское.

Но нуждается ли Пушкин в каких-то оправданиях? Можно ли говорить о незрелости его крымских записей? Мне кажется, что если сравнить их с «Путешествием в Арзрум» (1829—1835), разница будет невелика: стиль тот же — краткий, точный, четкий, без излишних сантиментов. Велико сходство и писем 1820 и 1825 гг. Думается поэтому, что «Отрывок из письма» увидел свет совсем не случайно. Не исключено даже, что и сочинен он именно для публикации, с полемическими целями. Характерно, что введенные туда стихи Пушкин сознательно датировал не тем временем, когда они сложились. Иными словами, «Отрывок» — вовсе не фрагмент из письма к другу с воспоминаниями о приятной поездке, а литературное произведение типа очерка.

Путешествия по Крыму в конце XVIII — начале XIX в. были делом нередким. Открыла их сама Екатерина II в 1787 г. вскоре после присоединения полуострова к России. За нею потянулись многие дворянские семьи. Крым еще не был тем, чем он стал теперь. Он воспринимался как дикий романтический край, как страна с итальянским климатом, но с экзотическим населением, на которое можно посмотреть вполне безопасно (до присоединения Средней Азии было еще далеко, а на Кавказе шла война). Наконец, в Тавриде видели кусо-

чек классического мира с храмом Дианы, гробницей Митридата, руинами Херсонеса. Все это нашло свое отражение в литературе.

До Пушкина в Крыму побывали С. С. Бобров (1798), В. В. Измайлов (1799), П. И. Сумароков (1799 и 1802), Н. А. Львов (1803), В. Б. Броневский (племянник С. М.—1815), К. Н. Батюшков (1818), В. В. Капнист (1819). Бобров издал длинную поэму «Таврида», или «Херсонида», Измайлов, Сумароков и Броневский — путевые очерки. Одновременно с Пушкиным ездили по Крыму И. М. Муравьев-Апостол и Г. В. Гераков³², несколько позже — А. С. Грибоедов, П. А. Вяземский, А. Мицкевич, В. А. Жуковский и А. А. Бестужев.

Пушкин с этой литературой не просто был знаком, но и специально изучал ее в период подготовки южных поэм. 27 июля 1821 г. он просил брата прислать ему в Кишинев «Тавриду» Боброва (XIII, 31), в письме к П. А. Вяземскому из Одессы в начале декабря 1823 г. еще раз упомянул эту поэму и справлялся о только что вышедшей книге Муравьева-Апостола (XIII, 80, 81). Поэма Боброва, типичного архаиста, не раз осмеянного в эпиграммах «Бибриса», поэта, решительно во всем чуждого Пушкину, сохранилась в его библиотеке³³.

21 июня 1822 г. ссыльный поэт просил редактора «Полярной звезды» декабриста А. А. Бестужева: «Предвижу препятствия в напечатании стихов к Овидию... Не называйте меня, а поднесите ей (цензуре.— А. Ф.) мои стихи под именем... какого-нибудь нежного путешественника, скитающегося по Тавриде» (XIII, 38, 39). Здесь ясно видно отношение Пушкина к «нежным путешественникам». Их-то вздохам и умилениям при взгляде на «священные древности» он противопоставлял свой предельно трезвый, почти сухой рассказ о развалинах Пантикапея или запущенном бахчисарайском дворце.

Действительно, страницы о памятниках старины в книгах В. В. Измайлова, В. Б. Броневского, Г. В. Геракова, в поэме С. С. Боброва бессодержательны, тогда как пустых восклицаний по этому поводу — о бренности всего земного и тому подобном — более чем достаточно. С этой сентименталистской литературой и полемизировал Пушкин в «Отрывке из письма».

Были и другие книги — П. И. Сумарокова, И. М. Муравьева-Апостола, свидетельствующие о большой эруди-

ции авторов, об их глубоком знании античных источников, но стиль изложения и в этом случае оставался «нежным». Приведу для примера описание Георгиевского монастыря у Муравьева-Апостола: «Сойди несколько ступенек крыльца церковного, и ты на террасе, как балкон висящем над ужасною пропастью... Не доверяй полусгнившим деревянным перилам! И когда ты насладишься произвольным трепетом, наслаждаешься рева волн под ногами твоими, наглядишься на страшную скалу, как уголь черную, вокруг коей ярится море и покрывает его пеною, тогда обрати насыщенные ужасом взоры на картину спокойствия и тишины: посмотри на эти тополи, смоковни, коих вершины никогда не колебались от северного ветра, взгляни на этот источник, как кристалл чистый и прозрачный, вытекающий из щели каменной горы,— и вспомни Лукрециева мудреца, коего наслаждения возвышаются ощущением внутреннего спокойствия при созерцании вне бурь и треволнений. Если ты, друг мой, услышишь когда-нибудь, что я сделался отшельником, то ищи меня в Георгиевском монастыре»³⁴. Эта многословность, манерность претила Пушкину: «Точность и краткость,— вот первые достоинства прозы. Она требует мыслей и мыслей — без них блестящие выражения ни к чему не служат» (XI, 19).

Соперничать с эрудиции с Муравьевым-Апостолом Пушкин не собирался: «...оставляю в стороне остроумные его изыскания; для проверки оных потребны обширные сведения самого автора» (XIII, 250). Но он считал возможным иной, чем у него, подход к памятникам прошлого. В противовес рассуждениям специалиста, знатока, немного педанта он выдвигал свою позицию поэта-художника: «К чему холодные сомненья?»

ПУШКИН И ЛЕГЕНДА О ГРОБНИЦЕ ОВИДИЯ

Как известно, в период южной ссылки Пушкин создал «Овидиев цикл» поэтических произведений¹. «В собственной участи своей он любил находить некоторое сход-

ство с судьбой римского поэта-изгнанника», — записал со слов современников П. И. Бартенев ².

Напомню, что в 8 г. нашей эры Публий Овидий Назон был выслан императором Августом на далекую окраину античного мира — в город Томы на западном берегу Черного моря. Здесь он прожил около девяти лет, завершил свою главную книгу — «Метаморфозы», а из новых стихов составил два сборника элегий — «Скорби» и «Послания с Понта». В городе, основанном в VI в. до н. э. выходцами из Милета, было очень смешанное население. Кроме греков и римлян там жили и представители местных племен — геты, скифы, сарматы. Овидий внимательно присматривался к жизни северных варваров, выучил гетский язык и даже пробовал сочинять на нем стихи. Не дождавшись прощения, в 17 или в начале 18 г. нашей эры он умер и, вероятно, был похоронен на одном из городских кладбищ. Обо всем этом Пушкин знал еще из лицейских курсов ³.

В письме к Н. И. Гнедичу из Кишинева от 27 июня 1822 г. Пушкин жаловался: «Живу меж гетов и сарматов; никто не понимает меня» (XIII, 39). В послании к П. Я. Чаадаеву говорится:

*В стране, где я забыл тревоги прежних лет,
Где прах Овидиев пустынный мой сосед...*

II, 187

Упомянут Назон и в первой главе «Евгения Онегина»:

*...Страдальцем кончил он
Свой век блестящий и мятежный
В Молдавии, в глуши степей,
Вдали Италии своей.*

VI, 8

В поэме «Цыганы» отец Земфиры рассказывает Алеко легенду о ссыльном поэте. 1821 годом датируется большое послание «К Овидию». В нем мы найдем такие строки:

*Овидий, я живу близ тихих берегов,
Которым изгнанных отеческих богов
Ты некогда принес и пепел свой оставил.*

*Твой безотрадный плач места сии прославил;
И лиры нежный глас еще не онемел;
Еще твоей молвой наполнен сей предел...
...Я ныне посетил
Страну, где грустный век ты некогда влачил.
.....
...Обо мне потомок поздний мой
Узнав, придет искать в стране сей отдаленной
Близ праха славного мой след уединенный...*

II, 218—220

К стихотворению сделано примечание. В нем, в частности, сказано: «Мнение, будто Овидий был сослан в нынешний Аккерман, ни на чем не основано. В своих элгиях он явно назначает местом своего пребывания город Томы (Tomî) при самом устье Дуная» (II, 728). Впоследствии это примечание было перенесено в первую главу «Евгения Онегина» и опубликовано в отдельном издании ее (VI, 653).

Очевидно, «прах Овидия» для Пушкина не просто поэтический образ. Как в Керчи он искал гробницу Митридата, так и здесь ему хотелось выяснить, куда именно был сослан римский поэт и где он похоронен. Это подтверждают воспоминания И. П. Липранди. Первой книгой, взятой у него Пушкиным в Кишиневе, был перевод Овидия на французский. Позднее Пушкин побывал в Аккермане и обсуждал вопрос о месте ссылки Овидия с декабристами В. Ф. Раевским и К. А. Охотниковым и с самим Липранди. Всех их забавляла недавно появившаяся статья П. П. Свинына, где это место и приурочено к Аккерману⁴. Наконец, в принадлежавшей поэту французской книге «Bibliothèque universelle de Romains» (t. V. Paris, 1776) его закладки обнаружены как раз на страницах, посвященных изгнанию Назона⁵.

Еще И. П. Липранди заметил определенную противоречивость высказываний Пушкина о могиле Овидия. В «Евгении Онегине» рядом стоит и «в Молдавии, в глуши степей», и то, что это «ни на чем не основано».

В 1901 г. профессор А. И. Яцимирский выдвинул наиболее популярное до сих пор объяснение цитированных выше строк. И. П. Липранди помнил, что Пушкин читал в Кишиневе книгу сподвижника Петра I молдавского господаря Дмитрия Кантемира «Описание Молдавии»,

а там содержится рассказ об уцелевшем где-то в степях надгробии с латинской эпитафией поэту, покинувшему родину из-за гнева Августа-цезаря. Эти сведения Кантемир заимствовал у польского историка Станислава Сарницкого, а тот в свою очередь у курляндца Лоренца Мюллера. Благодаря Кантемиру, восходящая к XVI в. легенда была известна в Молдавии 1820-х годов и косвенно повлияла на Пушкина⁶. Вывод А. И. Яцимирского повторялся потом другими литературоведами, например в вышедшей в наши дни двумя изданиями монографии Г. Ф. Богача «Пушкин и молдавский фольклор»⁷.

Считаться с этими наблюдениями нужно, но история легенды о гробнице Овидия не ограничивается линией, идущей от Мюллера к Кантемиру, а гораздо сложнее. Вполне возможно, были и иные источники, как-то повлиявшие на Пушкина. Чтобы разобраться в этом, нам придется очень далеко отходить от его творчества, называть десятки имен, но для наших целей такой путь совершенно необходим⁸.

Произведения Овидия не были забыты в период средневековья. Элегии «Скорби» и «Послания с Понта» возбуждали особый интерес к его жизни в ссылке. В книге «De magnificentia», увидевшей свет в Венеции в 1498 г., Джованни Понтано привел сообщение Георгия Трапезундского (1396—1484), что Овидия похоронили в Томах на кладбище у городских ворот. Переписано ли это из какой-нибудь древней, недошедшей до нас рукописи или придумано через тысячу лет после смерти Овидия — решить трудно.

В эпоху Ренессанса, по словам видного историка культуры Я. Буркгардта, впервые возникло почитание нехристианских реликвий — памятников великим людям античного мира. Как правило, это были не их подлинные гробницы, а фальшивки или усыпальницы их соименников. В Падуе в XVI в. были «открыты» могилы троянца Антенора и Тита Ливия, в Неаполе — Вергилия. «Сульмона, — писал Боккаччо, — жалуется, что Овидий похоронен в изгнании в чужой земле, а Парма радуется, что в ее стенах покоится Кассий»⁹.

Движение Ренессанса захватило не только Италию. В XVI в. оно распространилось и на Центральную Европу. Но если итальянские гуманисты могли сравнительно легко разыскивать и собирать памятники классиче-

ской древности, то прошлое Центральной и Юго-Восточной Европы знали тогда плохо. Ссылка Овидия куда-то на северо-восток Римской империи (где находились Тома, после гибели города уже никто не помнил) воспринималась людьми, читавшими латинских авторов, чуть ли не как самый яркий эпизод в древней истории их стран. Особенно волновали слова Овидия о стихах на гетском языке, в котором готовы были видеть один из ныне существующих языков. В ту пору многим казалось унижительным думать, что в период расцвета греческой и римской цивилизации предки народов Центральной Европы достигли еще относительно невысокого культурного уровня. Хотели верить, что в I в. н. э. у них были свои цари и герои, развивалась своя гетская (польская? молдавская?) литература.

Поэтому сведения о жизни Овидия у северных варваров включались и в польские хроники — Марцина Бельского (1564), его сына Иоахима (1597), Мацея Стрыйковского (1582), и в молдавскую летопись Мирона Костина (1684). Слова Стрыйковского, что Овидий был в тех местах, где расположены Очаков, Канев, Черкассы и Киев, может быть, породили легенду о гробнице поэта на Днепре. В 1586—1590 гг. Петр Видавский написал стихи о жизни Овидия среди поляков.

Подобные наивные рассуждения пытались подкрепить ссылками на какие-то вещественные памятники. В 1540 г. королеве венгерской Изабелле было поднесено серебряное перо, якобы принадлежавшее Назону и найденное в Белграде. В нескольких причерноморских городах стали показывать дома и башни, где будто бы жил великий поэт. В том же XVI в. впервые заговорили и о находке его могилы.

В наиболее ранних сообщениях Вольфганга Лациуса (1551) и Гаспара Брушиуса (1553) мы читаем, что могила Овидия была обнаружена в 1508 г. в городе Сомбатхей, или Штейнамангер, стоящем на месте римского поселения Сабария в Подунавье. Так ли это, легко было проверить. К тому же, Сомбатхей лежит хотя и на Дунае, но не у берега Черного моря, как описанные в «Скорбях» Тома. Неудивительно, что легенда вскоре же угасла.

Больше повезло другому варианту легенды — о гробнице Овидия в степях Поднепровья. Первым написал об

этом в 1585 г. курляндский историк Лоренц Мюллер, бывший в 1580—1585 гг. послом при дворе Стефана Батория. По словам Мюллера, в 1581 г. во время путешествия по Поднепровью он познакомился с волынским дворянином, чью фамилию он передает как «Войнуски». Это был очень просвещенный человек, поэт, знаток греческого и древнееврейского языков, обладатель уникальной рукописи Цицерона «De re publica». «Войнуски» предложил Мюллеру посетить могилу Овидия, опровергнув распространенное на Волини предание о том, что он похоронен в Киеве. В шести днях пути от Днепра в глухом краю Мюллер увидел заросший колодец, а рядом камень с латинской эпитафией:

*Hic sites est Vates, quem divi Caesaris ira
Augusti Latio cedere iussit humo,
Saepe miser voluit patriis occumbere terris
Sed frustra: hunc illi fata dedere locum*¹⁰.

*Здесь поэт погребен, которому бог прогневленный,
Август, путь указал прочь из Латинской земли.
Часто несчастный мечтал в родном упокоиться крае.
Тщетно: судьба для него место назначила здесь.*

Перев. М. Л. Гаспарова

Это сообщение получило широкую известность. Оно повторено во многих книгах XVI—XVIII вв. как польских, так и французских, немецких, итальянских, венгерских. Насколько оно правдоподобно? Польский литературовед Г. Пшиходский установил, что «Войнуски» — реальное лицо — трембовельский судебный подстароста Еремиаж Войновский, автор нескольких поэм на латинском языке. Реально существовал и камень. Антонио Поссевин писал в 1604 г., что видел его в Гнезно, куда надгробие было специально доставлено. Издано его изображение. В свете этого можно предполагать, что не Мюллер выдумал рассказ о своей поездке, но Войновский показал путешественнику воздвигнутый им самим памятник с сочиненной им же эпитафией.

Второй вариант легенды о могиле Овидия оказался гораздо более живучим, чем первый. Это понятно: теперь речь шла о глухом труднодоступном месте без точной привязки к каким-либо известным пунктам. В 1715 г.

сведения Мюллера были включены в латинское «Описание Молдавии» Дмитрия Кантемира, сперва изданное по-немецки в 1769 г., а затем и по-русски — в 1789 г.¹¹ Так же, как Иоахим Бельский и Мирон Костин, Кантемир верил, что Овидий был сослан в Аккерман (ныне Белгород-Днестровский), и поэтому связывал рассказ о камне у степного колодца с близкими к этому городу районами.

Как мы знаем от Липранди, Пушкин читал книгу Кантемира. Использовал ее и живший в Молдавии одновременно с Пушкиным и близко общавшийся с ним писатель А. Ф. Вельтман. В повести «Странник» в 1831 г. он высказал догадку, что плита с могилы Овидия могла попасть в Бессарабию случайно — ее завезли туда вместе с балластом на корабле¹². Пушкин отзывался об этой повести с похвалой и намеревался написать на нее рецензию (XIV, 164, 168). Через полтора десятка лет Вельтман узнал, что Кантемир исходил из данных Сарницкого, а тот привел (взяв его неизвестно откуда) название местности у гробницы поэта — «Азак». Вельтман решил, что это Азов и, следовательно, Назон окончил свои дни не в устье Дуная, а в устье Дона. Статья Вельтмана «Дон. Место ссылки Овидия», напечатанная в 1866 г.¹³, была уже анахронизмом. Более чем за десять лет до этого ученые установили, где располагались древние Томы.

Так продолжалось в пределах нашей страны развитие легенды, зародившейся в XVI в. в Польше. Параллельно возникали другие легенды. В 1581 г. Мюллеру говорили о могиле Овидия в Киеве. Упоминания об этом мы встретим и в других источниках.

Виленский пастор Иоанн Гербиний выпустил в 1675 г. в Иене книгу на латинском языке «Подземный Киев». Сам он там никогда не был, но собирал с помощью писем и расспросов сведения о достопримечательностях этого города. В книге отвергаются предания, будто Киев — это гомеровская Троя, а в лаврских пещерах похоронены Приам, Гектор и Ахилл, а также и то, что сюда сослали Овидия¹⁴. В описании путешествия по России молдавского епископа Пахомия (умер в 1724 г.) есть и такой эпизод: от Мирона Костина он слышал о мощах «императора Овидия», хранящихся в Киеве, но при посещении Киево-Печерской лавры убе-

дился, что это неверно. Костину рассказывали об этом в период его учения во Львове. Печерские монахи разъяснили Пахомию, что святым Овидий не был и как католик в православном монастыре похоронен быть не мог¹⁵.

Значит, эта легенда продержалась около полутора веков — с конца XVI до начала XVIII столетия. Показательно, что все сообщения поступали из далеких от Киева мест — из Львова, Вильны — и всегда опровергались. Вероятно, этот вариант легенды появился в те годы, когда Киев временно входил в состав Польского королевства (1569—1654). Поляки знали, что это очень древний город, но подлинную историю его представляли себе плохо. О лаврских пещерах выдумывали всякие небылицы. В украинской литературе XVI—XVIII вв. ничего похожего мы не найдем.

К началу XVIII столетия относится еще одно любопытное известие. Барон Генрих Гюйссен — составитель «Журнала государя Петра I» (Пушкин упоминает этот источник в «Истории Петра») — записал в 1709 г.: «Копая землю в округах Воронежа, нашли следы и знаки древнего гроба странного делания, того для неким мысль пришла, что под гробом мог быть [прах] римского пииты кавалера Овидиуса, согнанного от римского двора кесарем Августом... в округи Дона и Черного моря, и есть той мысли подпора довольнона с правдою сходна: извлечена же из овидиусова [сочинения] о стране, в оной же он прожил во время своего согнания». Далее идет рассуждение об элегиях Назона «Скорби» — «унывной книге его». История ссылки поэта известна окружению Петра довольно подробно: отмечено, что он прожил в изгнании более восьми лет и умер уже в царствование Тиберия¹⁶.

С. Л. Пештич — автор «Русской историографии XVIII в.» — выразил крайнее удивление по поводу этой странной записи¹⁷. Но для нас ничего неожиданного в ней нет. Мнение, что Овидий жил где-то недалеко от России, было распространено тогда очень широко. Воронеж, воспринимающийся сейчас как среднерусский город, для людей Петровской эпохи был городом южным — воротами к Черному морю. Ведь здесь строился флот для кампании под Азовом. Об Овидии в Московской Руси знали давно. В XVI в. его цитировали со-

трудники Максима Грека В. М. Тучков и Ф. И. Карпов. «Метаморфозы» были в библиотеках многих соратников Петра — Я. В. Брюса, А. А. Матвеева, Ф. П. Поликарпова, Феодосия Яновского, Гавриила Бужинского. В петровское время эта книга была издана и типографски¹⁸.

О популярности Овидия в России XVIII в. свидетельствует такой факт. Названный нами выше и известный Пушкину исследователь Сибири Даниил Готлиб Мессершмидт встретил в 1724 г. в далеком Селенгинске архиерея Иннокентия. После беседы с ним он записал в свой дневник как нечто примечательное: пастьерь свободно говорит по-латыни и наизусть декламирует Овидия¹⁹. Будущий главный сибирский святой Иннокентий (Кульчицкий) был воспитанником Киево-Могилянской академии, где искони культивировались элементы классического образования и еще в XVII в. появился первый перевод «Метаморфоз» на славянский язык.

Итак, исследуемая нами легенда сложилась в польской среде (а не в романской, как считали литературоведы), отсюда — проникла на украинскую почву, а уже отсюда, к началу XVIII в., — в Московскую Русь. Это такое же наследие эпохи Ренессанса, как и перешедшая из польских и чешских хроник в нашу историческую литературу легенда о золотой грамоте, данной Александром Македонским славянам (И. Гизель, А. И. Манкиев, М. М. Щербатов).

Вновь возрос интерес к месту ссылки Овидия и поискам его гробницы в конце XVIII в., когда границы России достигли низовьев Днестра. На левом берегу Днестровского лимана в 1793—1796 гг. была построена крепость Овидиополь. Это была не единственная ошибка при наименовании городов, закладывавшихся тогда по берегам Черного моря, обусловленная слабым еще знанием исторической географии. Древний Севастополis находился не в Крыму, а на месте современного Сухуми. В XVIII в. Севастополем называли византийский Херсон, а Херсоном — город в устье Днепра. Версию, что Назон был сослан в низовья Днестра, выраженную в польских и молдавских хрониках XVI—XVII вв. и в книге Дмитрия Кантемира, пытались подтвердить и археологически. В 1795 г. военный инженер

Ф. П. Деволан (брабантский дворянин, перешедший на русскую службу в 1787 г.), возводя укрепления Овидиополя, наткнулся на древнюю могилу — каменный ящик с костями и двумя амфорами. Возникло предположение, что это могила Овидия. Доктор Метью Гетри послал из Петербурга три доклада о ней обществу антиквариев в Лондоне. О сенсационной находке русских солдат на Днестре оповестили мир и парижские газеты.

Подробно могила описана в двух книгах: англичанки Марии Гетри и русского академика П. С. Палласа. Гетри верила, что это останки Овидия; Паллас же утверждал, что тот жил и умер значительно западнее²⁰. Правильно, конечно, последнее. К этому можно добавить, что по зарисовке Деволана археологи сейчас относят захоронение к IV—III вв. до нашей эры, т. е. не к римскому, а ко много более раннему времени.

Не исключено, что Пушкин знал не только рассказ Кантемира о памятнике под Аккерманом, но и об открытии гробницы, случившемся не очень задолго до того, как он сам попал в Бессарабию. Во всяком случае позабавившее Пушкина разъяснение И. П. Липранди, что Овидиево озеро у Аккермана в действительности всего лишь Овечье (не Ovidiolui, а Oviolui)²¹, придумано не Липранди, а приведено еще у Палласа. Вероятно, и труд П. С. Палласа, и книга Марии Гетри были в библиотеках И. П. Липранди и декабриста В. Ф. Раевского, специально собиравших в Кишиневе литературу о Молдавии. Для своей позднейшей петербургской библиотеки Пушкин купил другие книги Палласа и книгу Метью Гетри — мужа Марии²².

В поэзии конца XVIII в. есть косвенные отклики на открытие Деволана: опубликованные в 1795 г. стихотворения В. Г. Рубана и Г. Н. Городчанинова — первые из того «Овидиева цикла», к которому принадлежат и произведения Пушкина и который создавался на русском языке на протяжении четырех десятилетий. В пространном заглавии стихов В. Г. Рубана говорится о поэте, «погребенном при Понте Эвксинском, или Черном море, при устье древнего Тираса, или нынешнего Днестра, в месте прежде Томи, после Аджиндера, ныне ж Овидиополь»²³.

Несколько позже гробнице Назона посвятили стихи С. С. Бобров и А. Н. Радищев. Бобров служил в Ни-

колаеве и ездил по Причерноморью (мы упоминали выше его поэму «Таврида», знакомую Пушкину). В 1798 г. им сочинена «Баллада. Могила Овидия, славного любимца муз». В отличие от Рубана и Городчаннова Бобров помещал Томы не на Днестре, а на Дунае, правда не на море, а в Темешваре. (Тимишоара, СРР), как это иногда делали по созвучию названий и иностранные антиковеды²⁴. Радищев коснулся той же темы в поэме «Бова», написанной в последние годы XVIII в. Сам он в Причерноморье не был, но подобно Боброву искал могилу Овидия на Дунае²⁵.

В той же связи можно вспомнить о замысле К. Н. Батюшкова. В 1817 г. он поделился им с Н. И. Гнедичем: «Овидий в Скифии— вот предмет для элегии, счастливее самого Тасса»²⁶. В 1820 г. Евгений Болховитинов извещал В. Г. Анастасевича: «Кёппен опять собирается в поход к своей Ольвии. Авось найдет там и Овидиев гроб»²⁷. Очень значительным был интерес к поискам могилы поэта и за рубежом. Назову хотя бы прозу Л. Стерна, стихотворения Ф. Шатобриана, картину Э. Делакруа, изображающую изгнанника среди скифов. Этот литературный фон также не нужно забывать, комментируя пушкинские строки.

Завершением «Овидиева цикла» в русской поэзии следует считать «Фракийские элегии» В. Г. Теплякова. Напечатанные в 1836 г., они удостоились весьма доброджелательного отзыва Пушкина в журнале «Современник». Во второй фракийской элегии — «Томис» — автор, плывя мимо места ссылки Назона, восклицает:

*О кто средь мертвых сих песков
Мне славный гроб его укажет?*

К элегии, как и к посланию Пушкина, сделаны примечания. В них Тепляков удивляется, почему Томы путали с Аккерманом, и отождествляет их с городом Кюстенджи в Добрудже — нынешней Констанцой. Этот пункт лежит западнее устья Дуная, так что по сравнению с догадками Боброва, Радищева и Пушкина внесено новое уточнение. В прозаических «Письмах из Болгарии» Тепляков еще подробнее рассматривает тот же вопрос, разбирает гипотезы иностранных ученых, анализирует тексты Страбона, Аполлодора, Помпония

Мелы и самого Овидия, что и позволяет определить, где стоял древний город Тома²⁸.

И все-таки легенда о гробнице Овидия в России не угасала. Одним из поздних ее вариантов были рассказы о том, что его сослали в Полесье, а жил он на родине Давид-городок под Пинском (памятник XI—XIII вв.). Основания выдвигались естественноисторические: описанный в «Посланиях с Понта» суровый климат страны, куда судьба забросила творца «Метаморфоз», явно не подходил к современному побережью Черного моря. Между тем обитатели Полесья были уверены, что в былые времена море достигало их родины, следами чего и остались бескрайние болота. В печати первым упомянул об этом Бенедикт Хмельёвский — составитель польской энциклопедии «Новые Афины», изданной во Львове в 1747 г. Повторяли это и польские авторы XIX в. Известный поэт Людвик Кондратович (Владислав Сырокомля) написал в 1861 г. стихи «Овидий в Полесье». Живший сам в глухой деревне Борейковщина, он размышлял скорее о себе, чем о римском поэте, передавая полесскую легенду о нем с нескрываемой иронией²⁹. Но, видимо, в середине XIX в. она еще не умерла.

Любопытна и книга М. Е. Салтыкова-Щедрина «Недоконченные беседы» (1875). В ней говорится о том, как некий участник археологических съездов «хвастался, что по окончании работ съезда был устроен банкет и что на этом банкете пили из урны, в которой некогда был заключен прах Овидия.— Вы в этом уверены? — спросил я.— Еще бы не быть уверенным, коль скоро я пятнадцать лет употребил на то, что Овидий умер в Полтавской губернии в имении, принадлежащем Ивану Ивановичу Перерепенко, который и доставил на съезд урну»³⁰. Разумеется, это сатира, но вряд ли случайной сюжет ее совпадает с тем, что писалось всерьез столетием или двумя раньше. Должно быть, в среде полуграмотных украинских помещиков предания трехвековой давности жили и в конце XIX столетия.

Вот сколько дошло до нас рассказов о поисках гробницы Овидия в России. Надеюсь, читатель расценит этот затянувшийся обзор не как собрание вздорных фантазий, а как страницу истории русской культуры. Толки о Киеве — древней Трое, рассуждения петровских

вельмож о «кавалере Овидиусе» и «унывной книге его» помогают взглянуть на наше прошлое с новой, необычной точки зрения.

На примере этой легенды можно уловить и некоторые общие закономерности.

Очень немного имен запоминается на столетия и тысячелетия, и в их числе — имена великих поэтов. Людям хочется, чтобы эти имена были связаны с их родной землей и запечатлелись в каких-то реальных памятниках. Так было не только с Овидием. В 1807 г. журнал «Минерва» сообщал: «Писали во многих европейских журналах, будто один голландский офицер, в российской службе находившийся, нашел в 1772 г. на острове Нио гробницу, скелет и даже чернильницу Гомера». Действительно, во время войны 1768—1774 гг. русские моряки купили в Ливорно античный саркофаг с острова Хиос и привезли его в Петербург. Он долго стоял в саду графа Строганова и считался гробом Гомера³¹.

На начальных этапах развития исторической науки остатки старины воспринимаются не как ступени длинной лестницы, а, так сказать, в одной плоскости. Решают, где жил Овидий и ищут бросающийся в глаза памятник древности. В Аккермане сохранилась большая крепость с башнями — значит, это и есть античные Томи; под Пинском известен Давид-городок — значит, это город Овидия, и т. д. На самом деле и те и другие укрепления — средневековые, на тысячу и более лет моложе Овидия, но чтобы понять это, исторической мысли нужно было пройти еще очень долгий путь. Не зная подлинных древностей, любители их порою создавали фальшивки, вроде гробницы Овидия и рукописи Цицерона, показанных Войновским Л. Мюллеру, или «чернильницы Гомера». Но постепенно фантастические гипотезы сменяются более вероятными, предположения о Томах на Дону или Днепре уступают место указаниям на устье Днестра, затем — на Дунай и, наконец, выводу о тождестве Том с Констанцой. Этим движением к истине мы обязаны людям, не занимавшимся историей специально, интересовавшимся в основном поэзией, зато внимательно вчитывавшимся в дошедшие до нас тексты. Но даже когда ученые считают вопрос решенным, в кругу любителей, краеведов все еще держатся легенды, возникшие сотни лет назад.

Так обстоит дело с проблемой гробницы Овидия. Примерно с тех же позиций надо смотреть на вторую легенду о нем, приведенную в «Цыганах» как рассказ отца Земфиры:

*Меж нами есть одно преданье:
Царем когда-то сослан был
Полудня житель к нам в изгнанье
. . . . .
Он был уже летами стар,
Но млад и жив душой незлобной —
Имел он песен дивный дар
И голос, шуму вод подобный.*

IV, 186

Уже первым критикам «Цыган» казалось невероятным, что о ссылке Овидия помнили в Бессарабии вплоть до XIX в. П. А. Вяземский возражал на это, что какие-то легенды могли передаваться из уст в уста на протяжении многих столетий³².

Продолжение цитированного отрывка «Цыган» представляет собой вариацию мотивов элегий «Скорби» и «Послания с Понта»³³, но, судя по всему, для Пушкина это не только стилизация. Он верил в существование легенд об Овидии. Недаром в обращенном к Овидию послании мы найдем слова: «Еще твоей молвой наполнен сей предел». Каков же источник этих сведений? В упомянутой И. П. Липранди статье П. П. Свиньина, с которой без указания имени автора спорил Пушкин, говорится об Овидиевом озере, куда, за 20 верст от места своей ссылки — Аккермана, часто удалялся поэт. Названа здесь и причина ссылки — его страсть к дочери Августа Юлии, что также опровергается в примечании Пушкина. Но помимо этого Свиньин ссылался на молдавские хроники, где якобы сказано: «...притек с берегов Тибра муж, имеющий нежность младенца и доброту старца»³⁴. Совпадение со стихами Пушкина несомненно.

Как установила Е. М. Двойченко-Маркова, Свиньин, видимо, что-то слышал о хронике Мирона Костина, но перефразировал не ее, а соответствующий абзац французской «Истории Молдавии и Валахии» Жана Луи Карра (1777)³⁵. В 1791 г. это сочинение было переве-

дено на русский язык. В самом начале его читаем о жизни Назона в Аккермане, о его стихах на молдавском языке и о местных преданиях про «человека небывалых свойств, смирением младенцу, ласкою же отцу подобном»³⁶. Пушкин мог знать и эту книгу, вероятно имевшуюся в библиотеках И. П. Липранди и В. Ф. Равеского.

Таким образом, как и в случае с гробницей Овидия, перед нами легенда отнюдь не народного, а сугубо книжного происхождения. Тщетно пытался доказать Г. Ф. Богач, что посвященные Овидию строфы Пушкина вдохновлены «устным народным творчеством молдавского народа». Все тексты, привлеченные в монографии для параллелей,— не фольклорные. Это знакомый нам труд Дмитрия Кантемира, произведения Г. Асаки и К. Стамати, созданные позже статьи П. П. Свинына и пушкинских «Цыган» и, быть может, не без влияния включенных в них «преданий»³⁷. То, что К. Стамати был поклонником как Пушкина, так и Свинына, известно по воспоминаниям Липранди.

Умение различать устные и книжные в своих истоках рассказы крайне важно и для историка, и для филолога. В 1927 г. В. И. Чернышев записал от крестьян окрестностей Михайловского сказку о рыбаке и рыбке. Что это — народный прототип пушкинской сказки или переложение поэтического произведения людьми, прочитавшими его в школьной хрестоматии? Думается, В. И. Чернышев был прав, склоняясь ко второму³⁸. Во времена Пушкина, да и позже, отделять искусственные книжные легенды от подлинно народных удавалось далеко не всем.

Как же решился археологически вопрос о месте ссылки Овидия? Вывод В. Г. Теплякова о тождестве Том с Констанцей был окончательно утвержден в науке 18 лет спустя русским антиковедом, директором Рижельевского лицея в Одессе П. В. Беккером. Обосновать этот вывод помогла находка шести камней с латинскими надписями в Констанце в 1852 г. На нескольких плитах было вырезано название города Томы³⁹. Немало сделали для выяснения этого вопроса и румынские ученые Г. Точилеску и Н. Полоник. В 1879 г. в Констанце был создан музей, и с тех пор, почти 100 лет, продолжается изучение древнего города.

Вести исследования там трудно, ибо остатки античной эпохи перекрыты мощными средневековыми слоями и постройками большого современного порта. Наиболее успешными оказались раскопки последних лет, связанные с реконструкцией этого порта. Найдены здание с интереснейшей мозаикой, античные статуи, зарытые, видимо, для того, чтобы спасти их от уничтожения христианами. Изучались и некрополи. Их выявлено пять и на них раскопано до 400 могил римского времени. Археологов очень интересует все, что может пролить свет на жизнь Овидия в Томах. В 1957 г. в Констанце торжественно отмечалось 2000-летие со дня рождения великого римского поэта. В присутствии многих иностранных гостей в Археологическом музее открыли мемориальный отдел, где собраны памятники той эпохи, когда он жил в Томах⁴⁰.

Ну, а могила его по-прежнему не обнаружена. Не будем категорически утверждать, что найти ее и невозможно. В археологии было немало, казалось бы, невероятных открытий. Румынские археологи не теряют надежды и с особенным вниманием относятся к известию Джованни Понтано о погребении Овидия около городских ворот. Такие кладбища им уже известны⁴¹. И все-таки вероятность подобной находки мала. После смерти Назона Тома существовали еще 2000 лет, земля неоднократно перекапывалась, камни, встречавшиеся при этом в грунте, использовались для новых строений. Мы не знаем, какая надпись была на надгробии, слышал ли об Овидии и вообще умел ли читать тот, кто мог наткнуться на этот камень. Имена даже прославленных людей забываются быстро. Через два-три поколения забываются и их могилы.

В 1963 г. экскаватор, работавший на одной из ленинградских улиц, вывернул из земли плиту с надписью, что здесь покоится «Академии наук профессор Крашенинников». Экскаваторщику эта фамилия ни о чем не говорила, но упоминание об Академии заинтересовало его, и он сообщил о своей находке. Так была открыта могила замечательного русского ученого, автора законспектированного Пушкиным «Описания земли Камчатки», затерянная еще в XVIII в., когда перестали хоронить около церкви Благовещения⁴². А не будь на камне слова «Академия» или попадись он чело-

веку, менее любознательному, останки С. П. Крашенинникова исчезли бы без следа.

Так не будем удивляться, если могила Овидия никогда не будет найдена. Памятником ему стали его произведения, переведенные на все основные языки мира. Своеобразным памятником поэту служит и Овидиева легенда, получившая такое неожиданное развитие в России.

Вернемся, наконец, к Пушкину. Его интерес к поискам гробницы Овидия был достаточно серьезным. Он подошел к этой проблеме исследовательски, читал книги о прошлом Молдавии, осматривал древний Аккерман и сделал в итоге верный вывод: Овидий жил и умер не здесь, а где-то в более западных районах Причерноморья. Но этот научный подход дополнялся для поэта другим, уже знакомым нам мотивом: «К чему холодные сомнения?»

Легенда об усыпальнице несчастного изгнанника, еще сохранившейся где-то «в глуши степей», предания об обладателе «дивного дара» песен, нашедшем приют у диких кочевников, привлекали Пушкина не меньше, чем «тьма низких истин», и он откликнулся на эти крайне сомнительные для «строгого историка» рассказы в своих стихах и поэмах.

ИНТЕРЕС ПУШКИНА К ДРЕВНЕМУ ЕГИПТУ. ГУЛЬЯНОВ

В июле 1830 г. Пушкин получил анонимное стихотворное послание. Автор его обращался к музам, опечаленным вестью о женитьбе поэта, утешал их и сулил новый взлет в творчестве гения¹. Уже в полной мере почувствовавший, что широкая публика от него отвернулась, то и дело читавший неблагоприятные отзывы журналов о своих произведениях, Пушкин был растроган вниманием неизвестного друга и набросал 29 строк «Ответа анониму»:

*О кто бы ни был ты, чье ласковое пенье
Приветствует мое к блаженству возрожденье,
Чья скрытая рука мне крепко руку жмет,
Указывает путь и посох подает;
О кто бы ни был ты: старик ли вдохновенный,
Иль юности моей товарищ отдаленный,
Иль отрок, музами таинственно храним,
Иль пола кроткого стыдливый херувим —
Благодарю тебя душою умиленной.*

III, 228

Вскоре выяснилось, что стихи прислал отнюдь не отрок, и не «пола кроткого стыдливый херувим», и даже не товарищ юности, а почтенный член Российской академии, видный языковед и египтолог Иван Александрович Гульянов (1789—1842). В конце 1830 или в начале 1831 г. состоялось знакомство Гульянова с Пушкиным. В письме к М. П. Погодину от 15 сентября 1831 г. Гульянов передает Пушкину поклон². По рассказам, записанным П. И. Бартеневым, они встречались в доме П. В. и В. А. Нащокиных, живо обсуждали проблемы, волновавшие ученого, причем тот был поражен глубокими знаниями Пушкина в области языковедения³.

Совсем недавно в архиве Гульянова, поступившем в Государственный исторический музей, был обнаружен листок с рисунком пирамиды и французской подписью Гульянова: «Начертанная поэтом Александром Пушкиным в разговоре, который я имел с ним в это утро о моих трудах вообще и о иероглифических знаках в частности. 31 декабря 1831 года»⁴. Судя по этой надписи, беседа проходила не на светском рауте, а во время специальной утренней встречи. Кто кому нанес визит накануне нового года, мы не знаем, но и тут неминуемо возник вопрос, занимавший в то время все образованное общество, — о расшифровке египетских иероглифов.

Этот «археологический рисунок» Пушкина — единственный. Второй тоже связан с Египтом и находится на черновике стихотворения «Осень», относящемся к октябрю 1833 г. Как известно, этот шедевр русской поэзии обрывается на словах: «Куда ж нам плыть?», после чего идут две строки многоточий. В черновиках намечались различные направления пути для «оснащен-

ного корабля», и среди них — «Египет колоссальный», «где дремлют древние за Нилом пирамиды», «где дремлют вечности символы, пирамиды» (III, 934, 935). Думаемая об этой стране, в характерной быстрой манере Пушкин начертил на полях контур древней статуи, восседающей на ступенчатом пьедестале⁵. Без труда можно узнать одно из изображений фараона XVIII династии Аменхотепа III, стоящих перед пилоном его заупокойного храма в Фивах и нередко называющихся по примеру греческих авторов «колоссами Мемнона» (Мемнон — герой Троянской войны, сын богини утренней зари Эос)⁶. Рисунок Пушкина восходит, несомненно, к гравюре в какой-то книге. Точность воспроизведения заставляет внимательнее приглядеться и к листку, оставшемуся у Гулянова. Пирамида на нем необычная — не с острой, а с плоской вершиной. Может быть, это случайность, но не исключено, что Пушкин знал о пирамиде такой формы, самой ранней из всех, введенной фараоном Джосером около 2800 г. до нашей эры⁷.

Литературоведы предполагают, что египетская тема в «Осени» появилась под влиянием Гулянова⁸. Это вполне вероятно, но отнюдь не обязательно. Загадки древнего Египта привлекали русское общество задолго до 1830-х годов. Еще в 1781 г. в масонском «Московском ежемесячном издании» Н. И. Новикова говорилось о поисках истоков цивилизации, таящихся не в Греции, а на Ниле, о необходимости дешифровки иероглифов, скрывающих великие тайны (масоны ждали, конечно, не того, что историки и лингвисты, а неких божественных откровений)⁹. В том же году В. И. Баженов запрашивал Екатерину II об отделке Царицынского дворца: «Повелено ли будет... убирать штукатуркой в древнем египетском, греческом, геркуланумском вкусе?»¹⁰ Египетский стиль рассматривался уже как равноправный с основными разновидностями классицизма.

Особенно возрос интерес к Египту после наполеоновского похода 1798—1801 гг. Бонапарт взял с собой целый «генеральный штаб ученых» из 122 человек. Они составили детальное описание сотен памятников. Удачная находка Розеттского камня с надписью, повторенной трижды, — иероглифами, демотическим письмом и по-гречески, помогла Жану Франсуа Шампольону най-

ти два десятилетия спустя принципы расшифровки большинства иероглифов.

В России пристально следили за этими открытиями. А. К. Толстой рассказал, как, разбирая старые книги в поместье Погорельцы, он с удивлением наткнулся здесь — в брянской глуши — на многотомное описание Египта, подготовленное по приказу Наполеона ¹¹. Наши путешественники и коллекционеры нередко привозили из Африки всевозможные древности — от миниатюрных скарабеев до мумий и массивных каменных изваяний ¹². В Академии наук в 1825 г. был создан особый Египетский музей. Туда поступила богатая коллекция, купленная у Ф. Кастильоне. Архитекторы все чаще применяли мотивы египетского зодчества. В 1820-х годах Д. И. Жилярди построил в имении Кузьминки под Москвой египетский павильон. Аналогичные здания украсили Царское Село, Павловск, Кронштадт, Петербург. В 1832—1834 гг. К. А. Тон установил на Васильевском острове привезенных из Фив сфинксов Аменхотепа III. Эта находка 1828 г. была приобретена русским правительством за 64 тыс. рублей благодаря хлопотам двух знакомых Пушкина — А. Н. Муравьева и А. Н. Оленина. Доставка статуй в Петербург обошлась еще в 28 тыс. рублей.

«Очерк иероглифической системы» Ж. Шампольона увидел свет в Париже в апреле 1824 г., а уже через несколько месяцев «Сын отечества» поместил подробное изложение этого труда, выпущенное затем и отдельной брошюрой. Реферат принадлежит перу декабриста Г. С. Батенькова. Он занимался литературой об иероглифах вместе с самим М. М. Сперанским ¹³. Другой декабрист — А. А. Бестужев — прочел в 1822 г. в Вольном обществе любителей российской словесности доклад «О гробницах в подземельях фивских», впоследствии опубликованный ¹⁴. Интерес к культуре Египта проявляли и другие декабристы — А. О. Корнилович, Ф. П. Шаховской, Н. И. Тургенев, П. И. Борисов, П. Ф. Выгодский ¹⁵. В Петербургскую Академию наук Шампольон был избран в 1827 г. — на три года раньше, чем в Парижскую Академию надписей. Переписку с Шампольоном вел А. Н. Оленин ¹⁶. В 1827 г. в Академии наук англичанин доктор Гренвилль демонстрировал две подлинные мумии, сопровождая показ свои-

ми комментариями об искусстве бальзамирования. Информацию об этом заседании прислал в «Московский вестник» знакомый Пушкина, член кружка Любоумров, в будущем славянофил А. И. Кошелев¹⁷. Можно добавить к этому перечню и серию статей о египетской архитектуре и скульптуре в русских журналах¹⁸.

Определенное представление обо всем этом круге тем Пушкин должен был иметь задолго до встречи с Гульяновым, еще с лицейских времен. Краткая характеристика царства фараонов и его культуры входила и в курсы истории, читавшиеся И. К. Кайдановым¹⁹, и в курсы теории изящных искусств. Ею открывается, например, названная выше книга И. Винкельмана. В уста бесхитростного автора «Истории села Горюхина» Пушкин вложил слова о «бессмертном труде аббата Миллота» (VIII, 132), т. е. о популярном курсе всеобщей истории Клода Франсуа Милло. И этот обзор начинается с большой главы о древнем Египте²⁰.

До расшифровки иероглифов в Европе не могли оценить ни возраст египетской цивилизации, ни главные факторы, определившие ее судьбы. Но кое-какие впечатления о ней уже сложились, хотя бы о стиле памятников, о возводившихся руками тысяч рабов усыпальницах, о колоссальных статуях, об их скованности по сравнению с античной скульптурой. У Пушкина в ранних произведениях мы найдем отражение этих взглядов. Для него «история древняя есть история Египта, Персии, Греции, Рима» (XI, 127). Говоря о тяжелом положении английских фабричных рабочих, он пишет: «Вы подумаете, что дело идет о строении фараоновых пирамид» (XI, 257), а в стихотворении «Герой» вспоминает, «как рать героя плещет перед громадой пирамид» (III, 252). Даже в ранних фривольных стихах «Раззевавшись от обедни...» строки о кишиневских балах:

*Как египетские боги
Дамы преют и молчат.*

II, 192

передают восприятие древневосточных изваяний как чего-то застывшего, оцепенелого.

Но хотя и до знакомства с Гульяновым Пушкин кое-что знал о Египте, наверное, он услышал немало ново-

го об этой стране от человека, не один год изучавшего ее прошлое. Любопытно для нас письмо П. Я. Чаадаева к Пушкину от марта-апреля 1829 г.: «Мое пламеннейшее желание, друг мой, видеть Вас посвященным в тайну века... Последнее время стали везде читать по-русски... Я нахожу имя моего друга Гулянова, с уважением упомянутое в толстом томе, и знаменитый Клапрот присуждает ему египетский венец: по-видимому, он потряс пирамиды в их основаниях»²¹. Это письмо, предшествовавшее посланию Гулянова к Пушкину и их личной встрече, возможно, и побудило поэта познакомиться с автором столь значительных трудов, расспросить его о проведенных им изысканиях.

Во всяком случае надо помнить о Гулянове при истолковании наследия самого Чаадаева. К тому же 1829 г., что и цитированное письмо, относится отрывок чаадаевской статьи об архитектуре²². М. О. Гершензон считал, что это фрагмент четвертого «Философического письма», но после открытия подлинного текста этого произведения Д. И. Шаховским²³ в наброске вернее видеть часть самостоятельного незавершенного очерка. Большое внимание в нем уделено сравнению памятников Нила с греческими и готическими храмами, «духу Востока», воплотившемуся в пирамидах. Для общей характеристики культуры Египта такому образованному человеку, как Чаадаев, консультации Гулянова были, конечно, ненужны, но есть здесь и такая фраза: «Циклопические постройки, в том числе индийские — наиболее обширные в этом роде, представляют собою лишь первые проблески идеи искусства»²⁴. В 1820-х годах о мегалитах Индии слышали очень немногие. Менгиры и дольмены были выявлены там только в 1819 г. — на Малабарском побережье — и описаны год спустя Д. Бэбингтоном в весьма специальном издании²⁵. Это пока-зывает, что при работе над статьей об архитектуре Чаадаев пользовался советами какого-то ученого, знакомого с новейшей литературой по археологии. Думается, что им был не кто иной, как И. А. Гулянов. Мыслителя, пытавшегося постичь философию истории, не могли не интересовать древнейшая цивилизация и первые шаги искусства. Недаром вопрос о памятниках прошлого занимает в «Философических письмах» такое важное место (мы к этому еще вернемся). Закономерно, что

эрудированный лингвист и египтолог оказался для Чаадаева чрезвычайно ценным информатором. О близости их свидетельствуют две французские записки Чаадаева, сохранившиеся в архиве Гульянова²⁶.

Глубокое уважение к нему питали и другие современники из окружения Пушкина — П. А. Вяземский, Д. В. Веневитинов, назвавший Гульянова «слава европейская»²⁷. На фоне полного молчания о трудах Оленина, снисходительных замечаний о Броневском, пренебрежительного отзыва о Дюбрюксе выделяется и отношение к Гульянову самого Пушкина. Между тем, не говоря о разнице лет, тот был во многом чуждым для поэта человеком. Он отличался большим самомнением, искал высоких чинов, приехав в Россию из-за границы, добивался всяческих привилегий: звания статского советника со старшинством, оклада в две тысячи рублей и права постоянно жить в чужих краях²⁸. Среди бумаг Гульянова уцелело его объяснение по поводу жалобы избитого им станционного смотрителя. Объяснение довольно путанное: сначала ответчик утверждает, что из кареты не выходил и смотрителя даже не видел, а потом ссылается на свое раздражение из-за болезни зубов и дерзости этого якобы не виденного им чиновника. Вспоминаются «Повести Ивана Петровича Белкина»: «Кто не проклинал станционных смотрителей, кто с ними не бранивался? Кто, в минуту гнева, не требовал от них роковой книги, дабы вписать в оную свою бесполезную жалобу на притеснения, грубость и несправность? Кто не почитает их извергами человеческого рода, равными покойным подъячим или, по крайней мере, муромским разбойникам? Будем однако справедливы, постараемся войти в их положение, и может быть, станем судить о них гораздо снисходительнее. Что такое станционный смотритель? Сущий мученик четырнадцатого класса, огражденный своим чином токмо от побоев, и то не всегда» (VIII, 97).

Но при всех неприятных чертах характера было в Гульянове и нечто другое. Т. Н. Грановский, навестивший его в 1838 г. в Дрездене, писал: «Странности его, немного мелкое самолюбие и уважение к чинам заметны тотчас, но за этим столько любви к науке, столько сведений, что можно бы извинить и гораздо большие недостатки»²⁹. Гульянов был настоящим полиглотом.

Он владел китайским, арабским, армянским, древнееврейским языками не хуже, чем всеми европейскими, изучал языки Африки, Индии, Гренландии, Полинезии, Южной Америки. Он общался с Гете, Александром Гумбольдтом и другими выдающимися людьми. Его труды печатались в Лейпциге, Париже и высоко ценились читателями. Безусловно, ему делает честь то, что он — человек старшего поколения, введенный в Российскую Академию архаистом и ретроградом А. С. Шишковым, — тянулся к молодому Пушкину, восхищался его талантом и его знаниями.

Увы, репутация Гулянова у потомства совершенно иная, чем у современников. Если бы не «Ответ анониму», он был бы начисто забыт. Крупнейший русский египтолог Б. А. Тураев в статье о нем для энциклопедии ограничился справкой, что он «обесславил себя полемикой с Шамполионом»; ту же фразу повторил уже в 1960 г. академик М. А. Коростовцев³⁰. Действительно, попытки опровергнуть расшифровку иероглифов, данную Шампольоном, и резкие отзывы о его публикациях сыграли самую отрицательную роль в посмертной судьбе Гулянова. И все же, на мой взгляд, главная беда была не в этом. Только одна узкая тропинка ведет к истине, отыскать ее безмерно трудно. Большинство ученых обречено отклоняться от верного пути, прокладывая направления, уводящие от него куда-то в сторону. Это трагично, но неизбежно. То же случилось и с Гуляновым. Хуже другое: его научное наследие вообще очень невелико, и пожалуй, никакие его наблюдения не получили развития в лингвистике или египтологии. Огромные знания пропали впустую³¹.

Почему это произошло, позволяет понять цитированное выше письмо Грановского. Пятидесятилетний Гулянов чувствовал, что силы его уходят, а итоговая работа только начата. «Все это пропадет, когда я умру», — говорил он, указывая на груды рукописей. «Я едва не рассмеялся, — признается Грановский, — когда он сказал мне, что у него объяснение встречающейся в иероглифах тростниковой корзинки занимает более трехсот страниц... — Сколько же томов будет иметь вся Ваша книга? — Я заканчиваю только предисловие. Из него выйдет пять больших томов»³². (Но даже это предисловие не дошло до типографского станка.) И среди нас

*Алексей Николаевич
Оленин*

*Портрет работы
А. Г. Варнека*

*Алексей Федорович
Малиновский*

*Виктор Григорьевич
Тепляков*

*Павел Петрович
Свиньин*

*Гравюра с рисунка
неизвестного художника*

Оракии м. Оленк. ⁴ ^{u +)}

Студент-вореник Вилзора Менид-
- Ковел . 1846

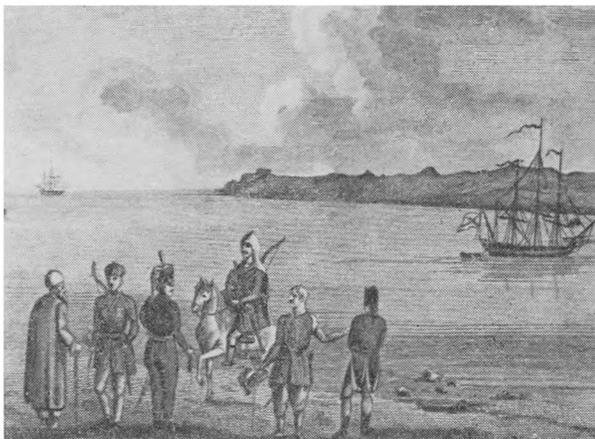

+ Студент-вореник и на 2-й
костюмке в градафу

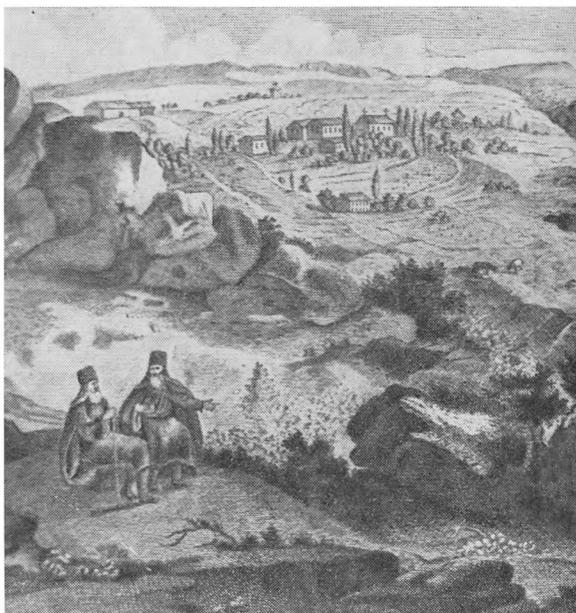
В. Г. Тепляков

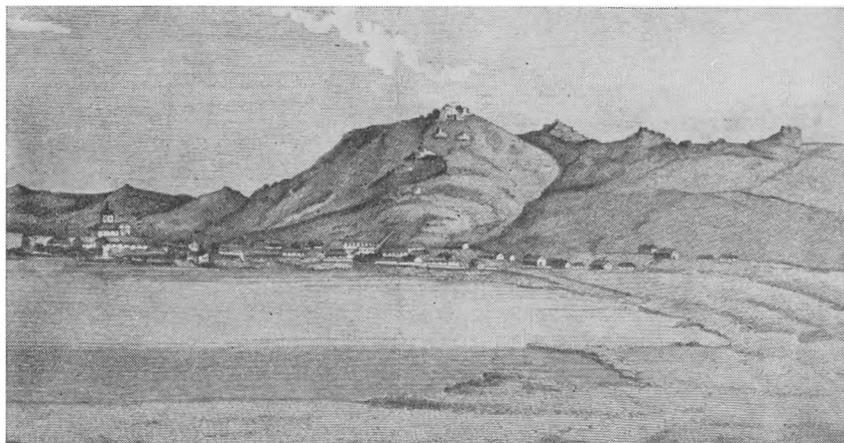
Рисунок А. С. Пушкина 1836 г.

Вид Керчи с горой Митридат

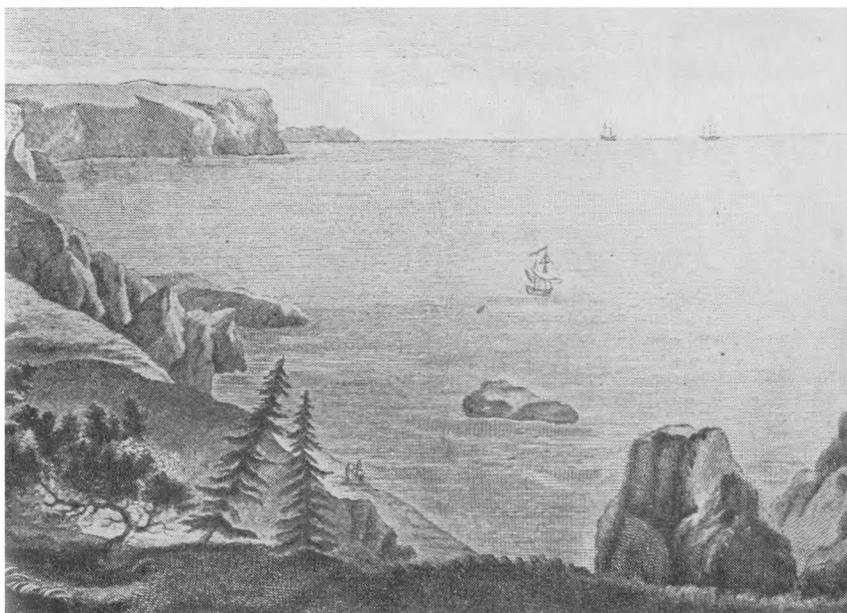
Из кн.: Сумароков П. И. Досуги крымского судьи... (СПб., 1803)

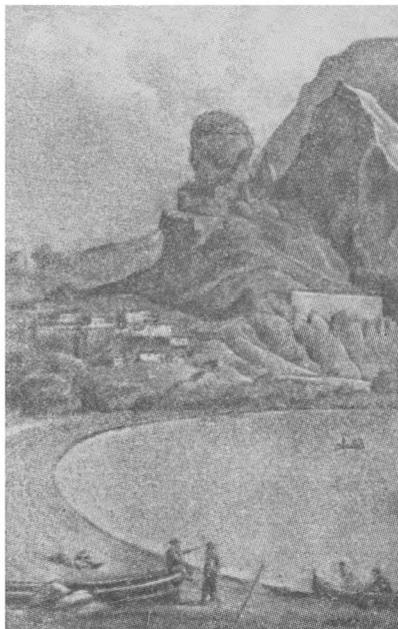

Вид Георгиевского монастыря

Из кн.: Сумароков П. И. Досуги крымского судьи...

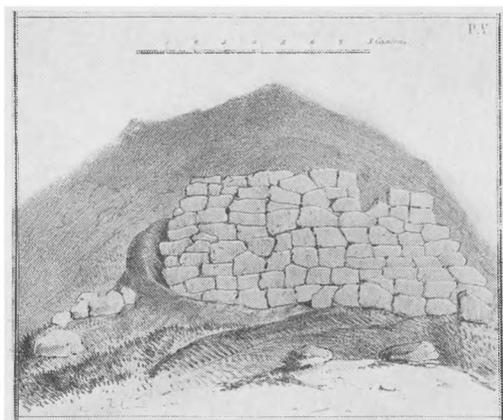

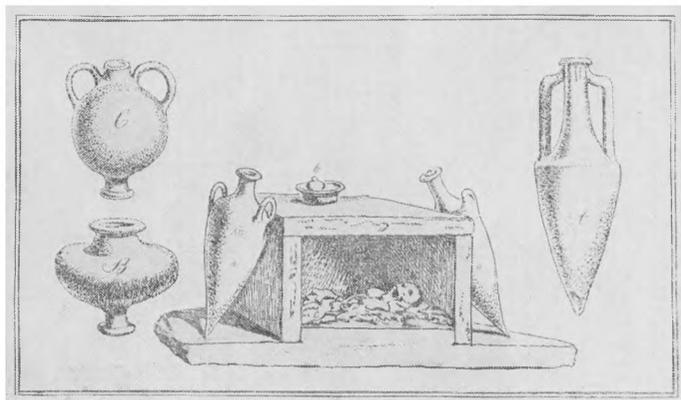
*Вид Гурзуфской крепости
Гравюра 1820-х годов*

*Циклопическая кладка
Золотого кургана у Керчи*

*Из кн.: Ашик А. Б.
Воспорское царство
(Одесса, 1848)*

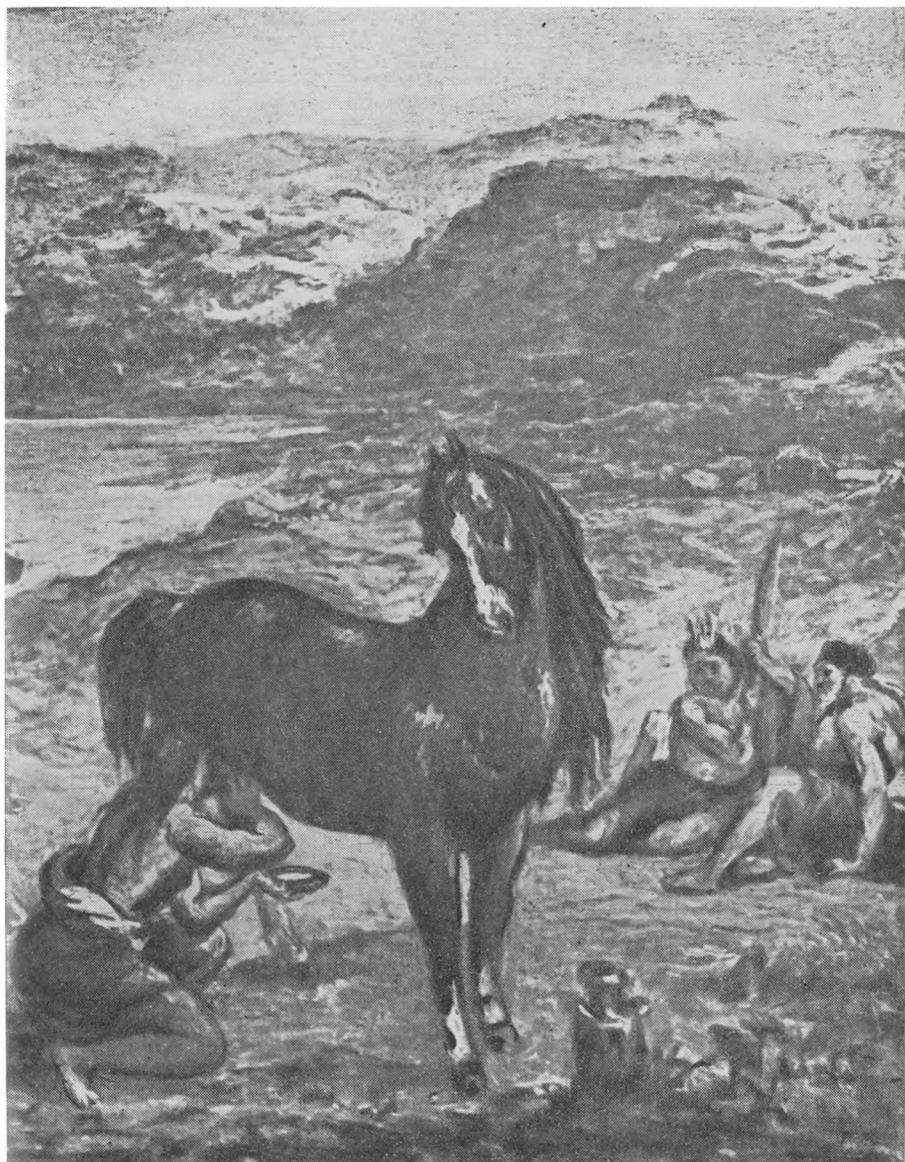

*Древнее захоронение, найденное в 1795 г. в Овидиопо-
ле и принятое за гробницу Овидия*

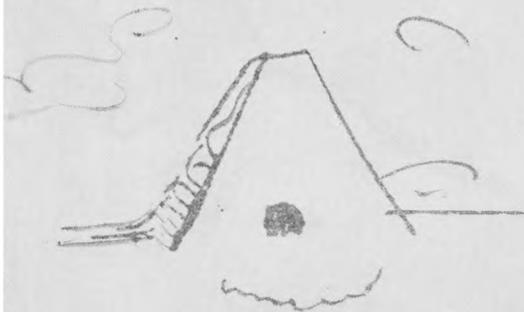
*Из кн.: Pallas P. S. Bemerkungen auf einer Reise in die Südli-
chen Staathalterschaften des Russischen Reichs... Leipzig, 1801, Bd II*

Овидий у скифов
Картина Э. Делакруа 1859 г.

Le premier

Dessiné
1833.

Tracé par le Poète Alexandre Pouchkine dans une
entrevue que j'eus un jour avec lui ce motif sur un sujet de voyage
en général et sur les caractères hiéroglyphiques en
particulier. Moscou le 12e Décembre 1831.

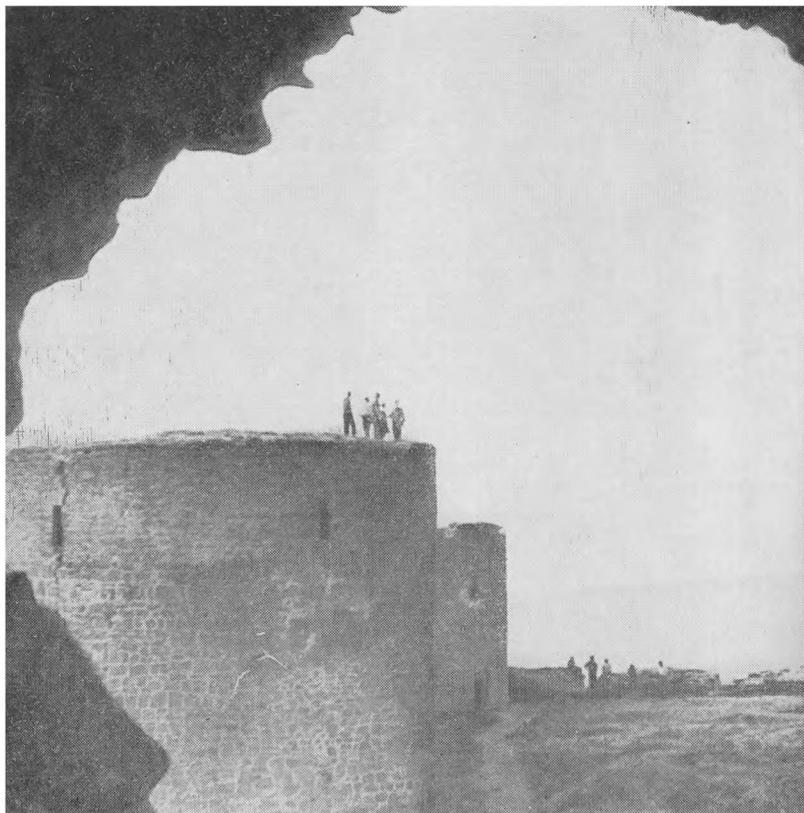
Пирамида

Рисунок А. С. Пушкина
31 декабря 1831 г.

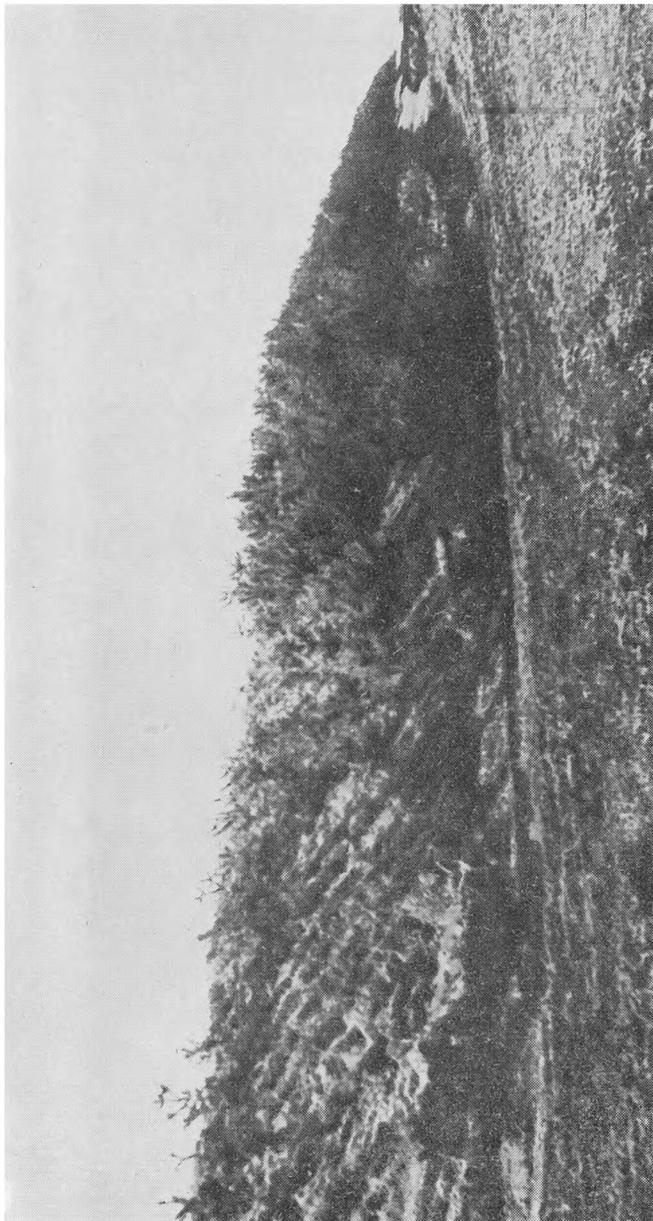

Колосс Мемнона

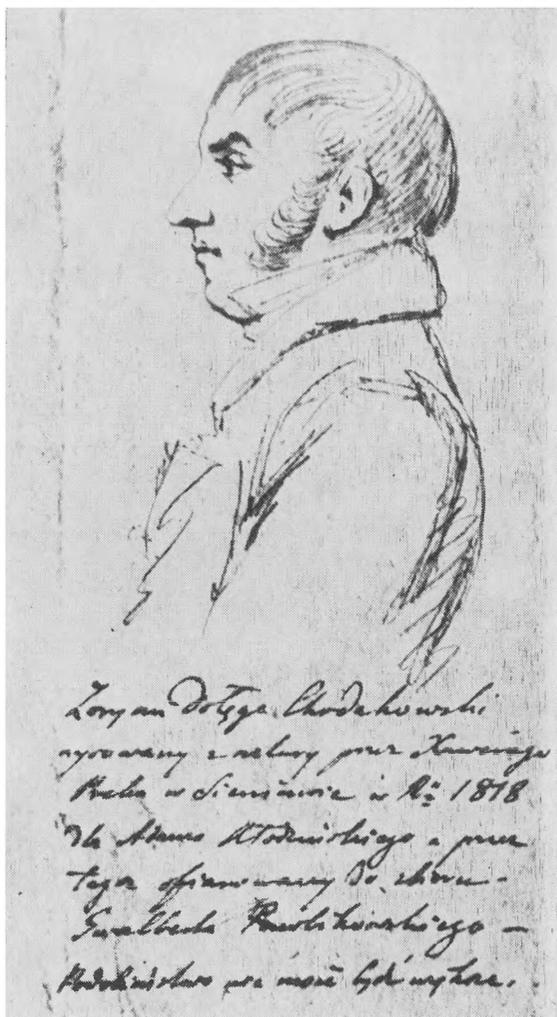
Рисунок А. С. Пушкина
на черновике стихотворения
«Осень», октябрь 1833 г.

*Средневековая крепость
в Белгороде-Днестровском
(Аккерман)*

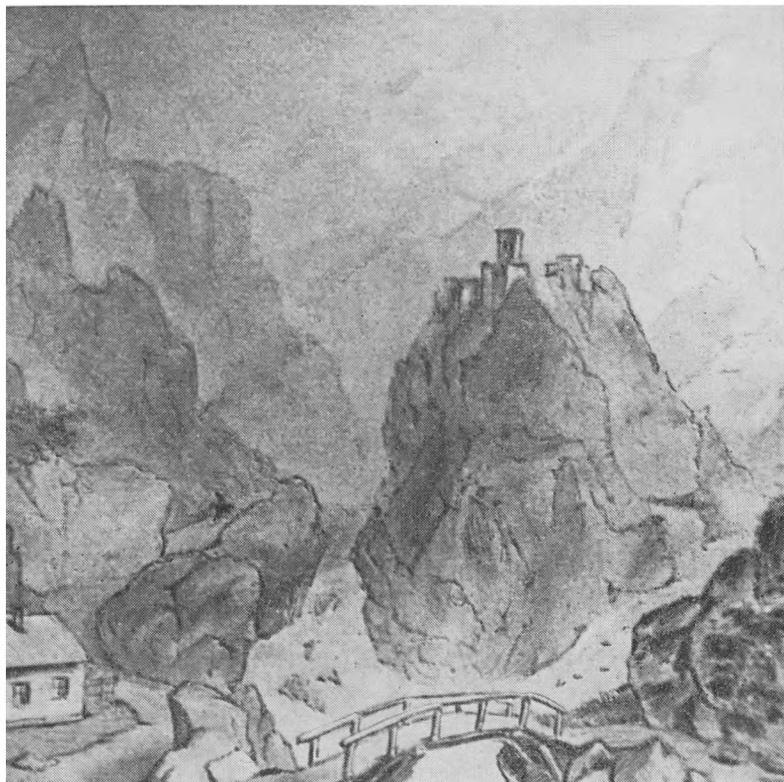
Траянов вал
С. Гермакивка Тернопольской обл.

Зоран Ходаковский
Рисунок К. Прека 1818 г.

Татартупский минарет

*Крепость
в Дарьяльском ущелье
(так называемый
Замок Тамары)*

*Фрагмент
рисунка М. Ю. Лермонтова
1837 г.*

найдутся научные работники такого типа — очень начитанные, но неспособные подняться над фактами, буквально тонущие в них. Эрудиция подобным специалистам скорее мешает, чем помогает.

Знакомство Пушкина и Гулянова было непродолжительным. В июне 1832 г. египтолог уехал за границу³³, где и умер через десять лет. Но интерес Пушкина к Египту не угас. Это доказывают и наброски «Осени», и рисунок на полях этого стихотворения, и еще один знаменательный факт.

В 1833 г. известный журналист и востоковед О. И. Сенковский напечатал «Фантастическое путешествие», где в обычном для него гаерском тоне издевался над рядом видных ученых, назвав, в частности, Ж. Шампольона шарлатаном. Пушкин счел необходимым ответить на эти выпады в «Современнике». По его просьбе статью в защиту науки подготовил В. Ф. Одоевский³⁴. Название ее — «О вражде к просвещению, замечаемой в новейшей литературе» — дано редактором, расценившим статью как «дельную, умную и сильную» (XVI, 100). Значит, при всем интересе к трудам Гулянова, по важнейшему для того вопросу — о правильности расшифровки иероглифов Шампольоном — Пушкин решительно разошелся со своим собеседником.

Этот очерк можно было бы закончить, но нельзя пройти мимо еще одного сообщения, непосредственно касающегося той же темы. В 1834—1835 гг. по Египту и Нубии путешествовал знакомый Пушкина Авраам Сергеевич Норов. Книга его путевых записок вышла уже после смерти поэта, но до этого Норов, несомненно, рассказывал в петербургских салонах о том, что он видел на Ниле. Опубликован отклик Пушкина на один из таких рассказов. Во время своей поездки Норов узнал о находке древней каменной статуи: «Изида была найдена в песке, она ему показалась такою замечательною, что он тотчас же купил ее у местных жителей... Это красивая базальтовая статуя. Когда ее нужно было поставить (?), местные женщины толпами приходили прощаться с Изидою, пели вокруг нее, и какой-то старик говорил речь. Переводчик объяснил Норову, что это была статуя богини и царицы всей страны и что жители оплакивали ее похищение и прощались с нею. Вернувшись в Петербург, Норов рассказал об этом

Пушкину. На последнего рассказ произвел сильное впечатление, он сказал: «Какую чудную поэму можно было бы создать из этого эпизода, описать этот невежественный народ, сохранивший свои предания и легенды в продолжение стольких веков, не ведая, что изображает Изида. Но, чтобы написать об этих исторических стражах, нужно их видеть, жить там. Мы, северные варвары, похищаем у них их сокровища, их святыни, в этом мы несправедливы. Нужно было бы открыть музеи в Египте и везде, где производятся раскопки. Откровенно говоря, фриз Парфенона не совсем на месте на берегах Темзы. Я вполне понимаю гнев Байрона по поводу Эльгинского мрамора». Он пошел взглянуть на Изиду, хранившуюся тогда под лестницей в Академии [художеств], он часто останавливался любоваться на сфинксов, помещенных на набережной перед Академией, и посмеивался над сделанною на них надписью, действительно довольно странною. Он однажды сказал, что лица этих сфинксов часто стоят перед ним, как загадка, которую нужно разрешить, с их странною улыбкою и поведительным взглядом»³⁵.

Если слова Пушкина переданы точно, для нас это поистине драгоценное свидетельство: оказывается, к концу жизни он не просто понял значение музеев, но очень ясно ему в начале, но даже задумывался о музеях на месте раскопок. В самом деле, только не вырванные из своего окружения произведения искусства будут восприниматься нами полноценно — приближенно к тому, как воспринимали их люди, приходившие к ним в глубочайшей древности. Проблема эта актуальна и сейчас, но создать археологические музеи под открытым небом удастся далеко не везде. В этой связи Пушкин вспомнил о скульптурах Фидия, выломанных в 1802 г. лордом Томасом Эльджином из фронтона Парфенона в Афинах, о возмущении Байрона этим вандализмом, что вылилось в строфах его поэмы «Чайлд Гарольд»³⁶. Проницательные соображения об охране памятников старины сочетаются с характерной для Пушкина уверенностью в том, что древние предания живут тысячелетия, проявившейся и в его отношении к легендам об Овидии.

Все вроде бы звучит убедительно, но ни в один свод мемуаров о Пушкине этот отрывок не вошел. Он взят

из пресловутых «Записок А. О. Смирновой», изданных ее дочерью Ольгой Николаевной в журнале «Северный вестник» в 1893—1894 гг., а потом напечатанных отдельно в двух частях. Сомнения в достоверности этих воспоминаний зародились сразу же после их публикации. Пушкин говорит здесь о «Трех мушкетерах» Дюма, увидевших свет через семь лет после его смерти, опекает юного Лермонтова и, главное, обожает государя императора Николая Павловича. Несοοобразностей здесь множество, и нет оснований отвергать вывод литературоведов, что этот текст сочинен самой Ольгой Смирновой, а вовсе не извлечен ею из архива матери³⁷.

Все же нельзя забывать, что Ольга Смирнова, конечно же, неоднократно расспрашивала свою мать о ее встречах с Пушкиным, а кроме того располагала на ее дневниками, позднее утраченными. Некоторые страницы в целом фальсифицированных «Записок» могут воспроизводить запомнившиеся с детства рассказы или подлинные заметки исчезнувшего дневника. Кое-кто из историков пользовался поэтому заподозренным источником, в частности и приведенным нами отрывком³⁸. Попробуем проверить изложенные в нем факты.

Существовала ли статуя? Да, ее можно увидеть и сейчас. Она хранится в Государственном Эрмитаже, а поступила туда в 1852 г. из Академии художеств, где находилась с 1837 г., после того как была доставлена в Петербург А. С. Норовым. Статуя высечена из черного гранита, высота ее 2 м, время создания — эпоха Аменхотепа III, XV в. до нашей эры. Это изображение не Изиды, а другой богини — Сохмет-мут — из храма Мут в Фивах³⁹. Итак, рассказать о своей покупке Пушкину Норов бесспорно мог, а вот осмотреть скульптуру в Академии художеств поэт вряд ли успел. Изваяние установили там, должно быть, после его смерти.

Могла ли А. О. Смирнова слышать разговор Норова с Пушкиным? Нет, не могла. Она уехала за границу в 1835 г. до возвращения путешественника на родину, а вернулась уже после гибели Пушкина. Поэтому заведомо выдумана попавшая в «Записки А. О. Смирновой» (из «Северного вестника») фраза Пушкина: «Норов сообщил мне чрезвычайно любопытные подробности о Египте»⁴⁰. Но беседа об «Изиде» включена в текст не как свидетельство очевидца, а в пересказе Норова

при встрече с А. О. Смирновой в Париже в 1839 г. Это уже более вероятно. Не будем придирааться к таким неточностям, что фигура не базальтовая, а гранитная, и не Изиды, а Сохмет-мут. В подобных вопросах Норов и сам не очень разбирался. Обратимся лучше к его путевым запискам.

Там говорится, что при перевозке изваяния из Фив в Александрию в Дендерах «одна молодая арабская дама в сопровождении нескольких саисов проезжала на роскошно убранном лошаке возле берега, где была причалена моя дагабия; она была поражена видом приобретенной мною в Фивах статуи богини Нейт, которая занимала почти всю палубу. Остановясь, она послала просить позволения войти на дагабию, и мои люди поспешили пригласить ее. Подойдя к статуе, она долго смотрела на нее в большой задумчивости, потом стала на колени, набожно поцеловала ее в грудь и удалилась со слезами на глазах. Мой кавас сказал мне, что образованный класс людей в Египте приписывает чудесные силы древним изваяниям Египта, полагая, что они сделаны руками гениев. Одна старая женщина из свиты этой дамы сказала, что ее госпожа молилась о прекращении ее неплодия»⁴¹.

Эпизод, разумеется, тот же, но освещение его далеко не во всем совпадает с тем, что дано в «Записках А. О. Смирновой». Речь идет не о прощании с покидающей страну богиней, а о суеверном поклонении древним истуканам, таком же, какие совершались тогда и в России около каменных баб на курганах в причерноморских степях. Женщин — не толпы, а всего одна, оратора-старика нет и в помине. О реакции Пушкина тоже нет ни слова. Заметим, что и именуется богиня не Изидой, а Нейт (автор сопоставлял ее с Минервой и Афиной). О точной передаче воспоминаний Норова говорить, как видим, не приходится.

Но у нас есть еще один источник — неоконченные подлинные «Записки» А. О. Смирновой, опубликованные в «Русском архиве» за 1895 г. Пушкину уделено в них удивительно мало внимания, зато о скульптуре Изиды есть несколько строк. Купленная за 6 тыс. франков, она была доведена морем до Одессы, а оттуда отправлена на санях в Петербург, что все вместе стоило еще 6 тысяч. К тому моменту, когда груз достиг сто-

лицы, Норов позабыл о своей покупке, и ее с трудом удалось пристроить под лестницей в Академии художеств. «По Нилу встретил он какую-то женщину, которая целовала Изиду и оплакивала ее отъезд»⁴². Услышала все это А. О. Смирнова от Норова не в 1839 г. в Париже, а в 1848 г.— на даче под Павловском, причем явно впервые⁴³. Никаких реплик Пушкина она не цитирует.

Скорее всего О. Н. Смирнова построила свой разукрашенный рассказ, отталкиваясь именно от этой записи. И у нее Изиды, а не Нейт, как у Норова, и у нее «оплакивание отъезда богини», а не мольба о прекращении бесплодия (вероятно, светски воспитанный Норов постеснялся объяснить даме, зачем целовали древнего идола). Фигурирует тут и площадка под лестницей в Академии художеств.

Таким образом, использовать этот источник в нашей работе было бы неосторожно. Можно лишь допустить, что не в мемуарах, а в дневнике А. О. Смирновой, не дошедшем до нас, но доступном ее дочери, был записан из уст Норова подлинный отклик Пушкина на его повествование о египетской статуе. Предоставляю читателю выбрать одну из этих двух версий. Мне, к сожалению, первая кажется более достоверной.

ПУШКИН И ХОДАКОВСКИЙ

В пушкинских набросках 1832—1833 гг. к незаконченной поэме об Езерском мы находим строки:

*...новый Ходаковский,
Люблю от бабушки московской
Я слушать толки о родне,
Об отдаленной старине.*

В специальном примечании к этой строфе поясняется, что Ходаковский — «известный изыскатель древностей». Потом «изыскатель» зачеркнуто и написано — «любитель» (V, 100, 418).

В 1836 г. восемь строф из вступления к поэме об Езерском были опубликованы под заголовком «Родословная моего героя (отрывок из сатирической поэмы)». Приведенное нами четверостишие вошло туда почти без изменений:

*...новый Ходаковский,
Люблю от бабушки московской
Я толки слушать о родне,
О толстобрюхой старине.*

Примечание немного расширено: Ходаковский — «известный любитель древности, умерший несколько лет тому назад» (III, 427).

Второй раз Пушкин упомянул Ходаковского в статье про Песнь о полку Игореве, подготовлявшейся в конце 1836 г.: «Ни Карамзин, ни Ермолаев, ни А. Х. Востоков, ни Ходаковский никогда не усумнились в подлинности Песни о полку Игореве» (XII, 147).

В обнаруженном М. А. Цявловским письме А. А. Шишкова к С. Т. Аксакову сохранился отзвук беседы Пушкина и П. А. Вяземского с декабристом Ф. Н. Глинкой, которого они навестили в Твери по дороге из Петербурга в Москву в августе 1830 г. В Тверской губернии жила вдова Ходаковского. Петербургские гости «умоляли Глинку упросить вдову... одной строкой уполномочить их на отнятие у Полевого» бумаг ее мужа. В свое время она сама передала их Н. А. Полевому; минуло пять лет, а рукописи все еще не были напечатаны. Этот архив — повторяет Шишков за Пушкиным и Вяземским — «золотой рудник», «сокровище». Полевой прячет его умышленно, надеясь присвоить чужие открытия. «Повидайся нарочно с Пушкиным и стороной заговори об этом, ты увидишь, что он тебе скажет», — советует Шишков Аксакову¹.

Чтобы правильно интерпретировать эти три свидетельства, надо сказать и о том, кто такой Ходаковский, и о том, что знали о нем в 1830—1836 гг.

Ходаковский, или полностью Зориан Доленга-Ходаковский, — псевдоним польского археолога, историка, этнографа и фольклориста Адама Чарноцкого (1784—1825). В 1810—1820-х годах он выступил сначала в польских, а затем в русских журналах с серией статей, где

развернул обширную программу изучения древнейшего прошлого славянских народов. Ходаковский критиковал историков за то, что при характеристике ранних славян они пользуются только летописями эпохи христианства, искаженно изображающими дохристианские языческие времена, и указывал на другие источники — археологические, фольклорные, топонимические, этнографические. Он призывал историков покинуть свои кабинеты, выйти в поле, «низойти под кровлю селянина», послушать его песни, узнать его поверья и обычаи. Особое внимание должно быть обращено на вещественные памятники старины — городища и курганы. Такая система взглядов была совершенно новой для начала XIX в.

Мечтая объехать все славянские земли, Ходаковский усиленно собирал фольклорные и топонимические материалы и (прибегая к современному термину) материалы для археологической карты. В Западной Украине он записал более тысячи песен. Тщательный анализ губернских и уездных планов лег в основу огромного географического словаря, где каждое название было комментировано с топонимической стороны. Больше всего интересовали Ходаковского городища, и он не только разыскивал на картах наименования типа «городище», «городня», «городок» и т. д., но и пополнял свой список подобных урочищ путем устных расспросов. Все эти начинания, подчас требовавшие колоссального труда, были только подготовкой для специальной археолого-этнографической экспедиции по территории, занятой славянским племенем.

Попытки получить средства на такую экспедицию в Польше не увенчались успехом. Научные общества, к которым обратился Ходаковский, осудили его идеи, сведя их к крамольному прославлению язычества и нападкам на христианство. Тогда в 1819 г. он направился в Петербург. Здесь на первых порах «Проект ученого путешествия по России для объяснения древней славянской истории» был воспринят сочувственно. Два наиболее популярных русских журнала — «Вестник Европы» и «Сын отечества» — в нескольких номерах напечатали программные статьи Ходаковского. Вскоре появились и отклики на них.

Была своя закономерность в том, что пионером в исследовании славянских древностей оказался польский

ученый. В тот период целая плеяда деятелей польской культуры вдохновлялась идеей, сформулированной в 1800 г. Иоахимом Лелевелем (тогда еще студентом): «Наша родина лежит в могиле. Мы... должны трудиться над тем, чтобы сбросить наваленный над нею холм и извлечь лежащий под ним пепел Феникса — нашего отчества»². Поэтому интересы многих представителей польской интеллигенции были обращены в прошлое, меж тем как русская думала прежде всего о будущем. Но у нас внимательно следили за открытиями и теориями ученых братского народа. Все основные публикации Я. Потоцкого, И. Раковецкого, В. Суrowецкого, И. Лелевеля сразу же после выхода в свет переводились на русский язык. Благодарную аудиторию нашел в России и Ходаковский.

Его мысль о выявлении и раскопках городищ для восстановления начальных этапов истории встретила полное понимание. Выяснилось, что независимо от него сведения о городищах собирали многие русские любители старины: и издатель журналов М. Н. Макаров, и литератор А. Г. Глаголев, и основатель Харьковского университета В. Н. Каразин, и архиепископ псковский Евгений Болховитинов, и никому неизвестный дворянин А. Бояркин. Их сообщения о городищах пополнили картотеку Ходаковского, и она должна рассматриваться как создание целого коллектива авторов³.

Ходаковский видел в городищах руины древних святилищ. Необходимое уточнение в истолкование городищ внес историк и археолог К. Ф. Калайдович. После обследования Старой Рязани в 1822 г. Калайдович доказал, что это остатки укрепленных поселков. (Все названные имена так или иначе связаны с биографией Пушкина.)

Главная задача Ходаковского по приезде в Петербург сводилась к тому, чтобы раздобыть средства для своей экспедиции. Небольшую сумму он получил, благодаря чему в 1820—1821 гг. объехал ряд мест в Новгородской округе и кое-где провел раскопки раннеславянских могильников — сопок и жальников. Читая записи нашего далекого предшественника, современный археолог не может не отдать должное его добросовестности и наблюдательности. Был очерчен ареал сопок: «..от Рождественского села на Оредежи до берегов

Шексны и от Старой Ладogi до начала реки Мсты» — и детально зафиксированы обнаруженные в них погребения: «...открылась костерная, так сказать, постель, на которой сгорел покойник. Видно, что он лежал в длину меж востока и запада. Сбоку, от севера, поставлен был горшочек»⁴. Восстанавливается и картина сооружения кургана: «Чернозем был в исподе обоих сопок. На той поверхности положен был сначала венец из камней, после клали в середине крупные камни и на оные насыпали песок и щебень, взятый с берега реки. Совершивши холм, окладывали толстым дерном»⁵. Инвентарь жальников другой, тут «при всяком покойнике лежал ножик»⁶. Ходаковский сравнивает эти предметы с ножом из усыпальницы Сергия Радонежского⁷. Правильен и вывод из анализа разнородных могильников: «В оном жальнике хоронили людей не сожженных..., то есть в позднейшие времена»⁸.

Но Министерство народного просвещения, выделившее средства на экспедицию, ждало от нее, конечно, не описаний древних кладбищ и не заурядных находок, а какого-либо быстрого и эффектного результата. Сознывая это, Ходаковский докладывал 14 марта 1821 г. министру А. Н. Голицыну: «Мои приобретения, вначале весьма неблестательные, заключаются в маленькой посылке при сем: т. е. стрела из Ладожской сопки, ножик из жальника на Волхове, печать, вырезанную на сердолике, она нашлась на городище (Новгородском) и принадлежала которому-то великому князю и при том пять старинных монет... Кости из Ладожской и Волотовой могилы находятся у меня в особенном ящике; не будучи уверен в благосклонном принятии такого рода памятников, я не смел представлять их»⁹. Голицын попросил академика математика Н. И. Фусса высказать свое мнение, целесообразно ли продолжать эти работы. Отзыв того был неблагоприятным: «Что касается до выкапываний, учиненных г. Ходаковским, то они подали весьма незначительную жатву древностей». «Не лучше ли... употребить столь значительную сумму на предметы более полезные, особенно в такое время, когда недостаток сумм на самые нужнейшие потребности по училищной части везде столь чувствителен»¹⁰.

И в средствах на продолжение ученого путешествия Ходаковскому было отказано. Еще несколько лет он

прожил в Москве на грани нищеты, не оставляя надежды на возобновление экспедиции. Два года — 1822 и 1823 — он слал А. Н. Голицыну письмо за письмом, сообщая о новых городищах, новых догадках⁴¹. Но министру все это было совершенно неинтересно. В конце концов нужда заставила Ходаковского взяться за управление имением одного из тверских помещиков. Там он и умер в 1825 г.

Сейчас во всех обзорах истории русской археологии и фольклористики с уважением говорится о Ходаковском и его сочинениях. Не то было в 1830-х годах. Биография его до появления в России оставалась загадочной. Результаты раскопок не были обнародованы. Издал их только М. П. Погодин в 1838—1844 гг., получив, не без участия Пушкина, архив покойного ученого от Н. А. Полевого. Штудии Ходаковского 1819 и 1820 гг. через 10—15 лет уже изрядно забылись. Нередко о нем судили лишь по анекдотам, относящимся к тому периоду, когда исследователь, потерявший возможность ездить по стране, без копейки денег пытался как-то перебиться в Москве, не прекращая сбора сведений о древностях. Вместо раскопок ему пришлось ограничиться опросами приезжих, прежде всего крестьян, о расположенных вблизи их сел и деревень городищах и урочищах. Археологи до сих пор применяют этот метод. К тому же только горькая необходимость вынуждала Ходаковского сузить круг своих поисков. Но московское светское общество усматривало в этом одно смешное чудачество.

Одержимость своими идеями, подчеркнутый демократизм и бедность Ходаковского обеспечили ему репутацию полусумасшедшего маньяка. Вот как он обрисован в мемуарах Ксенофонта Полевого: «Всегдашний костюм его составляли серая куртка и серые шаровары, а на голове что-то вроде суконного колпака. В таком костюме являлся он всюду и обращал на себя внимание солдатскою откровенностью, близкою к грубости. Всех дам без различия с простолюдинками называл он „матушка“, всех мужчин — „батюшко“... Он обращался с расспросами ко всякому, нарочно ходил на Болотный рынок... и умел выпрашивать у русских мужичков о городках». Там «принимали его то за вора, то за шпиона и таскали на съезжую». Не пренебрегал Ходаковский и посетителями дома Полевых, вплоть до барышень. «Происходили в

глазах наших истинно комические сцены... Входит в комнату человек, вовсе ему незнакомый, и еще не успел этот человек сказать, зачем пришел, как Зориан начинает допрашивать его. Кое-как отделившись от допросчика, тот спрашивает — что это, помешанный что ли? Другие принимали его за пьяного»¹². Исходя из этого, мемуарист снисходительно закрепил за ним чудачком право на «самую грубую и, что хуже, смешную обработку ученого предмета». Попадались, однако, и горячие поклонники польского энтузиаста, приписывавшие ему, подобно М. П. Погодину, создание целой «исторической системы»¹³. Какова же позиция Пушкина?

От него не ускользнул оттенок комизма в поведении Ходаковского, и это отразилось в «сатирической поэме»¹⁴. Но в статье научного характера собеседник московских бабушек чуть ли не приравнен к весьма уважаемым Пушкиным Карамзину и Востокову. Слово о полку Игореве упомянуто пять раз в трех публикациях Ходаковского, но всюду между прочим, в какой-нибудь одной фразе¹⁵. Эти фразы можно не заметить. И если Пушкин об этом упоминает, значит, он не только перелистывал, но и читал его исследования. Прибавив сюда мнение об архиве ученого, приведенное Шишковым, мы убедимся, что Пушкин ценил заслуги «известного любителя древности» очень высоко. Пожалуй, он даже преувеличивал их, заподозрив, что из архива слависта Николай Полевой черпает материал и для своей «Истории русского народа», и для лингвистических заметок в «Московском телеграфе».

Интересно решить, как сложился образ Ходаковского в представлении Пушкина, встречались ли они лично. Какие-то рассказы о польском «изыскателе древностей» он мог услышать вскоре же после того, как тот прибыл в Петербург. Туда Ходаковский ехал через Псков, чтобы повидаться и побеседовать с автором ряда книг о русской старине архиепископом Евгением Болховитиновым. Пастырь поделился с приезжим своими соображениями о городищах, но о нем самом составил не слишком лестное мнение, о чем тотчас — 3 октября 1819 г. — оповестил В. Г. Анастасевича¹⁶. Через 17 лет Евгений — уже митрополит киевский — писал И. М. Снегиреву: «Вот и стихотворец Пушкин умер от поединка. Он был хороший стихотворец, но худой сын, родственник и гражда-

нин. Я его знал во Пскове, где его фамилия»¹⁷. В Киев из Пскова Болховитинов был переведен в 1822 г., так что его знакомство с Пушкиным относится не ко дням михайловской ссылки, а к более раннему времени, еще до приезда Ходаковского в Россию. Но воспоминания о странном поляке могли сохраниться и у других псковичей, со слов Евгения или по собственным впечатлениям.

До берегов Невы Ходаковский добрался 9 октября 1819 г.¹⁸ Пушкина выслали оттуда на юг семью месяцами позже — 6 мая 1820 г. В Петербурге Ходаковский бывал у Карамзина, отметившего один из его визитов в письме к А. Н. Голицыну от 23 февраля 1820 г. В те дни заходил к Карамзиным и Пушкин. По-настоящему сблизился Ходаковский с декабристом Ф. Н. Глинкой, с которыми Пушкин тогда же советовался, как вести себя на допросе у Милорадовича. В протоколах заседаний Вольного общества любителей российской словесности от 5 января и 23 февраля 1820 г. имя Ходаковского стоит среди имен друзей Пушкина — А. А. Дельвига, В. К. Кюхельбекера, П. А. Плетнева. Ни в коей мере не исключено, что автор «Родословной моего героя» видел Ходаковского в конце 1819 или в начале 1820 г.¹⁹

И уж во всяком случае Пушкин видел его только что вышедшие труды. Дело в том, что «Проект ученого путешествия по России для объяснения древней славянской истории» печатался в тех же номерах «Сына отечества» за 1820 г., где разворачивалась полемика вокруг «Руслана и Людмилы». Введение к трактату Ходаковского опубликовано в книжке 33; здесь же объявлено о выпуске пушкинской поэмы. В книжках 34—35 журнала непосредственно рядом с «Проектом» помещен разбор «Руслана и Людмилы» В... (А. Ф. Воейкова). В этих номерах как раз и идет речь про Слово о полку Игореве. По соседству с заключением «Проекта» в книжке 38 «Сына отечества» находится ответ Воейкову NN (Д. П. Зыкова), эпилог и поправки к тексту поэмы, две эпиграммы на ее хулителей и послание к Пушкину Ф. Н. Глинки.

Пушкин держал в руках «некоторые номера Сына» (XIII, 21). В письме к Н. И. Гнедичу из Каменки от 4 декабря 1820 г. он откликнулся и на извещение о выходе поэмы (кн. 33), и на похвалы и упреки В... (кн. 34—

37), и на эпиграмму И. А. Крылова из книжки 38. Оторванный от столицы, молодой писатель жадно следил за ее литературной жизнью по периодике, и хотя история еще не так волновала его, как в зрелые годы, смелый замысел археологической экспедиции по России вряд ли был оставлен им без внимания. Первые восемь томов карамзинской «Истории государства Российского» Пушкин с увлечением прочел совсем недавно. Более чем вероятно, что он имел достаточно определенное представление о Ходаковском и его идеях уже за десять лет до хлопот о его архиве. В 1830—1836 гг., когда Пушкин сам погрузился в изучение прошлого, интерес к создателю особой исторической системы закономерно усилился. Живя после ссылки в Москве, Пушкин, несомненно, слышал всякие рассказы о сравнительно недавно уехавшем оттуда чудаке-поляке.

Почему же он предпочитал этого нелепого неудачника солидным и процветающим специалистам вроде Оленина или Черткова? Известно пристрастие поэта к «своеобычным», выделяющимся из безликой толпы людям, например к В. А. Дурову — брату «кавалериста-девицы». Яркой и колоритной фигурой был и Ходаковский. Но свести вопрос только к этому, безусловно, нельзя.

Шишков писал Аксакову о Ходаковском как о знатоке «древностей, таящихся в наречьях, поверьях и местностях словенских народов»²⁰. Такая характеристика, восходящая к Пушкину, помогает нам разобраться в том, что именно импонировало ему в деятельности Ходаковского. Это — разыскания в области этнографии и фольклора, от которых сторонились многие другие археологи. Соприкосновение с миром народных сказок, песен, легенд в долгие месяцы михайловской ссылки сыграло большую роль в творчестве Пушкина. Отсюда и любопытство к бумагам собирателя и толкователя наших «наречий и поверий». О богатстве фольклорных материалов в архиве покойного ученого Пушкин мог слышать от М. А. Максимовича, использовавшего их позднее в своих сборниках украинских песен.

Второе направление исследований Ходаковского, вызвавшее интерес Пушкина, — комментарии к Слову о полку Игореве. И здесь археолог сделал ценные наблюдения.

В первой половине XIX в. гуманитарные науки еще

не дифференцировались. Одни и те же люди занимались записью песен и обрядов и осмотром городищ, а в кабинете — древними документами. Это касается и Ходаковского, и его корреспондентов А. Г. Глаголева и М. Н. Макарова, и более молодых, но успешно работавших уже при Пушкине И. П. Сахарова и И. М. Снегирева. Даже в 1849 г. в инструкции для приступавшего тогда к фольклористическим сборам П. И. Якушкина М. П. Погодин просил его попутно обращать внимание на городища и курганы²¹.

Итак, из разных начинаний Ходаковского Пушкина больше всего привлекали те, что связаны с народной словесностью и древнерусской литературой. Но цитированный выше вариант заглавия «Бориса Годунова» — «писал... на городище Ворониче» (VII, 290; XIII, 188) — позволяет предполагать, что поэт знал и о живо обсуждавшейся в печати 1820-х годов теории «славянского городства», внесшей немалый вклад в развитие нашей археологии.

ПУТЕШЕСТВИЯ ПО РОССИИ

В первой трети XIX в. в нашей стране уже проводились экспедиции, имевшие своей целью выявление и сбор материалов о русской старине. Такова была описанная выше поездка Ходаковского. Более успешными оказались знаменитые археографические экспедиции, осуществленные К. Ф. Калайдовичем и П. М. Строевым в 1817—1818 гг. на средства государственного канцлера Н. П. Румянцева, а затем одним Строевым в 1829—1832 гг. по поручению Академии наук. Историки посещали монастыри и пересматривали хранившиеся там рукописи. Удалось обнаружить много ценнейших документов и произведений древнерусской литературы.

Наряду со специалистами путешествовали по России и просвещенные дворяне, не обладавшие какой-либо научной подготовкой, но желавшие познакомиться со своим отечеством поближе, повидать всякие «достопамятности» и рассказать о них в своих записках. У этих

людей тоже были любопытные находки и наблюдения, а рассказы о них пробуждали интерес к национальному прошлому у широких кругов читателей. Пушкин знал не только ученых археографов Калайдовича и Строева, но и таких дилетантов. О них и об отношении к ним Пушкина мы теперь и поговорим.

В 1808—1810 гг. по инициативе А. Н. Оленина на поиски древностей в городах Центральной и Северной Руси отправился член Российской Академии Константин Матвеевич Бороздин (1781—1848). Спутниками его были молодой археограф А. И. Ермолаев и художник Д. И. Иванов — автор небезысленной картины «Марфа посадница у Феодосия Борецкого». Благодаря участию Ермолаева и финансированию поездки Александром I она выглядела почти как научная экспедиция, но глава ее был, конечно, типичным любителем. Путешественники побывали в Ладогe, Тихвине, Устюжне, Череповце, Белозерске, Вологде, Киеве, Чернигове, Любече, Остре, Нежине, Ельце, Курске, Боровске, Туле. Иванов зарисовывал памятники старины, Ермолаев разыскивал древние рукописи.

Странствуя по глухой провинции, Бороздин столкнулся с совершенно непредвиденными трудностями. «Его где принимали за шпиона, где за чудака..., а где и за статского советника», — писал К. Н. Батюшков¹. Документы ярославских архивов, опубликованные через 80 лет поэтом Л. Н. Трефолевым, раскрывают удивительную тупость губернских чиновников, абсолютно непонимавших, зачем пожаловал в их края этот беспокойный человек².

Два случая особенно поразили Бороздина. При осмотре Кирилло-Белозерского монастыря он в сопровождении монаха зашел в какую-то башню. Груды рваных бумаг заполняли ее чуть ли не до половины. На вопрос, что это такое, почтенный инок ответствовал: «А, рухлядь, все собираемся сжечь ее, да никак руки не доходят». Бороздин нагнулся и поднял ближайшую рукопись. То был Синодик Иоанна Грозного. В другой обители бросалась в глаза дорога из келий в собор, вымощенная могоильными плитами. Эпитафии свидетельствовали о разорении усыпальницы одного из старейших дворянских родов. Бороздин обещал настоятелю богатый вклад от потомков этого рода, если камни перетащат на прежнее

место, и не поленился для проверки завернуть в монастырь на обратном пути. Плиты лежали все там же, но надписи на них были старательно выскоблены³.

С равнодушием к наследию русской культуры участники экспедиции встретились и по возвращении в столицу. Четыре больших альбома зарисовок — итог двухлетних трудов — никто и не подумал издать. Полтора столетия лежат они в Публичной библиотеке на углу Невского и Садовой, и до сих пор в печати воспроизведено вряд ли более десятка иллюстраций из этой коллекции. Показательны отклики того же Батюшкова на занятия любителей, подобных Бороздину: «Подивимся мелким людям, которые роются в этой пыли». «Я за все русские древности не дам гроша. То ли дело Греция? То ли дело Италия?»⁴.

Неизвестно, слышал ли Пушкин о совершенном в годы его детства путешествии Бороздина, но с ним самим он был знаком.

В феврале 1830 г. поэт обратился к нему как к председателю Петербургского цензурного комитета с просьбой заменить цензора К. С. Сербиновича (XIV, 64, 65). В эти годы Бороздин ни о каких ученых путешествиях уже не помышлял, был попечителем Санкт-Петербургского учебного округа и сенатором и только между делом занимался генеалогическими изысканиями. Одной из первых дворянских семей, чью родословную он составил, был род графов Бенкендорфов.

С уважением относился Пушкин к рано умершему А. И. Ермолаеву. Как мы помним, он упомянут в статье про Слово о полку Игореве в числе авторитетных ученых рядом с Карамзиным, Востоковым и Ходаковским (XII, 147).

Гораздо лучше, чем Бороздина, Пушкин знал другого человека, прославившегося своими «археологическими путешествиями по России», — литератора, издателя «Отечественных записок», коллекционера, владельца частного Русского музея Павла Петровича Свиньина (1788—1839). «Отечественные записки» начали выходить в 1818 г. В этом и в следующем году увидело свет по одному тому. С 1820 г. сборник превратился в ежемесячный журнал, прекративший существование из-за ухудшившегося финансового положения редактора лишь в 1830 г. Всего было напечатано 126 номеров. В первой

половине 1820-х годов в журнале участвовали декабристы К. Ф. Рылеев, А. О. Корнилович, М. Ф. Орлов, Ф. Н. Глинка. Часто выступали со статьями историки М. П. Погодин, П. М. Строев, Ф. П. Аделунг, Е. А. Болховитинов, библиограф В. Г. Анастасевич, археологи И. А. Стемпковский, А. Ф. Малиновский, П. И. Сумароков, М. Ф. Берлинский. Здесь начинали литературную деятельность Н. В. Гоголь («Бисаврюк, или вечер накануне Ивана Купала») и Н. А. Полевой. Сюда отдал «Дневник партизанских действий 1812 г.» Денис Давыдов.

Многие страницы «Отечественных записок» заняты публикациями документов XVIII в. Среди них — журнал путешествия Петра I во Францию, мемуары А. В. Храповицкого и И. И. Неплюева, записки Л. Сегюра о поездке Екатерины II по России, письма П. А. Румянцева, А. В. Суворова, Д. И. Фонвизина и другие ценные исторические источники.

Еще большее место отводилось рассказам о памятниках старины, или «достопамятностях», как тогда говорили. Мы найдем здесь очерки о древностях Московского Кремля, Новгорода, Пскова, Смоленска, Киева, Чернигова, Вышгорода, Ярославля, Владимира, Нижнего Новгорода, о Соловецком и Ипатьевском монастырях, о Бахчисарае и Болгаре, о достопримечательностях Прионежья и Северного Кавказа, о храме огнепоклонников около Баку. Часть статей принадлежит Свиныну. Ежегодно он предпринимал очередное «археологическое путешествие по России», объезжая одну губернию за другой. Дорожный дневник перерабатывался затем в статьи для журнала⁵.

Современному читателю очерки Свинына покажутся наверно поверхностными. Нужно, однако, помнить, как мало знали об остатках нашей старины в XVIII — начале XIX в. В 1760 г. на запрос Сената об исторических памятниках Киева местные власти не могли ответить ничего вразумительного. О древних укреплениях чиновники писали: «В котором году, от кого и для чего оные города построены, о том в Киевской губернской канцелярии известия не имеется. ...А что оной город верхний давно был от татар и других народов осаждаем и раззоряем, о том с происходимого в народе слуху известно, но когда именно и от кого те раззорения чинимы были,

неизвестно»⁶. Через полвека (1817) составлена «Записка о достопамятностях московских» Н. М. Карамзина. В ней говорится о селе Коломенском, но расположенный там шедевр архитектуры — храм Вознесения — даже не назван. О соборе Василия Блаженного мимоходом брошено два слова — «готическая церковь»⁷. На этом фоне очерки Свинына выглядят совершенно иначе. Сплошь и рядом они впервые знакомили массового читателя с памятниками прошлого России. Недаром Гоголь рекомендовал своей матери прочесть статью Свинына о Полтаве: «Я, хотя и природный жилец Полтавы, много, однако ж, нашел для меня нового и неизвестного»⁸.

В «Отечественных записках» немало материалов собственно археологических. Они появлялись столь часто, что читатели сами стали обращать внимание на находки древностей и сообщать о них в журнал. Так, в 1822 г. некий Л. С. (возможно, С. Е. Латаков), посылая Свиныну сведения об уже упоминавшемся выше кладе из Старой Рязани, подчеркивал, что изданию, известившему публику о «черниговской гривне» (русский золотой амулет-змеевик XII в., найденный у д. Белоусовой) и о прутских древностях (погребение IV в. у с. Концешты, открытое в 1812 г.), должна принадлежать честь и первая публикации рязанских сокровищ. В других номерах рассказывалось о кладе украшений XII — начала XIII в. у Михайловского монастыря в Киеве, о раскопках киевской Десятинной церкви, проведенных К. А. Лохвицким в 1824 г., о вещах из разрушенных могил у Изборска и т. д.

Важно, что очерки о памятниках прошлого писали для журнала помимо редактора и признанных специалистов — историков и археологов — краеведы из провинции. Статью о Новгороде Северском прислал учитель из этого города И. Сбитнев, о городищах Курганского уезда — смотритель местного училища Солунов. Обзор калужских исторических реликвий по записям отца подготовила девица Е. Г. Зельницкая. Свинын поддерживал связи с этими любителями, стимулировал их деятельность. Во время поездки по Северу он специально заехал в такой глухой угол, как с. Верховажье, чтобы встретиться с жившим там купцом-краеведом М. М. Мясниковым и заказать ему статью об истории Ваги и Шенкурска. Гоголь в период близости со Свиныным просил

свою мать собирать монеты, антики, старопечатные книги, рукописи, воспоминания времен гетманщины, «а особливо стрелы, которые во множестве находимы были в Псле»⁹.

В целом журнал Свинына оставляет у современного историка и археолога вполне благоприятное впечатление. Упоминания произведений Пушкина в «Отечественных записках» неизменно сопровождались похвалами, говорилось ли о «Бахчисарайском фонтане» или о «Евгении Онегине». Но отзывы самого поэта о Свиныне были почти всегда отрицательными. Пушкин писал на него эпиграммы (III, 800), памфлеты (XI, 101), хотел сделать его героем сатирического романа, сюжет которого лег потом в основу гоголевского «Ревизора» (VIII, 431), отказался сотрудничать в «Российском лексиконе» из-за того, что Свинын был в списке авторов (XII, 322).

Чем же это объясняется? Не тем ли, что обусловило отношение Батюшкова к Бороздину, — презрением к русской старине? Нет, дело явно в другом. В «Истории Пугачева» Пушкин сослался «на весьма замечательную статью, изданную в „Отечественных записках“, — „Оборона крепости Яика от партии мятежников (описанная самовидцем)“» (IX, 112). Судя по письмам Свинына, Пушкин брал у него для работы оригинал мемуаров А. В. Храповицкого, поскольку они были напечатаны с цензурными купюрами (XV, 48, 113). Выше мы видели, что, посмеиваясь над рассказами Свинына о жизни ссыльного Овидия в Аккермане, Пушкин воспользовался приведенной им легендой о святом старце с душой младенца. Использовал он при подготовке «Песен западных славян» и другую статью Свинына — «Сведения о Георгии Петровиче Черном — знаменитом верховном вожде сербского народа»¹⁰. Не случайно в библиотеке поэта был почти полный комплект «Отечественных записок» за 1820—1822, 1824—1830 гг.¹¹

Со времени экспедиции Бороздина многое изменилось. Подъем патриотизма в период наполеоновского нашествия, успех «Истории государства Российского» Карамзина вызвали интерес к прошлому своей страны, к ее памятникам в достаточно широких слоях населения. Знакомый Пушкина академик П. И. Кёппен в 1829 г. перечислил в своем дневнике, какие перемены заметил

он за 19 лет поездок по России. Пятый пункт гласит: «Везде в более крупных городах можно уже встретить людей, занимающихся собиранием и сохранением местных предметов, ценя их иногда слишком высоко. Вследствие этого приобретение древностей становится более затруднительным. Встречаются уже объяснители и указатели, но пока только словесные»¹². Именно эти сдвиги нашли отражения и в составе авторов «Отечественных записок», и в программе журнала, и в его популярности. При сравнительно дорогой цене (годовая подписка — 25 руб., с пересылкой — 30 руб.) он хорошо расходился. Количество подписчиков достигало 1400 человек.

И все же репутация издателя в литературных кругах оставалась незавидной. Это о нем в декабристской «Поллярной звезде» А. Е. Измайлов напечатал басню, начинающуюся словами:

Павлушка-медный лоб (приличное прозвание!)

Имел ко лжи большое дарованье.

*Мне кажется, еще он в колыбели лгал!*¹³

Рассказ о Свиныне в пушкинской «Детской книжке» называется «Маленький лжец». В дневнике поэта записано в 1834 г.: «Говоря о Свиныне, предлагающем Российской Академии свои манускрипты XVI-го века, Уваров сказал: Надобно будет удостовериться, нет ли тут подлога. Пожалуй, Свинын продаст за старинные рукописи тетрадки своих мальчиков» (XII, 325). Речь шла о ликвидации разорившимся коллекционером собранного им Русского музеума. Смотрели на него Пушкин и другие, как видим, с подозрением. Между тем, кроме картин и статуй, там был богатый рукописный фонд, которым сам же Пушкин пользовался¹⁴. Дошли до нас и пренебрежительные отзывы о Свиныне А. Н. Оленина, Евгения Болховитинова. Для Пушкина такое отношение к историку-любителю со стороны серьезных знатоков древностей имело известное значение.

Сейчас, по прошествии полутора веков, мы можем объективнее решить вопрос, был ли Свинын лжецом и недобросовестным автором. Это был, конечно, не ученый, а дилетант, журналист, с излишней доверчивостью воспринимавший любую попадавшуюся ему информацию,

Пример тому знакомая нам статья о Молдавии и Аккермане, где будто бы жил Овидий. Но собственных выдумок в путевых очерках Свиньина нет. Однажды археологам удалось это проверить. В 1826 г. в статье «Таганрог» «Отечественные записки» сообщали о стоявших в этом городе шести древнегреческих статуях. С тех пор они как в воду канули. Но уже в 1920-х годах Б. В. Лунин нашел в архивах документы, подтверждающие, что скульптуры действительно существовали и охарактеризованы в журнале довольно точно¹⁵. Показателен и такой эпизод: в 1836 г. около города Галича (Костромского) нашли клад бронзовых изделий. Профессор Московского университета археолог И. М. Снегирев отметил для себя: «...присланы идолы и греческие орудия медные, найденные в с. Туровске близ Галича» (Курсив мой.— А. Ф.)¹⁶. Взгляд на те же вещи любителя Свиньина гораздо вернее. Он проявил и должную осторожность, оговорившись, что без сопоставлений с музейными коллекциями судить о предметах трудно, и известную наблюдательность, сравнив находки с шаманскими изображениями из Сибири, что признается и современной наукой¹⁷.

Но с чем же тогда связано устойчивое представление о патологической лживости немолодого и работающего человека? Перечтем еще раз басню Измайлова и «Детскую книжку» Пушкина.

«Павлушка-медный лоб»

*Рассказывал, что в Тюльери
Спускали шар воздушный.
А делал кто его? — Мужик.
Наш русский маркитант коломенский мясник
Софрон Егорович Кулик,
Жена его Матрена
И Таня, маленькая дочь...¹⁸*

Пушкин: «Павлуша был опрятный, добрый, прилежный мальчик, но имел большой порок — он не мог сказать трех слов, чтоб не солгать... Павлуша уверял, что в доме его родителей находится повараенок астроном, форрейтор историк и что птичник Прошка сочиняет стихи лучше Ломоносова» (XI, 101).

И в том, и в другом случае стрелы сатиры направлены в одну цель. Свињин с увлечением разыскивал русских самородков и помещал статьи о них в «Отечественных записках». Среди этих людей были и подлинные таланты, вроде И. П. Кулибина, и такие фигуры, как доморощенный поэт Ф. Н. Слепушкин, и самые заурядные любители из мешан. Статьи типа «Федор Алексеевич Семенов — мясник-астроном в Курске» немало потешали публику. В этом проявилась не столько личная слабость Свињина, сколько определенная тенденция реакционного лагеря, вскоре начертавшего на своем знамени лозунг: «Православие, самодержавие и народность». Прогрессивной интеллигенции, пристально следившей за развитием революционного движения на Западе, интересовавшейся передовой философией, противопоставлялись православные русские люди, малограмотные, но смышленные и, главное, преданные царю-батюшке. Свињин эту тенденцию усиленно поддерживал в печати.

Пушкин и декабристы, опубликовавшие в своем органе басню Измайлова, почувствовали реакционность этой стороны деятельности Свињина, создав в ходе полемики надолго запомнившийся образ «лжеца Павлушки». К тому же, Свињин не стеснялся заискивать перед Аракчеевым, за что был заклеймен эпиграммой П. А. Вяземского. Пушкин считал ее «лучшей» из написанных его другом (XIII, 204).

Итак, отношение Пушкина к издателю «Отечественных записок» определялось отчасти репутацией, созданной тому специалистами-археологами, отчасти его политической позицией. Но из этого не следует, что Пушкин не ценил материалы, собранные Свињиным, тем более — предмет его занятий. Даже в отрицательных отзывах о нем видна некоторая двойственность («Павлуша был опрятный, добрый, прилежный...»). Неоднозначно воспринимается наследие Свињина и сейчас. Меня поразило, что в 1830 г. этот поклонник Аракчеева не побоялся назвать в списке авторов, участвовавших в десятилетнем издании «Отечественных записок», имена декабристов, в том числе и повешенного Рылеева. Не забывая ни о личных, ни об общественных недостатках Свињина, мы все же должны помянуть его добрым словом в обзорах русской историографии. Он немало сделал

для оживления краеведения в нашей стране, для популяризации наших исторических памятников.

В собрании сочинений Пушкина мы найдем не только письмо к К. М. Бороздину и отзывы о П. П. Свиныне, но и обобщенный образ путешественника, желающего познакомиться с достопримечательностями России. Онегин отправляется в свои странствия не просто потому, что «им овладело беспокойство, охота к перемене мест». Нет.

*Проснулся раз он патриотом
Дождливой, скучною порой.
Россия, господа, мгновенно
Ему понравилась отменно.
И решено. Уж он влюблен,
Уж только Русью бредит он.
Уж он Европу ненавидит
С ее политикой сухой,
С ее развратной суетой.
Онегин едет: он увидит
Святую Русь; ее поля,
Пустыни, грады и моря.*

. . . . .
*Среди равнины полудикой
Он видит Новгород-великой;
Смирились площади — средь них
Мятежный колокол утих,
Не бродят тени великанов*:
Завоеватель скандинав,
Законодатель Ярослав
С четою грозных Иоаннов
И вокруг поникнувших церквей
Кипит народ минувших дней.
Тоска, тоска! Спешит Евгений
Скорее далее...*

VI, 495, 496

Из разрозненных строк черновика отметим: «Кругом его монастыри» (VI, 477). Это показывает, что Пушкин имел представление не об одном центре Новгорода с кремлем и Ярославовым дворцом, но и о пригородных

* М. А. Цявловский читал: «Но бродят тени великанов»¹⁹, и, пожалуй, это вернее.

монастырях — Юрьеве и Антониеве с их величественными соборами XII в., может быть, и о Хутынском, где был похоронен Державин.

Ирония по отношению к своему герою несомненна (патриотизм, охвативший его «мгновенно» «дождливой, скучной порой»), но несомненно и уважение к прошлому России, звучащее в тех же строках.

Туристская поездка Онегина в Новгород не удалась. Нелегко было постичь дух древней Руси, разыскивая остатки старины, затерянные в губернском городе. Но то что «тени великанов» бродят по Новгороду, Пушкин чувствовал.

А как путешествовал он сам? Ведь это о себе говорил он устами Ивана Петровича Белкина: «В течение двадцати лет сряду, изъездил я Россию по всем направлениям; почти все почтовые тракты мне известны» (VIII, 97). Уроженец Москвы побывал во многих древнерусских городах — в Киеве и Чернигове, Новгороде Великом и Пскове, Владимире и Нижнем Новгороде, в Арзамасе и Казани. Но одно дело — бывать, проезжать мимо, и совсем другое — должным образом оценить, понять то, что видишь.

Вот два примера. Знакомый Пушкина Д. Н. Свербеев, дипломат, автор интересных мемуаров пишет о своих впечатлениях 1826 г.: «Напрасно в Пскове... искал я глазами каких-нибудь следов его достопамятного по летописям прошедшего — в нем решительно не на чем было остановить внимание проезжего. Кажется, не было и кремля»²⁰. Это в Пскове-то нет кремля! Проходит четверть века. Крупный археолог-ориенталист П. С. Савельев, занимаясь раскопками во Владимирской губернии, жаловался своему другу В. В. Григорьеву (Пушкин его знал): «Живу в скучном городе, где нет ничего порядочного, тем менее замечательного»²¹. А город этот Юрьев Польской, в котором стоит Георгиевский собор 1234 г. со сказочной и загадочной белокаменной резьбой. И это восприятие историка!

Надо признать, что в произведениях Пушкина впечатлений о наших древностях маловато. О Киеве — только четыре строчки в «Бородинской годовщине»:

*Наш Киев дряхлый, златоглавый
Сей пращур русских городов,*

*Сроднит ли с буйною Варшавой
Святыню всех своих гробов?*
III, 274, 275

В письме к Е. М. Хитрово от сентября 1831 г. Пушкин пояснял: «Речь идет о могилах Ярослава и печерских угодников» (XIV, 437). Значит, при краткой остановке в Киеве по дороге в ссылку 14—15 мая 1820 г. поэт осмотрел две главные достопримечательности — Софийский собор с мраморным саркофагом Ярослава Мудрого и Киево-Печерскую лавру с мощами в Ближних и Дальних пещерах. Вероятно, видел Пушкин и могилы казненных Кочубея и Искры, упомянутые позднее в «Полтаве»:

*Но сохранилася могила,
Где двух страдальцев прах почил:
Меж древних праведных могил
Их мирно церковь приютила*

V, 64

В примечании к поэме полностью приведена эпитафия на этой гробнице (V, 67). Пушкин принадлежал к числу тех людей, кто любит осматривать старые кладбища. Тема кладбища занимает заметное место в его поэзии²². Ему хотелось знать, где похоронены Митридат, Овидий, Мазепа. В Яропольце в 1833 г. он посетил могилу гетмана П. Д. Дорошенки, о чем вскоре написал жене (XV, 74).

Но о Киеве хоть что-то есть у Пушкина. О Чернигове же — ничего. О Новгороде — те строки «Путешествия Онегина», что мы уже цитировали. О памятниках Пскова, рядом с которым поэт жил в ссылке, — ничего. О Владимире, Нижнем Новгороде, лежащих на пути в Болдино, — тоже ничего. В целом — бедно.

Но не богаче впечатления и других писателей первой половины XIX в. «Хотя Новгород и древний город, но от древнего в нем остался только кремль, весьма невзрачного вида, с Софийским собором, примечательным своею древностью, но ни огромностью, ни изяществом», — говорит Белинский²³. Тот же Новгород в глазах Герцена, отбывавшего там вторую ссылку, «грязный, дряхлый и ненужный», «невыносимо скучен». «В нем не

осталось ничего старинного русского». «Здания, пережившие смысл свой, наводят ужас»²⁴.

Не нужно забывать, что наши сегодняшние экскурсии по городам-заповедникам подготовлены долголетней работой, проведенной в них археологами, историками архитектуры, реставраторами. Памятники выявлены, определен их возраст, они освобождены от позднейших пристроек, им возвращен первоначальный вид, а вокруг расчищены площадки для осмотра. Не так было в первой половине прошлого столетия. Старинные церкви за много веков подвергались неоднократным переделкам и терялись в современном городе. Путеводителей не было. Найти самому исторические реликвии и понять, что в них интересно и своеобразно, было отнюдь не просто.

Все же работа, плодами которой мы пользуемся, тогда уже начиналась. Появились первые книги о достопримечательностях Москвы, Киева, Новгорода, Пскова. Кое-что из этих изданий было в библиотеке Пушкина, например «Историческое описание первопрестольного в России храма Московского большого Успенского собора» А. Е. Левшина, «Историческое, географическое, топографическое и политическое описание города Переяславля Залесского» П. Плишкина²⁵.

Несколько больше, чем о поездках Пушкина по Центральной России, знаем мы о его странствиях по ее южным окраинам. И. П. Липранди оставил воспоминания о том, как вместе с Пушкиным ездил по Молдавии. В декабре 1821 г. они побывали в Бендерах, где Пушкин расспрашивал о могиле Мазепы, и в Варнице, где находился лагерь шведского войска Карла XII. Оттуда направились в Каушаны — бывшую резиденцию буджакских ханов. Поэт безуспешно искал следы их дворца. Проехали мимо башни в Паланке (ныне она не существует, и можно только предположить, что это средневековый памятник), видели следы римских укреплений — «траянов вал» у Леова. Наконец, прибыли в Аккерман. Здесь Пушкин внимательно осмотрел мощную крепость, построенную турками в 1438—1454 гг. и достраивавшуюся в XVI—XVIII вв. При позднейших поездках Пушкин вновь был в Бендерах и Каушанах, а также на месте Кагульской битвы²⁶.

Все эти впечатления отразились в произведениях поэта. О Бендерах и Варнице читаем в «Полтаве»:

*В стране — где мельниц ряд крылатый
Оградой мирной обступил
Бендер пустынные раскаты,
Где бродят буйволы рогаты
Вокруг воинственных могил —
Останки разоренной сени,
Три углубленные в земле
И мхом поросшие ступени
Гласят о шведском короле.*

*. . . . .
И тщетно там пришлец унылый
Искал бы гетманской могилы.*

V, 63, 64

Об Аккерманской крепости — в «Цыганах»:

*А правил Буджаком паша
С высоких башен Аккермана.*

IV, 194

Фразу о траянском вале из статьи про Слово о полку Игореве мы уже цитировали (XII, 151). Таким образом, при поездках по Молдавии Пушкин старался осмотреть все ее исторические достопримечательности.

Есть упоминания памятников старины и в «Путешествии в Арзрум во время похода 1829 года». Первое из них связано с Северным Кавказом: «Видны следы разоренного аула, называвшегося Татартубом и бывшего главным в Большой Кабарде. Легкий одинокий минарет свидетельствует о бытии исчезнувшего селения. Он стройно возвышается между горами камней на берегу иссохшего потока. Внутренняя лестница еще не обрушилась. Я взобрался по ней на площадку, с которой уже не раздается голос мулы. Там нашел я несколько неизвестных имен, нацарапанных на кирпичах славлюбивыми путешественниками» (VIII, 448). Впоследствии Пушкин назовет это место в поэме «Тазит»:

*В нежданой встрече сын Гасуба
Рукой завистника убит
Вблизи развалин Татартуба.*

V, 71

Татартуп — памятник X—XV вв. Минарет высотой 21 м возведен в XIV столетии²⁷. Интересно отношение Пушкина к обычному вандализму туристов, портящих своими надписями древние здания. Поэт над этим иронизирует, но в общем их не осуждает. Более того, в черновых «Путевых записках 1829 года» читаем: «Гр. П. посподобил за мною. Он начертал на кирпиче имя, ему любезное,— имя своей жены — счастливая, а я свое» (VIII, 1033). Это типично для людей той эпохи, в частности и для любителей старины. На своде одного из древнегреческих склепов на Тамани остался автограф польского историка Я. Потоцкого (отзыв о нем Пушкина есть в том же «Путешествии в Арзрум») ²⁸. П. И. Сумароков, говоря о Судакской крепости, замечает: «Стены вокруг покрыты различными надписями любопытствовавших. Прейдет в потомство и мое имя, сказал я, начертав оное тут же ножом»²⁹. В. Г. Тепляков в Болгарии в 1829 г. «извлек персидский кинжал свой и начертал концом оного свое имя на мраморном возглавии одного из фонтанов»³⁰. Лермонтов в 1830 г. написал стихотворение на стене кельи Никона в Воскресенском монастыре — Новом Иерусалиме³¹. А. С. Норов в Египте в 1834 г., поднявшись на вершину пирамиды Хеопса, «прочел множество имен путешественников всех веков, начертанных на камнях. Имя Наполеона, как по своей громкости, так и по крепкой резьбе, бросается в глаза... Я имел слабость присоединить свое имя к несчетному числу других имен, не с тем, чтобы кто-нибудь его прочел, а как бы для того, чтобы оставить свой бранный след на таком памятнике, который, может быть, исчезнет только с существованием земли»³².

Миллионы туристов, живших позже, поступали точно так же. И. А. Бунин в рассказе 1924 г. «Надписи» пытался объяснить, зачем люди это делают³³. Только в наши дни все чаще и чаще стали звучать голоса против этого варварства.

Помимо Татартупа в «Путешествии в Арзрум» упомянуты и другие памятники, но еще более бегло. В районе Ларса «на скале видны развалины какого-то замка: они облеплены саклями мирных осетинцев, как будто гнездами ласточек» (VIII, 451). Вероятнее всего, это укрепленная усадьба осетинского владельца тагаурского старшины Дударова³⁴.

Далее по Военно-Грузинской дороге «против Дариала на крутой скале видны развалины крепости. Предание гласит, что в ней скрывалась какая-то царица Дария, давшая имя свое ущелию: сказка: Дариал на древнем персидском языке значит ворота. По свидетельству Плиния, Кавказские врата, ошибочно называемые Каспийскими, находились здесь. Ущелие замкнуто было настоящими воротами, деревянными, окованными железом. Под ними, пишет Плиний, течет река Дириодорис. Тут была воздвигнута и крепость для удержания набегов диких племен; и проч. Смотрите путешествие графа И. Потоцкого, коего ученые изыскания столь же занимательны, как и испанские романы (VIII, 451, 452).

Эта ссылка показывает, что Пушкин готовился к путешествию, читая литературу о Кавказе. Он цитирует польского ученого и писателя Яна Потоцкого — автора романа «Рукопись, найденная в Сарагоссе» и серии серьезных исследований по древней истории и исторической географии юга России. Его книга на французском языке «Путешествие в Астраханские степи и на Кавказ. Первобытная история народов, обитавших в древности в этих странах. Новый перипл Понта Эвксинского» (1829) сохранилась в библиотеке Пушкина³⁵.

Дарьяльская крепость — тот самый «Замок царицы Тамары», который демонстрируют всем едущим по Военно-Грузинской дороге. Пушкин такого названия не знает, что и неудивительно. Это наименование крепость получила после публикации стихотворения М. Ю. Лермонтова «Тамара» в 1843 г., написанного незадолго до гибели поэта:

*В глубокой теснине Дарьяла,
Где роется Терек во мгле,
Старинная башня стояла,
Чернея на черной скале...³⁶*

К реальной царице Грузии Тамаре Дарьяльское укрепление никакого отношения не имеет. Возникло оно много раньше — вероятно, в первые века нашей эры, но те стены и башни, что видны сейчас, — сравнительно поздние, середины нынешнего тысячелетия³⁷.

И наконец, перед рассказом о въезде в Тифлис в «Путешествии в Арзрум» говорится: «В нескольких вер-

стах от Гарцискала мы переправились через Куру по древнему мосту, памятнику римских походов» (VIII, 455). Каменный мост в районе Мцхеты ошибочно связывали с походами римского полководца Помпея. В действительности он моложе и построен около V века. Теперь этого моста уже не существует³⁸.

Итак, и при поездке на Кавказ Пушкин интересовался остатками старины, проявил неплохую осведомленность о них. И все же он не слишком здесь задерживался. Он проехал мимо столицы древней Иберии Мцхеты с ее замечательными архитектурными памятниками — храмом Джвари VI—VII вв., церковью Свети-Цховели и монастырем Самтавро XI в. (впоследствии Лермонтов запечатлел вид Джвари на одном из своих рисунков³⁹). Пушкина привлекали не следы минувшего, а жизнь современного Востока, военные действия русских войск.

Пожалуй, мы можем сказать, что его восприятие исторических реликвий примерно такое же, как у среднего интеллигентного путешественника того времени. Рядом были люди, уделявшие прошлому гораздо больше внимания. Таков Грибоедов. Попав летом 1825 г. в Киев, он настолько увлекся его достопримечательностями, что, по собственному признанию, не заметил жизни современников⁴⁰. В этот момент уже начались раскопки города, и К. А. Лохвицкий раскрыл фундамент Десятинной церкви X в. Уцелели очень конспективные записи, сделанные Грибоедовым при поездке по югу. Они свидетельствуют о его исключительной начитанности. Упоминаются книги С. Герберштейна, Г. Боплана, труды В. Н. Татищева и А. И. Мусина-Пушкина, академиков И. А. Гильденштедта, П. С. Палласа, И. П. Фалька, В. Ф. Зуева, ориенталиста Г. Ю. Клапрота. Памятники Крыма Грибоедов осмотрел не так поверхностно, как Пушкин, побывав и в Херсонесе, и в Инкермане, и в Мангупе, и в Чуфут-кале⁴¹. Он считал своим долгом обследовать те окрестности Севастополя, куда не успел заглянуть Паллас, и обмерить отесанные камни, разбросанные по берегам бухт Черного моря. Не раз мелькает у него мысль о необходимости раскопок: «Фальк говорит о двух городищах значительных возле Цимлянской... Не раскапывали ли земли и что в ней найдено?.. Паллас слишком мало говорит о гробницах близ селения Торклук... Нельзя ли открыть одну из них?»⁴².

Пушкину было известно о глубоких познаниях Грибоедова в области истории. В набросках предисловия к «Борису Годунову» сказано: «Грибоедов критиковал мое изображение Иова — патриарх, действительно, был человек большого ума — я же по недосмотру сделал из него глупца» (XIV, 48). Грибоедов заметил это, по-видимому, 16 мая 1828 г., когда Пушкин читал ему и Мицкевичу свою трагедию.

Но хотя некоторые сверстники Пушкина знали русские древности лучше, чем он, у нас не может быть ни малейших сомнений в том, что в зрелые годы поэт понимал значение культурного наследия средневековой Руси. Это доказывает, помимо записей про Слово о полку Игореве, полемика с Чаадаевым. Как мы уже отмечали, в «Философических письмах» определенное место отведено вопросу о памятниках прошлого. Здесь фигурируют произведения искусства Египта, Греции и Рима, западного средневековья. От размышлений о Коллизее, вернее, чем книги, характеризующем императорский Рим, Чаадаев переходит к анализу египетских пирамид и даже циклопических построек Индии, только что обнаруженных учеными. Зато на своей родине он не видит ничего заслуживающего внимания: «Окиньте взглядом все прожитые нами века, все занимаемое нами пространство, вы не найдете ни одного привлекающего воспоминания, ни одного почтенного памятника, который властно говорил бы вам о прошлом, который воссоздавал бы его перед вами живо и картинно»⁴³.

Пушкин познакомился с трудом Чаадаева еще в рукописи и откликнулся на него в письме к автору от 6 июля 1831 г. Когда первое «Философическое письмо» увидело свет в «Телескопе», 19 октября 1836 г. он написал Чаадаеву второй раз, но узнав об обрушившихся на старого друга репрессиях, не отправил свое послание. Разделяя отдельные положения «Письма», Пушкин подчеркивал расхождение в главном вопросе: «Что же касается нашей исторической ничтожности, то я решительно не могу с вами согласиться. Войны Олега и Святослава и даже удельные усобицы — разве это не та жизнь, полная кипучего брожения и пылкой и бесцельной деятельности, которой отмечается юность всех народов? Татарское нашествие — печальное и великое зрелище. Пробуждение России, развитие ее могущества,

ее движение к единству (к русскому единству, разумеется), оба Иоанна, величественная драма, начавшаяся в Угличе и закончившаяся в Ипатьевском монастыре — как, неужели, все это не история, а лишь бледный и полузабытый сон?.. Я далеко не восторгаюсь всем, что вижу вокруг себя: как литератора — меня раздражают, как человек с предрассудками — я оскорблен — но клянусь честью, что ни за что на свете я не хотел бы переменить отечество и иметь другую историю, кроме истории наших предков, такой, какой нам бог ее дал» (XVI, 393).

Эти мысли не стоят особняком в творчестве зрелого Пушкина и вызваны не только чтением «Писем» Чаадаева. Они входят в целую цепь высказываний в ряде произведений — прозаических и поэтических, опубликованных и оставшихся в черновиках. Тема этого цикла: уважение к историческим традициям, гордость наследием русской культуры, беспокойство по поводу все чаще проявлявшегося в обществе безразличия к судьбам этого наследия. Напомню эти высказывания.

«Отрывки из писем, мысли и замечания» (издано в «Северных цветах на 1828 год»): «Гордиться славою своих предков не только можно, но и должно; не уважать оной есть постыдное малодушие» (XI, 55).

«Мнение М. Е. Лобанова о духе словесности, как иностранной, так и отечественной» (издано в «Современнике» в 1836 г.): «Неуважение к именам, священным славою (первый признак невежества и слабоумия), к несчастью, почитается у нас не только дозволенным, но еще и похвальным удалством» (XII, 71).

Неопубликованное «Опровержение на критики» (1830 г.): «Дикость, подлость и невежество не уважает прошедшего, пресмыкаясь пред одним настоящим» (XI, 162).

Наброски статьи о русской литературе (1830 г.): «Уважение к минувшему — вот черта, отличающая образованность от дикости; кочующие племена не имеют ни истории, ни дворянства» (XI, 184).

Черновики 1828—1830 гг. к незавершенному прозаическому произведению, называющемуся сейчас по первой строке «Гости съезжались на дачу»: «Мы так положительны, что стоим на коленях пред настоящим случаем, успехом... Очарование древностью, благодарность к прошедшему и уважение к нравственным достоинствам

для нас не существует. Карамзин недавно рассказал нам нашу Историю. Но едва ли мы вслушались. Мы гордимся не славою предков, но чином какого-нибудь дяди, или балами двоюродной сестры. Заметьте, что неуважение к предкам есть первый признак дикости и безнравственности» (VIII, 42).

Всюду варьируется одна мысль. Формулировка ее с научной точки зрения не вполне точна. Неверна характеристика «дикости» — первобытного общества. Тогда предки, остатки старины (пусть непонятые) как раз очень почитались. У кочевников были свои знатные роды и, конечно, своя богатая история. Но это частности. Основа мысли Пушкина об уважении к прошлому как важнейшей черте настоящего человека и нормально развивающегося общества замечательно глубока и созвучна нашей эпохе.

Споря с Чаадаевым, Пушкин назвал несколько событий, оставшихся в памяти народа и составляющих его драгоценные «воспоминания», но не сумел назвать произведения искусства или реликвии, выражающие национальный дух и дорогие для нас не меньше, чем эти абстрактные воспоминания. Вещественные памятники русской истории — Московский Кремль, киевские соборы, новгородские и псковские древние здания — Пушкин видел, но для него они еще не были тем, чем стали для последующих поколений. Зато ценность письменных памятников Пушкину была ясна в полной мере. Свидетельство тому — его интерес к летописям и Слову о полку Игореве и особенно строки поэмы «Езерский» (1832 г.), перекликающиеся с цитированными выше прозаическими отрывками, но заключающие сверх того:

*Мне жаль, что сих родов боярских
Бледнеет блеск и никнет дух.*

. . . . .
*Что русской ветреный боярин
Теряет грамоты царей,
Как старый сбор календарей.*

V, 100

Здесь чувствуется беспокойство о гибели сокровищ русской культуры — опасности, осознанной после археографических поездок по стране К. М. Бороздина,

К. Ф. Калайдовича, П. М. Строева. В набросках предисловия к «Борису Годунову» автор с удовольствием говорил о собственной археографической находке — грамоте 1621 г. с упоминанием Гаврилы Пушкина, обнаруженной в Погорелом городище (XIV, 395, 396). Грамота сохранилась. Записан рассказ о том, что поэт велел ее беречь⁴⁴.

Итак, Пушкин очень далеко отошел от пренебрежительного мнения о русских древностях, провозглашенного в 1809—1810 гг. К. Н. Батюшковым. Он не сделал еще одного шага вперед к современным представлениям об их значении, но его мысли о культурном наследии важны и близки для нас и сегодня.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Выводы, вытекающие из предшествующих очерков, можно сформулировать по-разному. Можно сказать: Пушкин к археологии был равнодушен. Он проезжал мимо любопытнейших памятников прошлого, даже не взглянув на них, составил очень поверхностное представление о тех, которые видел, не оценил по достоинству ни ряд полезных для нашей области знания деятелей (П. Дюбрюкс, С. М. Броневский, П. П. Свиньин), ни начинавшееся в стране музейное строительство, увлекался легендами, уже тогда отвергнутыми наукой. Интерес Пушкина к исследованиям Ходаковского связан не с раскопками, а с его записями народных песен и соображениями о Слове о полку Игореве. Точно так же беседы с Гульяновым касались скорее истории языка, чем египетских древностей. При этом научный пустоцвет — И. А. Гульянова — поэт явно переоценивал, а о приступавших к большой и нужной работе Дюбрюксе и Броневском отзывался с обидной снисходительностью. И все это будет правильно.

Но можно сказать и иначе: Пушкин откликнулся, хотя бы кратко, попутно, на все наиболее значительные моменты в процессе формирования русской археологии, осознал значение исторических реликвий, призывал к их охране. Такой вывод из наших очерков тоже будет правильным. Как-никак книга на тему «Пушкин и археология» написана, а даже маленькую статью на тему «Лев Толстой, Некрасов, Достоевский, Чехов и археология» написать немислимо. Нет в их творчестве никаких точек соприкосновения с нашей наукой. Даже беглые заметки, отдельные стихотворные строки Пушкина оказались удивительно содержательными. Любые впечатления и от встреч с «изыскателями древностей», и от остатков старины не проходили для него бесследно.

В некрологе Пушкина его близкий друг П. А. Плетнев отмечал: «Природа, кроме поэтического таланта, наградила его изумительной памятью и проницательностью. Ни одно чтение, ни один разговор, ни одна минута размышления не пропадала для него на целую жизнь. Его голова, как хранилище разнообразных со-

кровищ, полна была материалами для предприятий всякого рода. По-видимому рассеянный и невнимательный, он из преподавания своих профессоров уносил более, нежели товарищи»¹. Все приведенные выше данные слугат подтверждением этой характеристики.

Отличие же сегодняшнего восприятия тех или иных явлений от восприятия Пушкина вызвано не только тем, что мы — люди разных эпох, отделенных друг от друга полутора столетиями, не прошедшими даром для развития русской культуры. Не менее существенно то, что ученый и поэт всегда не одинаково смотрят на окружающее. Великий русский физиолог И. П. Павлов констатировал: «Жизнь отчетливо указывает на две категории людей: художников и мыслителей. Между ними резкая разница. Одни — художники... захватывают действительность целиком, сплошь, сполна, живую действительность без всякого дробления, без всякого разъединения. Другие — мыслители — именно дробят ее и тем как бы умерщвляют ее, делая из нее какой-то временный скелет, и затем только постепенно как бы снова собирают ее части и стараются их таким образом оживить, что вполне им все-таки так и не удается»².

Эти слова гениального естествоиспытателя интересны в двух отношениях. Из них следует, во-первых, что оба пути познания он считал правомочными, расходясь с иными кастовыми учеными, осуждавшими за ненаучность восприятие мира, свойственное поэтам или артистам. Во-вторых, в цитированном нами отрывке слышится известная зависть мыслителя к художникам, постигающим природу и общество полнее и ярче. То же чувство задолго до Павлова выразил философ Ф. Шеллинг. «Наука лишь поспешает за тем, что уже оказалось доступно искусству», — утверждал он в «Системе трансцендентального идеализма»³.

Это кардинальное обстоятельство не понял академик С. Ф. Платонов, комментируя заметки Пушкина о поездке по Крыму⁴. Осмотр Бахчисарая Пушкиным, бесспорно, был мимолетным: «Вошел во дворец, увидел я испорченный фонтан; из заржавой железной трубки по каплям падала вода. Я обошел дворец с большой досадою на небрежение, в котором он истлевет, и на полуевропейские переделки некоторых комнат. NN почти насильно повел меня по ветхой лестнице в развалины га-

рема и на ханское кладбище... Что касается до памятника ханской любовницы, о котором говорит Муравьев-Апостол, я об нем не вспомнил» (XIII, 252).

Впечатления Палласа или Муравьева-Апостола от столицы Крымского ханства неизмеримо богаче. Но не они написали поэму «Бахчисарайский фонтан». И уже второй век для всех, приезжающих в Бахчисарай, никогда не существовавшие Мария и Зарема реальнее, чем в самом деле жившие на свете Сеадат-Гирей, Арслан-Гирей-хан, Крым-Гирей-хан, Бегдыр-ага или Хаджи-кенаан, чьи могилы можно увидеть рядом с дворцовой мечетью. Пушкин создал «свой Бахчисарай», отталкиваясь от легенды о похищенной графине Потоцкой, от немногих прочтенных им книг по истории Крыма, от короткой экскурсии по городу. Для творчества поэту было достаточно этих импульсов. А мы — археологи и историки — будем по крохам собирать материалы о прошлом Бахчисарая, отбрасывать легенды, классифицировать строго выверенные факты, но, по выражению И. П. Павлова, сложить из них потом нечто целостное нам вполне так и не удастся.

Сейчас в спорах о гуманитарной и технической культурах (по Ч. Сноу), о «физиках и лириках» наметилась тенденция всячески подчеркивать их сходство, сводя его порой чуть ли не к тождеству. В доказательство ссылаются именно на Пушкина, в поздние годы работавшего в архивах, изучавшего хранящиеся там документы как историк. С удовольствием вспоминают удивительные по глубине проникновения в науку строки:

*О сколько нам открытий чудных
Готовят просвещенья дух
И Опыт сын ошибок трудных
И Гений парадоксов друг
И Случай, Бог изобретатель.*

III, 464

Но ведь есть у Пушкина и другие слова, звучащие едва ли не кощунственно: «Ученость, деятельность и ум чужды Московскому университету» (XIV, 185), нужна «победа над университетом, т. е. над предрассудками и вандализмом» (XIV, 159). Это — в письмах, но и в опубликованном при жизни автора «Путешествии в Арзрум»

читаем: «Я своротил на прямую Тифлисскую дорогу..., не любопытствуя посетить Харьковский университет, который не стоит Курской ресторации» (VIII, 446).

О нелюбви Пушкина к университетам вспоминал и П. В. Нащокин⁵. П. А. Вяземский писал: «В Пушкине было верное понимание истории... Принадлежностями ума его были: ясность, пронизательность и трезвость. Он был чужд всех систематических искусственно составленных руководств; не только был он им чужд, он был им враждебен» (Курсив мой.— А. Ф.)⁶. Это не выдумка Вяземского. В «Обзрении русской словесности 1829 года», напечатанном И. В. Киреевским в альманахе «Денница», Пушкина, по собственному признанию, раздражало «слишком систематическое умонаправление автора» (XI, 103).

Что-что, а различие двух путей познания ясно ему до предела:

*...мечты поэта —
Историк строгой гонит вас!*

III, 253

Отсюда и все остальное. Смешны рассказы о жизни Овидия в Аккермане, раз Томы находились «при самом устье Дуная», но стихи — «в Молдавии, в глуши степей». Нет в Керчи гробницы Митридата, но — «зрит пловец — могила Митридата». Вроде бы прав Муравьев-Апостол, отвергая гипотезу о храме Артемиды на мысе Фиолент, но:

*К чему холодные сомненья?
Я верю: здесь был грозный храм.*

В «Истории Петра» записано: «Меншиков происходил от дворян белорусских... Никогда не был он лакеем и не продавал подовых пирогов. Это шутка бояр, принятая историками за истину (X, 65). Но — «не торговал мой дед блинами» (III, 261).

Пушкин был замечательно образованным человеком. В его библиотеке мы найдем труды Ж. Бюффона, П. Лапласа, Ж. Кювье⁷. В журнале «Современник» он, как остроумно заметил академик М. П. Алексеев, «редактировал статьи по железнодорожному делу»⁸. В его словарь попал даже термин «тотем» (XII, 121), впервые

записанный у американских индейцев Д. Лонгом в 1791 г., а широко вошедший в научный обиход гораздо позднее, пожалуй уже в XX в., после книг Д. Фрезера и З. Фрейда. Пушкин очень интересовался историей. Треть его библиотеки составляют издания по этой тематике. Он с увлечением рылся в архивах и умел пользоваться найденные там документы или записки современников не хуже профессиональных ученых⁹. Он уважал тех, кто обладал солидными знаниями — «сведениями» (вспомним слова о Г. Ф. Миллере, И. М. Муравьеве-Апостоле, С. М. Броневском, упрек П. Дюбрюксу), но это не значит, что он смотрел на остатки старины так же, как специалисты-археологи. Он шел своим путем, путем поэта-художника, проникая в области, недоступные науке.

Хочется надеяться, что наши очерки приоткрыли для читателя одну из малоизвестных страниц в истории русской культуры, показали тот научный фон, на который накладывался интерес Пушкина к древностям — античным, славянским, восточным, — наметили определенные точки пересечений и линии расхождений между весьма «далековатыми идеями».

Помимо комментариев к отдельным произведениям Пушкина, кое в чем уточняющих наше представление о них, я пытался дать здесь портреты нескольких археологов — сверстников поэта. Они принадлежат к типам, встречающимся и сегодня, а происходившие между ними конфликты напоминают те, что развертываются на наших глазах. Оленин среди них был, безусловно, самым образованным, но это специалист чисто кабинетного склада. Недаром он так и не удосужился побывать в Ольвии и Пантикапее. Прозябавший в захолустной Керчи Дюбрюкс с его плохим французским языком казался Оленину невеждой, неспособным к занятиям античностью. А тот — человек совершенно иного типа — полевой работник, раскопщик — при всех своих недостатках начал большое дело — исследование памятников Боспорского царства — и вероятно, часто обижался на отказывавших в помощи столичных ученых. Полезный популяризатор Свиньин сталкивался с дружным презрением всех истинных знатоков старины. Великий эрудит Гульянов, почитавшийся современниками звездой первой величины, оказался творчески абсолютно бесплодным и,

если бы не послание Пушкина, был бы забыт навсегда. А в те же годы осмеянный московским светским обществом за свой демократизм и за чудаковатость Ходаковский в самом деле прокладывал новые направления в науке, получившие развитие уже в середине XIX в.

Рядом с этими людьми, целиком поглощенными древностями, мы видели литераторов, проявивших к ним внимание лишь попутно, но обнаруживших при этом такие познания, какими и теперь могут похвастаться далеко не все дипломированные специалисты. Это Грибоедов, Чаадаев, Тепляков. Всестороннее гуманитарное образование сформировало у них особое отношение к культурному наследию. Более универсальная, но и более поверхностная подготовка привести к тому же не в состоянии.

Затрагиваются в этой книге и другие темы. Я старался показать, в частности, какими сложными, но прочными нитями связаны явления, очень далекие во времени и пространстве. Так, легенда о гробнице Овидия, сложившаяся в эпоху Ренессанса в Польше, порождала многочисленные отклики вплоть до XIX в. У Пушкина они еще вполне серьезны, у Салтыкова-Щедрина — переходят в откровенную сатиру. Вывод о сосуществовании первобытного человека и мамонта, сделанный в 1820-х годах французскими учеными, отразился в элегии Теплякова, а оттуда перешел на страницы пушкинской рецензии.

Мне кажется, что за этими частными мелкими наблюдениями стали вырисовываться какие-то более общие и широкие вопросы. Решение их дано будет не здесь и не мною. Но если читатель над ними задумается, цель этой книги можно считать достигнутой.

ПРИМЕЧАНИЯ

ВВЕДЕНИЕ

- ¹ Фактические справки см. в кн.: *Черейский Л. А.* Пушкин и его окружение. Л., 1975. Там не упомянуты только В. Г. Анастасевич, о котором Пушкин говорит в «Тени Фонвизина» (I, 159); А. Г. Глаголев — автор рецензии на «Руслана и Людмилу» в «Вестнике Европы», известной Пушкину (XI, 144); В. Н. Каразин — основатель Харьковского университета и сочинитель доносов на поэта (о нем см.: *Каразин В. Н.* Биобиблиография. Харьков, 1953); А. Ф. Леопольдов, распространявший в 1826 г. списки «Андрея Шенье», что привело к серьезным неприятностям для Пушкина (см.: *Демиховские О. и Е.* Тайный враг Пушкина.— Русская литература, 1963, № 3, с. 85—89) и З. Я. Ходаковский (о нем см. специальный очерк в нашей книге).
- ² О взаимоотношениях Пушкина и Оленина см.: *Прийма Ф. Я.* Пушкин и кружок А. Н. Оленина.— В кн.: Пушкин. Исследования и материалы. М.—Л., 1958, II, с. 229—246.
- ³ *Бестужев А.* Взгляд на русскую словесность в течение 1825 г.— В кн.: Полярная звезда, изданная А. Бестужевым и К. Рылевым. М.—Л., 1960, с. 493, 494.
- ⁴ *Ломоносов М. В.* Краткое руководство к красноречию.— Полн. собр. соч. в 10-ти т. М.—Л., 1952, т. 7, с. 111; *Тынянов Ю. Н.* Поэтика, история литературы, кино. М., 1977, с. 236.

КАК СКЛАДЫВАЛАСЬ АРХЕОЛОГИЯ

В РОССИИ

И ЧТО ЗНАЛ ОБ ЭТОМ ПУШКИН

- ¹ Полное собрание законов Российской империи (1 собр.), в 45-ти т., т. V, № 3159.
- ² *Руденко С. И.* Сибирская коллекция Петра I. М.—Л., 1962.
- ³ Ленинградское отделение Архива АН СССР, р. IX, оп. 4; *Формозов А. А.* Археология в Академии наук.— Советская археология, 1974, № 2, с. 4.
- ⁴ *Модзалевский Б. Л.* Библиотека А. С. Пушкина (библиографическое описание).— В кн.: Пушкин и его современники. СПб., 1910, вып. IX—X, с. 17 (далее везде — Библиотека).
- ⁵ *Штелин Я.* Подлинные анекдоты о Петре Великом. М., 1830, ч. I, с. 130; Библиотека, с. 117. В фальсифицированных «Записках» А. О. Смирновой (СПб., 1895, ч. I, с. 137) приведены слова, якобы

- сказанные Пушкиным: «...существовал город Болгар, славянский город, разрушенный аvaraми, недалеко от Воронежа». Человек, писавший о Болгаре в «Истории Петра» и бывавший в Казани, никогда не сделал бы такой грубой ошибки, но, может быть, поэт действительно вспоминал об этом известном ему памятнике старины в каком-то разговоре.
- ⁶ Библиотека, с. 58, 64, 70, 74, 75, 81, 90, 344.
- ⁷ Там же, с. 131, 132.
- ⁸ Записки, статьи, письма И. Д. Якушкина. М., 1951, с. 20.
- ⁹ Речи и письма живописца Луи Давида. М.—Л., 1933, с. 221.
- ¹⁰ Эккерман И. П. Разговоры с Гете в последние годы его жизни. М.—Л., 1934, с. 249.
- ¹¹ Липранди И. П. Из дневника и воспоминаний.— В кн.: А. С. Пушкин в воспоминаниях современников. М., 1974, т. I, с. 229 (далее везде — Воспоминания).
- ¹² Краков А. Я. Лермонтов и античность.— В кн.: Сборник статей в честь проф. В. П. Бузескула. Харьков, 1914, с. 792—815.
- ¹³ Якубович Д. П. Античность в творчестве Пушкина.— Временник, 1941, VI, с. 92—159.
- ¹⁴ Майков Л. Н. Батюшков, его жизнь и сочинения. СПб., 1896, с. 39.
- ¹⁵ Батюшков К. Н. Соч. в 3-х т. СПб., 1886, т. III, с. 518—521 (письмо к А. Н. Оленину от 17 июля 1818 г.).
- ¹⁶ Археологические труды А. Н. Оленина. СПб., 1881, т. I, вып. 1, с. 211.
- ¹⁷ Там же, с. 58, 70; СПб., 1882, т. II, с. 63, 81, 83, 85.
- ¹⁸ Солнцев Ф. Г. Моя жизнь и художественно-археологические труды.— РС, 1876, № 3, с. 636.
- ¹⁹ Не пересказывая историю взаимоотношений Пушкина и Оленина, хорошо прослеженную литературоведами, остановлюсь лишь на одном моменте, кажется, ими не замеченном. В 1828 г. П. А. Катенин и Пушкин обменялись стихотворными посланиями, внешне весьма комплиментарными, а на деле резко полемическими. Смысл полемики вскрыт Ю. Н. Тыняновым (Пушкин и его современники. М., 1968, с. 73—85). В «Воспоминаниях о Пушкине» Катенин писал, что тот не издал его послания, «затруднившись» «шуткой слегка над почтенным Историографом и над почтенным Археологом» (Воспоминания, т. I, с. 188). Историограф — разумеется, Карамзин. А кто же Археолог? В стихотворении «А. С. Пушкину» говорится:

*...с большим стараньем
 Старинным убежден преданьем,
 Один ученый наш искал
 Подарков, что певцам в награду
 Владимир Щедрый раздавал,
 И, вобрази его досаду,
 Ведь не нашел.— Конь, верно, пал;
 О славных латах слух пропал:
 Французы ль, как пришли к Царьграду,*

.....

*Изволили в числе трофеев
 Их у наследников отнять
 Да по обычаю злодеев
 В Парижский свой Музеум взять;
 Иль время, лет трудившись двести,
 Подъело ржавчиной булат,
 Но только не дошло к нам вести
 Об участи несчастных лат.
 Лишь кубок, говорят, остался
 Один в живых из всех наград.*

Катенин П. А.

Избранные произведения. Л., 1965, с. 184

Древние латы и кубки — область интересов А. Н. Оленина. И Катенин упомянул о нем, конечно, не случайно. В 1828 г. Пушкин, увлеченный Анной Олениной, был всегдагдатема в доме ее родителей. Это еще одна «парфянская стрела» в послании.

- ²⁰ *Нащокины П. В. и В. А.* Рассказы о Пушкине, записанные П. И. Бартечевым. — Воспоминания. М., 1974, т. II, с. 185.
- ²¹ *Малиновский А. Ф.* Историческое описание древнего Российского музея, под названием мастерской и оружейной палаты в Москве обретающегося. М., 1807.
- ²² *Батюшков К. Н.* Прогулка в Академию художеств. — Соч. М., 1955, с. 328.
- ²³ Библиотека, с. 365.
- ²⁴ *Бартелеми Ж. Ж.* Путешествие младшего Анахарсиса по Греции в половине IV века до рождения Христова. М., 1803—1809, т. 1—9 (то же — СПб., 1804—1809, т. 1—6).
- ²⁵ *Карамзин Н. М.* Письма русского путешественника. — Избр. соч. в 2-х т. М. — Л., 1964, т. 1, с. 413—415.
- ²⁶ Библиотека, с. 150.
- ²⁷ *Marchangy L.* Tristan le voyageur ou la France au XIV siècle. Paris, 1825, t. I—VI; *Monteil A.* Histoire des Française des divers états. Paris, 1828, t. 1—10.
- ²⁸ *Глинка Ф. Н.* Письма к другу. СПб., 1816, ч. 2, с. 7, 8, 14, 15.
- ²⁹ *Обер Л.* Мое знакомство с Пушкиным (отрывки из моей памяти). — В кн.: Венок на памятник Пушкину. СПб., 1880, с. 341; *Зильберман И.* Книга Г. Успенского «Опыт повествования о древностях русских» 1818 г. и ее читатели. — Вестник Харьковского историко-филологического общества, 1916, VI, с. 5, 6.
- ³⁰ *Бестужев-Марлинский А. А.* Повести и рассказы. М., 1976, с. 53.
- ³¹ *Нечаев С.* Некоторые замечания о месте Мамаева побоища. — Вестник Европы, 1821, ч. СХІХ, № 14, с. 125—129; *С. Н.* Описание вещей, найденных на Куликовом поле. — Там же, 1821, ч. СХХІ, № 24, с. 348—350; *Мухина С. Л.* Безвестные декабристы (П. Д. Черевин и С. Д. Нечаев). — Исторические записки, 1975, 96, с. 242—249.
- ³² *С-д. Л.* Об открытии драгоценных древностей. — Отечественные записки, 1822, № 28, с. 234—257; Библиотека, с. 129.
- ³³ Руководство к познанию древностей г. Ал. Милена..., изданное с прибавлениями и замечаниями Н. Кошанским. М., 1807; Ручная книга древней классической словесности, содержащая археологию,

- обозрение классических авторов, мифологию, древности греческие и римские, собранная Эшенбургом, умноженная Крамером и дополненная Н. Кошанским. СПб., 1816, т. I, 1817, т. II.
- ³⁴ *Грот Я. К.* Пушкин, его лицейские товарищи и наставники. СПб., 1899, с. 7.
- ³⁵ Подробнее см.: *Формозов А. А.* История термина «археология». — Вопросы истории, 1975, № 8, с. 214—218.
- ³⁶ *Лермонтов М. Ю.* Кавказец. — Полн. собр. соч. в 4-х т. М. — Л., 1948, т. IV, с. 164.
- ³⁷ Библиотека, с. 295. О раскопках Н. Н. Муравьева см.: *Формозов А. А.* Очерки по истории русской археологии. М., 1961, с. 89—95.
- ³⁸ *Гесс де Кальве Г.* Опыт исторического исследования об образовании человеческих способностей, в особенности по части минералогии. — Труды Вольного общества любителей российской словесности, 1820, X, с. 251, 252.
- ³⁹ *Базанов В. Г.* Ученая республика. М. — Л., 1964, с. 373.
- ⁴⁰ *Laming-Emperaire A.* Origines de l'archéologie préhistorique en France. Paris, 1964, p. 144, 145, 147, 148. О работах Турналя русских читателей информировал «Горный журнал». См.: *Залкинд Н. Г.* Проблема ископаемого человека на страницах русского «Горного журнала» в начале XIX в. — Советская антропология, 1958, № 1, с. 91—96.
- ⁴¹ Стихотворения Виктора Теплякова. СПб., 1836, ч. II, с. 37, примеч., с. 95, 97; *Кювье Ж.* Рассуждение о переворотах на поверхности земного шара. М. — Л., 1937, с. 152; Библиотека, с. 216, 217. В «Письмах из Болгарии» (*Тепляков В.* Письма из Болгарии. М., 1833, с. 110) Тепляков упоминает такие памятники первобытной культуры, как мегалиты Карнака и Стоунхендж. Справедливости ради надо заметить, что В. Г. Тепляков принял за мегалитические постройки известные Побитные-таш — Дикили-таш — у с. Белослав около Варны, представляющие собой игру природы. Верно оценил их тогда же другой знакомый Пушкина — И. П. Липранди (Краткое извлечение из составившегося исторического и географического описания Болгарского царства в Мизии. — В кн.: *Въжарова Ж.* Руските учени и българските старини. София, 1960, с. 55).
- ⁴² Воспоминания Бестужевых. М. — Л., 1951, с. 205 (Записки М. А. Бестужева).
- ⁴³ Архив братьев Тургеневых. Пг., 1921, вып. 6, с. 199 (письмо А. И. Тургенева П. А. Вяземскому от 18 апреля 1833 г.).

ПУШКИН И АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ПАМЯТНИКИ ЮГА РОССИИ

- ¹ *Богоявленский С. К.* Материалы к археологической карте Московского края. — МИА, 1947, № 7, с. 172.
- ² *Белецкий В. Д.* Археологические работы в государственном заповеднике им. А. С. Пушкина. — В кн.: Археологический сборник Государственного Эрмитажа, 1977, 18, с. 110—125.
- ³ Здесь и ниже все даты даны по кн.: *Цявловский М. А.* Летопись жизни и творчества А. С. Пушкина. М., 1951, т. I.

- ⁴ Толстой А. К. Собр. соч. в 4-х т. М., 1963, т. I, с. 222—224; Стафеев Г. И. Сердце полно вдохновенья. Тула, 1973, с. 132.
- ⁵ Барсуков Н. П. Жизнь и труды М. П. Погодина. [Б. м.], 1890, кн. III, с. 137.
- ⁶ Кёптен П. И. О курганах.— ИТУАК, 1908, 42, с. 6.
- ⁷ Федоров Г. Б. Население Прутско-Днестровского междуречья в I тысячелетии н. э.— МИА, 1960, № 89, с. 71—80.
- ⁸ Липранди И. П. Из дневника и воспоминаний.— Воспоминания, т. I, с. 312.
- ⁹ Мусин-Пушкин А. И. Историческое исследование о местоположении древнего российского Тмутараканского княжества. СПб., 1794, с. 1, 2.
- ¹⁰ Путевые записки по многим российским губерниям 1820 года статского советника Гавриила Геракова. СПб., 1828, с. 115.
- ¹¹ Аппиан. Митридатовы войны.— ВДИ, 1946, № 4, с. 239—288.
- ¹² Капнист В. В. Соч. в 2-х т. М., 1960, т. 2, с. 526, 527 (письмо к А. Н. Голицыну от 20 декабря 1819 г.).
- ¹³ Капнист-Скалон С. В. Воспоминания.— В кн.: Воспоминания и рассказы деятелей тайных обществ 1820-х годов. М., 1931, ч. I, с. 350.
- ¹⁴ Тетбу де Мариньи Э. В. Павел Дюбрюкс.— ЗООИД, 1848, II, с. 229—231.
- ¹⁵ Из воспоминаний Михайловского-Данилевского.— РС, 1897, № 7, с. 92.
- ¹⁶ Бич О. И. Первые раскопки некрополя Пантикапея. Дневник раскопок П. Дюбрюкса 1816—1817 гг.— МИА, 1959, № 69, с. 296—321; Архив Ленинградского отделения Института археологии АН СССР, ф. 7, № 11, л. 132—137.
- ¹⁷ Томашевский Б. В. Пушкин. М.— Л., 1956, т. I, с. 481. Ср.: Медведова И. Н. Таврида. Л., 1956, с. 388, 389.
- ¹⁸ Блаватский В. Д. Пантикапей. М., 1964, с. 12—14.
- ¹⁹ Мопассан Ги, де. В Бретани.— Полн. собр. соч. в 12 т. М., 1958, т. 4, с. 121; Хокинс Д., Уайт Д. Разгадка тайны Стоунхеджа. М., 1973, с. 212, 213.
- ²⁰ Библиотека, с. 15.
- ²¹ Равикович Д. А. Музеи местного края во второй половине XIX — начале XX в.— В кн.: Очерки истории музейного дела в России. М., 1960, ч. II, с. 217.
- ²² Колли Л. П. Указатель Феодосийского музея древностей. Феодосия, 1903; Гейман В. Из феодосийской старины.— ИТУАК, 1916, 53, с. 102—104.
- ²³ Из воспоминаний Михайловского-Данилевского, с. 96; Муравьев-Апостол И. М. Путешествие по Тавриде в 1820 г. СПб., 1823, с. 251, 252.
- ²⁴ Томашевский Б. В. Пушкин, т. I, с. 490, 491.
- ²⁵ Домбровский О. И. Крепость в Горзувитах. Симферополь, 1972.
- ²⁶ Геродот, IV, 103; Страбон, VII, 4 (см.: Латышев В. В. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе.— ВДИ, 1947, № 2, с. 278; № 4, с. 203).
- ²⁷ Недзельский Б. Л. Пушкин в Крыму. Симферополь, 1929, с. 43, 44.
- ²⁸ Pallas P. S. Bemerkungen auf einer Reise in die Südlichen Staat-halterschaften des Russischen Reichs in den Jahren 1793 und 1794. Leipzig, 1801, Bd II, S. 60—63 (перевод см.: Путешествие по Крыму академика П. С. Палласа в 1793 и 1794 годах.— ЗООИД, 1881,

- XII, с. 98, 99); Досуги крымского судьи, или второе путешествие по Тавриде Павла Сумарокова. СПб., 1805, ч. II, с. 200—203; *Измайлов В. В.* Путешествие в полуденную Россию. М., 1802, ч. 3, с. 90—94; История Тавриды, сочиненная на французском языке С. Сестренцевичем-Богушем. СПб., 1808, т. I, с. 83—86; *Муравьев-Апостол И. М.* Путешествие по Тавриде..., с. 85—92.
- ²⁹ *Томашевский Б. В.* Пушкин, т. I, с. 500.
- ³⁰ Георгиевский монастырь в Крыму.— В кн.: *Ливанов Ф. В.* Путеводитель по Крыму с историческим описанием достопримечательностей Крыма. М., 1875, с. 19, 20.
- ³¹ *Недзельский Б. Л.* Пушкин в Крыму, с. 73—75; *Платонов С. Ф.* Пушкин и Крым.— Известия Таврического общества истории, археологии и этнографии, 1928, т. II, с. 1—6; *Адрианов С.* Пушкин и Крым.— Там же, с. 6, 7.
- ³² *Бобров С. С.* Таврида, или мой летний день в Таврическом Херсонесе. Николаев, 1798; *он же.* Херсонида, или картина лучшего летнего дня в Херсонесе Таврическом. СПб., 1804; *Измайлов В. В.* Путешествие в полуденную Россию. М., 1800—1802, ч. 1—4; *Сумароков П. И.* Путешествие по всему Крыму и Бессарабии в 1799 году. М., 1800; Досуги крымского судьи... СПб., 1803—1805, ч. I—II; *Броневский В. Б.* Обзорение южного берега Тавриды в 1815 г. Тула, 1822; *Муравьев-Апостол И. М.* Путешествие по Тавриде...; Путевые записки... Гавриила Геракова.
- ³³ Библиотека, с. 12, 13.
- ³⁴ *Муравьев-Апостол И. М.* Путешествие по Тавриде..., с. 85, 86.

ПУШКИН И ЛЕГЕНДА О ГРОБНИЦЕ ОВИДИЯ

- ¹ Обзор см.: *Бориневич-Бабайцева З. А.* Овидиев цикл в творчестве Пушкина.— В кн.: Пушкин на юге. Кишинев, 1958, т. I, с. 164—178.
- ² *Баргенов П. И.* Пушкин в южной России. М., 1914, с. 71.
- ³ *Якубович Д. П.* Античность в творчестве Пушкина.— Временник, 1941, VI, с. 103, 105.
- ⁴ *Липранди И. П.* Из дневника и воспоминаний.— Воспоминания, т. I, с. 303, 306, 307; Из дневника и воспоминаний И. П. Липранди.— Русский архив, 1866, с. 1278.
- ⁵ *Якубович Д. П.* Античность в творчестве Пушкина, с. 142.
- ⁶ *Яцимирский А. И.* Румынские параллели и отрывки к некоторым произведениям Пушкина.— Русский филологический вестник, 1901, XLV, с. 205—213.
- ⁷ *Богач Г. Ф.* Пушкин и молдавский фольклор. Кишинев, 1967, с. 92, 103.
- ⁸ Основные работы о легендарной гробнице Овидия: *Przychocki G.* Grób Owidijusza w Polsce.— Prace Towarzystwa naukowego Warszawskiego, I, Wydział językoznawstwa i literatury, N 8, 1920; *Mikulski T.* U grobu polskiego Owidijusza.— In: Księga zbiorowa ku czci I. Chrzanowskiego. Kraków, 1936 [перепечатано в кн.: *Mikulski T.* Rzeczy Staropolskie. Wrocław, 1964 (Studia Staropolskie, t. 14), s. 302—323]; *Lasca N.* Ovidiu in Rominia.— In: Publius Ovidius Naso. XLIII c. e. n.— MCMLVII e. n. Bucarest, 1957, p. 333—580. *Trapp J. V.* Ovid's Tomb. The growth of the legend from Euse-

- bius to Laurence Sterne, Shateaubriand and George Richmond.—*Journal of the Warburg and Courtauld Institutes*, 1973, v. XXXVI, p. 39—61; *Krokowski J. Ovidio in Polonia nell'legenda e nei fatti.*—«Eos». Kraków, 1959—1960, I, p. 155—175; *Формозов А. А.* Легенда о гробнице Овидия в русской литературе.—*ВДИ*, 1976, № 4, с. 122—130.
- ⁹ *Буркгардт Я.* Культура Италии в эпоху Возрождения. СПб., 1905, т. I, с. 177.
- ¹⁰ *Müller L.* Polnische, Liffländische, Moschowiterische, Schwedische und andere Historien, wo sich unter diesem jetzigen König zu Polen zugetragen. Francfort-am-Main, 1585, S. 80, 81.
- ¹¹ Дмитрия Кантемира историческое, географическое и политическое описание Молдавии. М., 1789, с. 21—23 (его источник: Stanislaw Sarnicii Annales sive De origine et rebus gestis Polonorum et Litanorum. Kraków, 1587, p. 73, 74).
- ¹² *Вельтман А. Ф.* Странник. М., 1831, ч. I, с. 89.
- ¹³ *Вельтман А. Ф.* Дон. Место ссылки Овидия.—*Чтения в Историческом обществе истории и древностей российских*, 1866, кн. 2, с. 1—64.
- ¹⁴ *Religiosae Kijovensae crypte sive Kijovia subterranea, in quibus labyrinthus sub terra et eo emortua a sexcentis annis divorum atque heroum graeco-ruthenorum nec dum corrupta corpora ex nomine atque ad oculum Paferico Sclavonico detegit M. Johannes Herbinus.* Jenae, 1675, p. 9—13.
- ¹⁵ *Яцимирский А. И.* Румынские параллели и отрывки..., с. 208.
- ¹⁶ *Собрание разных записок и сочинений, служащих к доставлению полного сведения о жизни и деяниях государя императора Петра Великого, изданное трудами и иждивением Федора Туманского.* СПб., 1788, ч. 8, с. 40, 41. Книга была в библиотеке Пушкина (Библиотека, с. 106).
- ¹⁷ *Пештич С. Л.* Русская историография XVIII в. Л., 1961, ч. 1, с. 136.
- ¹⁸ *Берков П. Н.* Овидий в русской литературе XVII—начала XVIII в.—*Вестник Ленинградского государственного университета*, 1973, т. 14, сер. История, язык, литература, вып. 3, с. 88, 89; *Луппов С. П.* Книга в России в первой четверти XVIII в. Л., 1973, с. 202, 226, 236, 255, 261.
- ¹⁹ *Новлянская М. Г.* Даниил Готлиб Мессершмидт. Л., 1970, с. 70.
- ²⁰ *Cuthrie M.* A Tour Performed in the Years 1795—6 through the Tauroida. London, 1802, p. 16—22, 417—442; *Pallas P. S.* Bemerkungen auf einer Reise in die Südlichen Staatthaltschaften des Russischen Reichs in den Jahren 1793 und 1794. Leipzig, 1801, Bd II, S. 306—308. Пушкин плохо знал немецкий язык, но книга Палласа была переведена на французский (*Observations, faites dans un voyage, entrepris dans les gouvernements meridionaux de l'Empire de Russie dans les années 1793 et 1794 par P. S. Pallas.* Leipzig, 1799—1801, v. I—II).
- ²¹ *Липранди И. П.* Из дневника и воспоминаний, с. 306.
- ²² Библиотека, с. 74, 75, 243, 244.
- ²³ *М[изко] Н.* Овидий в русской литературе.—*Москвитянин*, 1854, т. IV, № 14, с. 83—90.
- ²⁴ *Бобров С. С.* Разсвет полночи. СПб., 1804, ч. II, с. 127—137. С Тешваром идентифицировал Томи и обсуждавший этот вопрос с Пушкиным И. П. Липранди (*Из дневника и воспоминаний*, с. 307).
- ²⁵ *Радищев А. Н.* Полн. собр. соч. в 2-х т. М.—Л., 1938, т. I, с. 32.

- ²⁶ *Батюшков К. Н.* Соч. в 3-х т. СПб., 1886, т. III, с. 456.
- ²⁷ Письма митрополита Киевского Евгения к В. Г. Анастасевичу.— Русский архив, 1889, № 7, с. 377.
- ²⁸ Стихотворения Виктора Теплякова. СПб., 1836, ч. 2, с. 11—21, 85—87; *Тепляков В.* Письма из Болгарии. М., 1833, с. 12—18. Обе книги были в библиотеке Пушкина (Библиотека, с. 103, 104).
- ²⁹ *Poezje Ludwika Kondratowicza.* Warszawa, 1872, t. VII, s. 252—255 (Owidijusz na Polesiu).
- ³⁰ *Салтыков-Щедрин М. Е.* Собр. соч. в 20-ти т. М., 1973, т. 15, кн. 2, с. 291.
- ³¹ *Егунов А. Н.* Гомер в русских переводах XVIII—XIX вв. Л., 1964, с. 50.
- ³² Рец.: «Цыганы».— Московский телеграф, 1827, ч. 15, № 10, с. 118.
- ³³ *Благой Д. Д.* Творческий путь Пушкина (1813—1826). М.—Л., 1950, с. 335.
- ³⁴ *Свиньин П. П.* Воспоминания в степях бессарабских.— Отечественные записки, 1821, ч. 5, № 9, с. 9.
- ³⁵ *Двойченко-Маркова Е. М.* Источники легенды об Овидии в «Цыганах» Пушкина.— В кн.: Вопросы античной литературы и классической филологии. М., 1966, с. 321—329.
- ³⁶ *Г. К.* История Молдавии и Валахии с рассуждением о настоящем состоянии сих обоих княжеств. СПб., 1791, с. 7.
- ³⁷ *Богач Г. Ф.* Пушкин и молдавский фольклор, с. 95, 96, 103, 104. Ср.: *Стамати К.* О Бессарабии и ее древних крепостях.— ЗООИД, 1850, II, с. 809 (легенда об Овидии со словами «невинен, как дитя, и добр, как отец»).
- ³⁸ Сказки и легенды пушкинских мест. М.—Л., 1950, с. 53, 284.
- ³⁹ *Беккер П. В.* Материалы для древностей города Томы и соседних ему приморских городов Понта Эвксинского.— В кн.: Пропилеи. М., 1854, IV, с. 255—309.
- ⁴⁰ *Вулик Н. В.* «Тристин» и «Послания с Понта» Овидия как исторический источник.— ВДИ, 1974, № 1, с. 64—78; *Канарак В.* Археологический музей в Констанце. Констанца, 1967, с. 72—74; *Он же.* Здание с мозаикой в Томах. Констанца, 1968; *Федоров Г. Б., Полевой Л. Л.* Археология Румынии. М., 1973, с. 159, 233—242; *Sanagache V.* Tomis. Meridianaе, 1961; *Stoian J.* Tomitana. Bucureşti, 1962.
- ⁴¹ *Costar M.* Despre mormitul lui Ovidiu la Tomis.— Pontica, 1970, III, p. 333—336.
- ⁴² *Грач А. Д.* Открытие погребения С. П. Крашенинникова в Ленинграде.— Советская этнография, 1966, № 4, с. 108—116.

ИНТЕРЕС ПУШКИНА
К ДРЕВНЕМУ ЕГИПТУ.
ГУЛЯНОВ

- ¹ Для биографии Пушкина.— Москвитянин, 1842, ч. II, № 3, с. 45—48.
- ² *Цявловский М. А.* Пушкин по документам архива М. П. Погодина.— Литературное наследство, 1934, 16—18, с. 711.
- ³ *Нащокина П. В. и В. А.* Рассказы о Пушкине, записанные П. И. Бартевым.— Воспоминания, т. II, с. 190.

- ⁴ Деницкий Ю. К истории одного рисунка.— Огонек, 1951, № 23, с. 19; Тербенина Р. Е. Новые поступления в пушкинский рукописный фонд.— Временник, 1965, с. 15—19.
- ⁵ Измайлов Н. В. «Осень».— В кн.: Стихотворения Пушкина 1820—1830 гг. Л., 1974, с. 248; Эфрос А. М. Рисунки поэта. М., 1933, рис. на с. 313, с. 432, 433.
- ⁶ Матве М. Э. Искусство древнего Египта. Л.— М., 1961, рис. 106.
- ⁷ Там же, рис. 18.
- ⁸ Тербенина Р. Е. Новые поступления...
- ⁹ Московское ежемесячное издание, служащее продолжением «Утреннего света», 1781, ч. I, предисловие, с. XIX, XX.
- ¹⁰ Михайлов А. И. Баженов. М., 1951, с. 150.
- ¹¹ Толстой А. К. Собр. соч. в 4-х т. М., 1964, т. IV, с. 98 (письмо к Н. М. Жемчужникову от 28 ноября 1858 г.).
- ¹² Хитрово Н. З. Описание мумии, найденной в 1820 г. близ Мемфиса кн. Г. И. Авраловым и ныне находящейся в Москве. М., 1826.
- ¹³ Кацнельсон И. С. Материалы для истории египтологии в России.— В. кн.: Очерки по истории русского востоковедения. М., 1956, 2, с. 207—220.
- ¹⁴ Базанов В. Г. Ученая республика. М.— Л., 1964, с. 418; Шомар (перев. А. Б.-с-э). О гробницах в подземельях фивских.— Труды Вольного общества любителей российской словесности, 1822, XIX, с. 182—194.
- ¹⁵ Волк С. С. Исторические взгляды декабристов. М.— Л., 1958, с. 152, 153.
- ¹⁶ Мачинский А. В. Переписка Ж. Ю. Шамполиона и А. Н. Оленина.— Проблемы истории докапиталистических обществ, 1934, № 4, с. 72—90.
- ¹⁷ А. К. Чтение доктора Гренвилля в С.-Петербургской Академии наук о египетских мумиях.— Московский вестник, 1827, VI, с. 367—371; Колопанов Н. П. Биография А. И. Кошелева. М., 1889, т. I, кн. 2, с. 226.
- ¹⁸ О характере художеств у египтян и причинах оного.— Журнал изящных искусств, 1823, 4, с. 265—275; 5, с. 349—361; 6, с. 433—440; Уланов П. Об отличительных свойствах памятников египетских и о том, почему знаменитейшие из новейших художников не берут их для себя за образцы?— Вестник Европы, 1818, № 14, с. 96—122.
- ¹⁹ Краткое начертание всемирной истории с принадлежащими к нему хронологическими таблицами, сочиненное для руководства при первоначальном изучении истории Императорского Царскосельского лицея профессором Иваном Кайдановым. СПб., 1822, с. 4, 8, 11; Руководство к познанию всеобщей политической истории, сочиненное профессором Императорского лицея И. К. Кайдановым. СПб., 1821. Ч. I. Древняя история, с. 31—46.
- ²⁰ Всеобщая древняя и новая история аббата Милота.— СПб., 1820, ч. I, с. 7—69.
- ²¹ Чаадаев П. Я. Сочинения и письма в 2-х т. М., 1913, т. I, с. 73 (подлинник по-французски, перев.— т. II, с. 105, 106. Ср.: XIV, 44).
- ²² Там же, т. I, с. 138—142 (перев.— т. II, с. 172—176).
- ²³ Шаховской Д. И. П. Я. Чаадаев — автор «Философических писем».— Литературное наследство, 1935, 22—24, с. 8—9.

- ²⁴ Чаадаев П. Я. Сочинения и письма, т. II, с. 173 (перев. с французского).
- ²⁵ Babington J. Description of the Pandoo Cooliesin, Malabar.— In: Transactions of Literary Society. Bombay, 1820, p. 324—330 (по: Krishnaswami V. D. Megalithic types of South India.— Ancient India, 1949, N 5, p. 44).
- ²⁶ Государственный исторический музей, отдел письменных источников, ф. 390, л. 240, 241; Формозов А. А. Пушкин, Чаадаев и Гулянов.— Вопросы истории, 1966, № 8, с. 213, 214.
- ²⁷ Вяземский П. А. Несколько слов о г. Гулянове и трудах его.— Полн. собр. соч. в 12-ти т. СПб., 1878, т. 1, с. 216—218; Веневитинов Д. В. Полн. собр. соч. М.—Л., 1934, с. 337 (письмо к С. П. Шевыреву от 28 января 1827 г.).
- ²⁸ Барсуков Н. П. Жизнь и труды М. П. Погодина. [Б. м.], 1890, кн. III, с. 335, 336.
- ²⁹ Т. Н. Грановский и его переписка. М., 1897, т. II, с. 324 (письмо к Я. М. Неверову от 10 апреля 1838 г.).
- ³⁰ Гулянов.— Новый энциклопедический словарь Брокгауз — Ефрон. СПб., [б. г.], т. 15, с. 247; Очерки истории исторической науки в СССР. М., 1960, т. II, с. 292.
- ³¹ См. оценку деятельности И. А. Гулянова у И. С. Кацнельсона (Материалы для истории египтологии..., с. 222—224) или у С. К. Булича (Очерки истории языкознания в России. СПб., 1904, т. I, с. 599—608).
- ³² Т. Н. Грановский и его переписка, т. II, с. 324 (в подлиннике слова Гулянова — по-французски).
- ³³ Труды г. Гулянова.— Телескоп, 1832, № 10, с. 267—270.
- ³⁴ С. Ё. О вражде к просвещению, замечаемой в новейшей литературе.— Современник, 1836, II, с. 211—216.
- ³⁵ Записки А. О. Смирновой. Из записных книжек 1826—1845 гг. СПб., 1897, ч. II, с. 71.
- ³⁶ Байрон Д. Избранные произведения. М., 1953, с. 73.
- ³⁷ Крестова Л. В. К вопросу о достоверности так называемых «Записок» А. О. Смирновой.— В кн.: Смирнова А. О. Записки, дневник, воспоминания, письма. М., 1927, с. 355—393.
- ³⁸ С доверием отнесся к приведенному нами рассказу О. Н. Смирновой академик В. С. Иконников (Исторические воззрения Пушкина. Киев, 1911, с. 1, 2). В наши дни широко использовал этот источник доктор исторических наук С. С. Волк (Исторические взгляды декабристов, с. 196, 203, 227, 233).
- ³⁹ Лапис И. А., Марье М. Э. Древнеегипетская скульптура в собрании Государственного Эрмитажа. М., 1969, с. 5, 94, 95, рис. 66 (№ 102 описания).
- ⁴⁰ Записки А. О. Смирновой. СПб., 1895, ч. I, с. 299.
- ⁴¹ Путешествие по Египту и Нубии в 1834—1835 годах Авраама Норова, служащее введением к путешествию по Святой земле. СПб., 1853, ч. II, с. 350. Саис — провожатый, дагабия — парусное судно, кавас — египетский чиновник, приставленный к Норову.
- ⁴² Смирнова А. О. Записки, дневник, воспоминания, письма, с. 223.
- ⁴³ Там же, с. 221, 415.

ПУШКИН И ХОДАКОВСКИЙ

- ¹ Письмо А. А. Шишкова к С. Т. Аксакову.— В кн.: Летописи Государственного литературного музея. М., 1936, кн. I, с. 482.
- ² *Кеневич С.* Лелевель. М., 1970, с. 10, 11.
- ³ Подробнее см.: *Формозов А. А.* Очерки по истории русской археологии. М., 1961, с. 62—64; *Ровнякова Л. И.* Русско-польский этнограф и фольклорист З. Доленга-Ходаковский и его архив.— В кн.: Из истории русско-славянских литературных связей XIX в. М.—Л., 1963, с. 90—94.
- ⁴ *Ходаковский.* Сопки.— Русский исторический сборник, 1844, т. VII, с. 369, 373.
- ⁵ Отрывок из путешествия Ходаковского по России. Русский исторический сборник, 1839, т. III, кн. 2, с. 148.
- ⁶ Разные известия.— Северный архив, 1822, № 10, с. 315.
- ⁷ *Ходаковский.* Сопки, с. 377.
- ⁸ Отрывок из путешествия Ходаковского..., с. 153.
- ⁹ *Францев В. А.* Польское славяноведение конца XVIII—первой четверти XIX столетия. Прага, 1906, с. СXXXI, СXXXII.
- ¹⁰ Там же, с. CXLVI, CXLVII (заключения Н. И. Фусса от 23 мая 1821 г. и 27 октября 1822 г.).
- ¹¹ Там же, с. CXLI, CXLIV, CXLV, CXLVIII, CLIII, CLIV, CLVIII (письма Ходаковского от 13 июля, 28 августа, 9 октября, 11 декабря 1822 г., 11, 15 и 30 января и 2 апреля 1823 г.).
- ¹² Николай Полевой. Материалы по истории русской литературы и журналистики 30-х годов. Л., 1934, с. 138—140.
- ¹³ Одну из статей, опубликованных в «Русском историческом сборнике» (1838, т. I, кн. 3), М. П. Погодин назвал «Историческая система Ходаковского».
- ¹⁴ Расспросы Ходаковского получили такую известность, что каждый, кто писал о нем, больше всего говорит именно об этом. См., например, некролог Ходаковскому: Материалы для истории просвещения в России, собираемые Петром Кёппеном, № II. Библиографические листы 1825 г. СПб., 1826, с. 562—564; *Погодин М. П.* Судьбы археологии в России.— Труды I археологического съезда. М., 1871, т. I, с. 15.
- ¹⁵ *Доленга-Ходаковский З.* Розыскания касательно русской истории.— Вестник Европы, 1819, ч. CVII, № 20, с. 298; *Ходаковский З. Д.* Проект ученого путешествия по России для объяснения древней славянской истории.— Сын отечества, 1820, № XXXIV, с. 5, 6; № XXXVIII, с. 197, 202; *Доленга-Ходаковский З.* Опыт изъяснения слова князь, książdz.— Северный архив, 1824, № 11, с. 246. В статье «Зориан Доленга-Ходаковский и его наблюдения над Словом о полку Игореве» (Труды отдела древнерусской литературы Института русской литературы АН СССР, 1951, т. VIII, с. 77) Ф. Я. Прийма говорит, что в публикациях Ходаковского «Слово» не упомянуто ни разу, и из этого ошибочного утверждения делает вывод о знакомстве Пушкина с рукописным архивом Ходаковского. Для такого заключения материалов у нас нет.
- ¹⁶ Письма митрополита Киевского Евгения к В. Г. Анастасевичу.— Русский архив, 1889, № 6, с. 218.
- ¹⁷ Старина русской земли. Исследования и статьи И. М. Снегирева. СПб., 1871, т. I, кн. 1, с. 135.
- ¹⁸ *Францев В. А.* Польское славяноведение..., с. 352.

- ¹⁹ Подробнее см.: *Формозов А. А.* Пушкин и Ходаковский.— В кн.: Прометей. М., 1974, т. 10, с. 100—105.
- ²⁰ Летописи Государственного литературного музея, 1936, кн. I, с. 482.
- ²¹ *Барсуков Н. П.* Жизнь и труды М. П. Погодина. [Б. м.], 1896, кн. X, с. 26.

ПУТЕШЕСТВИЯ ПО РОССИИ

- ¹ *Батюшков К. Н.* Соч. в 3-х т. СПб., 1886, т. III, с. 38 (письмо к Н. И. Гнедичу от 8 августа 1809 г.).
- ² *Трефолов Л. Н.* Константин Матвеевич Бороздин — один из первых археологов в Ярославской губернии. Ярославль, 1888.
- ³ *Поленов Д. В.* Описание бороздинского собрания рисунков к его археологическому путешествию по России с господами Ермолаевым и Ивановым в 1809—1810 гг.— Труды I археологического съезда. М., 1871, т. I, с. 72, 73.
- ⁴ *Батюшков К. Н.* Соч., т. III, с. 56 (письмо к Н. И. Гнедичу от 1 ноября 1809 г.), с. 87 (письмо к нему же от 1 апреля 1810 г.).
- ⁵ Обзор публикаций «Отечественных записок» см.: *Формозов А. А.* Первый русский историко-археологический журнал.— Вопросы истории, 1967, № 4, с. 208—212.
- ⁶ Исторические материалы из архива Киевского губернского правления. Киев, 1888, вып. 3, с. 117, 118.
- ⁷ *Карамзин Н. М.* Соч. в 9-ти т. СПб., 1835, т. 9, с. 245—266.
- ⁸ *Гоголь Н. В.* Полн. собр. соч. в 14-ти т. [Б. м.], 1940, т. X, с. 181 (письмо к М. И. Гоголю от 3 июня 1830 г.).
- ⁹ Там же, с. 167 (письмо к М. И. Гоголю от 2 февраля 1830 г.).
- ¹⁰ Отечественные записки, 1818, с. 45—58; *Трубецкой Б. А.* Пушкин в Молдавии. Кишинев, 1963, с. 136, 137.
- ¹¹ Библиотека, с. 129, 130.
- ¹² *Кёппен Ф. П.* Биография П. И. Кёппена.— Сборник Отделения русского языка и словесности Академии наук, 1911, т. 89, № 5, с. 149.
- ¹³ Полярная звезда, изданная А. Бестужевым и К. Рылевым. М.—Л., 1960, с. 388.
- ¹⁴ Краткая опись предметов, составляющих Русский музей Павла Свиньина. СПб., 1829.
- ¹⁵ *Лукин Б. В.* К вопросу о судьбе шести статуй, виденных И. А. Стемковским и П. П. Свиньиным в 1822—1825 гг.— Записки Северо-Кавказского краевого общества археологии, истории и этнографии, 1929, т. III, кн. 1, вып. 5-6, с. 25—39.
- ¹⁶ Дневник И. М. Снегирева. М., 1904, т. I, с. 238.
- ¹⁷ *Свиньин П.* Краткая записка о древностях, найденных близ Галича.— Русский исторический сборник, 1837, т. I, кн. 1, с. 102—105.
- ¹⁸ Полярная звезда..., с. 388.
- ¹⁹ *Пушкин А. С.* Полн. собр. соч. в одном томе. М., 1949, с. 1483.
- ²⁰ Записки Д. Н. Свербеева. М., 1899, т. II, с. 340, 341.
- ²¹ *Григорьев В. В.* Жизнь и труды П. С. Савельева. СПб., 1861, с. 96.
- ²² *Измайлов Н. В.* Очерки творчества Пушкина. Л., 1975, с. 126, 127.
- ²³ *Белинский В. Г.* Петербург и Москва.— Полн. собр. соч. в 13-ти т. М., 1955, т. VIII, с. 390.
- ²⁴ *Герцен А. И.* Новгород Великий и Владимир на Клязьме.— Собр. соч. в 30-ти т. [Б. м.], 1954, т. II, с. 47. Подробнее см.: *Формозов А. А.* Когда и как складывались современные представления о па-

- мятников русской истории.— Вопросы истории, 1976, № 10, с. 203—209.
- ²⁵ Библиотека, с. 57, 78.
- ²⁶ *Липранди И. П.* Из воспоминаний и дневника.— Воспоминания, т. I, с. 307—312, 332—335; *Трубецкой Б. А.* Пушкин в Молдавии, с. 153, 159, 325. Проникшая в литературу легенда о том, что Пушкин провел ночь на одной из башен Аккермана, называвшейся прежде башней Овидия, а теперь — башней Пушкина, недостоверна и имеет позднее происхождение.
- ²⁷ *Семенов Л. П.* Татартупский минарет. Дзауджикау, 1947.
- ²⁸ *Герц К. К.* Историческое обозрение археологических исследований на Таманском полуострове.— Соч. в 9-ти т. СПб., 1898, т. II, с. 4.
- ²⁹ Досуги крымского судьи, или второе путешествие по Тавриде Павла Сумарокова, 1805, ч. II, с. 134.
- ³⁰ Письма из Болгарии. Писаны во время кампании 1829 г. Виктором Тепляковым. М., 1833, с. 121.
- ³¹ *Лермонтов М. Ю.* В Воскресенске.— Полн. собр. соч. в 4-х т. М.—Л., 1947, т. I, с. 157.
- ³² Путешествие по Египту и Нубии в 1834—1835 гг. Авраама Норова, служащее введением к путешествию по Святой земле. СПб., 1853, ч. I, с. 220.
- ³³ *Бунин И. А.* Собр. соч. в 9-ти т. М., 1966, т. V, с. 171—176.
- ³⁴ *Квезерели-Копадзе Н. И.* Военно-Грузинская дорога. Тбилиси, 1967, с. 134, 135.
- ³⁵ Библиотека, с. 314.
- ³⁶ *Лермонтов М. Ю.* Полн. собр. соч., т. I, с. 85.
- ³⁷ *Долидзе В., Шмерлинг Р.* Военно-Грузинская дорога. Путеводитель по архитектурным памятникам. Тбилиси, 1956, с. 74, 75.
- ³⁸ Там же, с. 15; *Квезерели-Копадзе Н. И.* Древний Мцхетский мост через Куру. Тбилиси, 1947.
- ³⁹ *Андроников И. Л.* Лермонтов. Исследования и находки. М., 1968, рис. 22.
- ⁴⁰ *Грибоедов А. С.* Соч. М.—Л., 1959, с. 563, 564 (письмо к В. Ф. Одоевскому от 10 июня 1825 г.).
- ⁴¹ Там же, раздел «Крым», с. 428—442.
- ⁴² Там же, раздел «Disederata», с. 456, 457.
- ⁴³ Сочинения и письма П. Я. Чаадаева в 2-х т. М., 1914, т. II, с. 111 (перев. с французского).
- ⁴⁴ *Виноградов И. А.* Отчет о деятельности Тверской ученой архивной комиссии за 1901 г. Тверь, 1903, с. 29; Журнал 85 заседания Тверской ученой архивной комиссии 27 ноября 1901 г. Тверь, 1901, с. 15—18.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

- ¹ *Плетнев П. А.* Из статей о Пушкине.— Воспоминания, т. II, с. 252.
- ² *Павлов И. П.* Проба физиологического понимания симптоматики истерии.— Собр. соч. в 6-ти т. М.—Л., 1951, т. III, ч. II, с. 213.
- ³ *Шеллинг Ф.* Система трансцендентального идеализма. Л., 1936, с. 387.
- ⁴ Ср.: *Черепнин Л. В.* Исторические взгляды классиков русской литературы. М., 1968; *Формозов А. А.* Историзм русской литературы.— Новый мир, 1969, № 4, с. 267—271.

- ⁵ *Нащокины П. В. и В. А.* Рассказы о Пушкине, записанные П. И. Бартевым.— Воспоминания, т. II, с. 193.
- ⁶ *Вяземский П. А.* Взгляд на литературу нашу в десятилетие после смерти Пушкина.— Воспоминания, т. I, с. 151.
- ⁷ Библиотека, с. 178, 179, 216, 217, 268.
- ⁸ *Алексеев М. П.* Пушкин. Л., 1962, с. 133.
- ⁹ См. об этом: *Блок Г. П.* Пушкин в работе над историческими источниками. М.— Л., 1949; *Овчинников Р. В.* Пушкин в работе над архивными документами. Л., 1969; *Фейнберг И. Л.* Незавершенные работы Пушкина. М., 1976.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- ВДИ — Вестник древней истории
Временник — Пушкин. Временник Пушкинской комиссии Академии наук СССР
ЗООИД — Записки Одесского общества истории и древностей
ИТУАК — Известия Таврической ученой архивной комиссии. Симферополь
МИА — Материалы и исследования по археологии СССР
РС — Русская Старина

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	3
Как складывалась археология в России и что знал об этом Пушкин	7
Пушкин и археологические памятники юга России	23
Пушкин и легенда о гробнице Овидия	41
Интерес Пушкина к древнему Египту. Гуль- янов	57
Пушкин и Ходаковский	69
Путешествия по России	78
Заключение	99
Примечания	105
Список сокращений	118

Александр Александрович
Формозов

ПУШКИН
И
ДРЕВНОСТИ

Наблюдения археолога

Утверждено к печати
Ордена Трудового Красного Знамени
Институтом археологии
Академии наук СССР

Редактор издательства
Н. И. Сергиевская

Художник

М. М. Бабенков

Технический редактор

Т. С. Жарикова

Художественные редакторы

Н. Н. Власик и Н. А. Седельников

Корректоры

К. П. Лосева, Ф. Г. Сурова

ИБ № 15514

Сдано в набор 20.06.79.

Подписано к печати 26.10.79.

Т-17835. Формат 84×108¹/₃₂

Бумага типографская № 2

Гарнитура литературная

Печать высокая

Усл. печ. л. 7,14. Уч.-изд. л. 7,4.

Тираж 36500 экз. Тип. зак. 2096

Цена 45 коп.

Издательство «Наука»
117864 ГСП-7, Москва, В-485, Профсоюзная ул., 90
2-я типография издательства «Наука»
121099, Москва, Г-99, Шубинский пер., 10

45 КОП.

